

ВОСПОМИНАНІЯ
О
О Е Д О Р Ъ М И Х А Й Л О В И Ч Ъ
ДОСТОЕВСКОМЪ.

DOCTORS

OF THE

DOCTORS

Считаю своимъ долгомъ записать все сколько нибудь важное и интересное, что сохранила мнѣ память о Федорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ. Я былъ довольно долгое время очень близокъ къ нему, особенно, когда работалъ въ журналахъ, которыхъ онъ былъ руководителемъ. Поэтому отъ меня больше всего можно требовать и ожидать изложенія его мнѣній и настроеній во время этой его публичной дѣятельности. Близость наша была такъ велика, что я имѣлъ полную возможность знать его мысли и чувства, и я постараюсь изложить ихъ, какъ умѣю, насколько помню и насколько успѣлъ понять. Судьбу этихъ журналовъ, исторію ихъ превратностей едва-ли кто другой можетъ теперь рассказать съ такою полнотою, какъ я; а эта исторія имѣла важное значеніе въ жизни Федора Михайловича и составляетъ важную сторону его писательства. Постараюсь также со всею искренностію и точностію указать его личныя свойства и отношенія, какія мнѣ довелось узнать. Но главнымъ моимъ предметомъ будетъ все-же литературная дѣятельность нашего писателя. Въ исторіи литературы онъ останется памятнымъ не только какъ художникъ, какъ авторъ романовъ, но и какъ журналистъ; и всего удобнѣе мнѣ начать свои воспоминанія именно съ указанія на его журналистику.

Н. Страховъ.

I.

Первыя встрѣчи.

Журнальная дѣятельность Федора Михайловича, если взять все вмѣстѣ, имѣетъ очень значительный объемъ. Онъ питалъ къ этого рода дѣятельности величайшее расположеніе, и послѣднія строки, имъ написанныя, были статьи послѣдняго номера его „Дневника“.

Изданія, въ которыхъ онъ являлся какъ журналистъ, то есть какъ редакторъ, публицистъ и критикъ, были слѣдующія:

1) „Время“, ежемѣсячный толстый журналъ, издававшійся подъ редакцію брата Федора Михайловича, Михайла Михайловича Достоевскаго, съ января 1861 по апрѣль 1863 (включительно).

2) „Эпоха“, такой же журналъ, выходившій съ начала 1864 года по февраль 1865 (включительно), сперва подъ редакцію того же Михайла Михайловича Достоевскаго, а съ іюня 1864 года, послѣ его смерти, подъ редакцію А. У. Порѣцкаго (нынѣ уже покойника).

3) „Гражданинъ“, изданіе, основанное въ 1872 году княземъ В. П. Мещерскимъ, еженедѣльная газета. Редакторомъ ея въ первый годъ былъ *Г. К. Градовскій*, а въ слѣдующій, 1873,—Федоръ Михайловичъ. Здѣсь Федоръ Михайловичъ началъ писать фельетоны подъ заглавіемъ „Дневникъ Писателя“; это былъ зачатокъ слѣдующаго изданія.

4) „Дневникъ Писателя“. Ежемѣсячное изданіе. Выходилъ въ 1876 и 1877 годахъ. Въ 1880 году вышелъ одинъ номеръ за августъ; въ 1881 вышелъ январскій номеръ уже по смерти своего редактора.

Духъ и направленіе этихъ журналовъ составляютъ совершенно особую полосу въ петербургской журналистикѣ, отличающейся, какъ извѣстно, большою однородностію въ своихъ стремленіяхъ, вѣроятно вслѣдствіе однородности тѣхъ условій, среди которыхъ она развивается. Дѣятельность Федора Михайловича шла въ разрѣзъ съ этимъ общимъ петербургскимъ настроеніемъ, и преимущественно онъ, силою таланта и жаромъ проповѣди, далъ значительный успѣхъ другому настроенію, болѣе широкому,—русскому, а не петербургскому.

Попытаюсь послѣдовательно указать ходъ этого дѣла. Мое знакомство съ Федоромъ Михайловичемъ началось именно на журнальномъ поприщѣ, при томъ еще раньше, чѣмъ стало выходить „Время“. Въ концѣ 1859 года было объявлено объ изданіи въ слѣдующемъ году новаго ежемѣсячнаго журнала „Свѣточъ“, подъ редакцію *Д. И. Каминовскаго*. Главнымъ сотрудникомъ въ этомъ журналѣ былъ А. П. Милуковъ, въ то время мой сослуживецъ по одному изъ учебныхъ заведеній. Я предложилъ ему для перваго же номера свою статью, первую большую статью, съ которою я выступалъ на петербургское журнальное поприще. Къ великой радости, статья была одобрена, и А. П. пригласилъ меня въ свой литературный кружокъ, на свои вторники, въ Офицерской улицѣ, въ домъ Якобса. Съ перваго вторника, когда я явился въ этотъ кружокъ, я считалъ себя какъ-будто принятымъ, наконецъ, въ общество настоящихъ литераторовъ, и очень всѣмъ интересовался. Главными гостями А. П. оказались братья Достоевскіе, Федоръ Михайловичъ и Михаилъ Михайловичъ, давнишніе друзья хозяина и

очень привязанные другъ къ другу, такъ что бывали обыкновенно вмѣстѣ. Кромѣ ихъ часто являлись А. Н. Майковъ, Вс. Вл. Крестовскій, Д. Д. Минаевъ, докторъ С. Д. Яновскій, А. А. Чумиковъ, Вл. Д. Яковлевъ и другіе. Первое мѣсто въ кружкѣ занималъ, конечно, Ѳедоръ Михайловичъ: онъ былъ у всѣхъ на счету крупнаго писателя и первенствовалъ не только по своей извѣстности, но и по обилію мыслей и горячности, съ которою ихъ высказывалъ. Кружокъ былъ невеликъ, и члены его были очень близки между собою, такъ что стѣсненія, столь обыкновеннаго во всѣхъ русскихъ обществахъ, не было и слѣда. Но и тогда была замѣтна обыкновенная манера разговора Ѳедора Михайловича. Онъ часто говорилъ съ своимъ собесѣдникомъ въ полголоса, почти шепотомъ, пока что нибудь его особенно не возбуждало; тогда онъ воодушевлялся и круто возвышалъ голосъ. Впрочемъ, въ то время его можно было назвать довольно веселымъ въ обыкновенномъ настроеніи; въ немъ было еще очень много мягкости, измѣнившей ему въ послѣдніе годы, послѣ всѣхъ понесенныхъ имъ трудовъ и волненій. Наружность его я живо помню; онъ носилъ тогда одни усы и, не смотря на огромный лобъ и прекрасные глаза, имѣлъ видъ совершенно солдатскій, то есть, простонародныя черты лица. Помню также, какъ я въ первый разъ увидѣлъ, почти мелькомъ, его первую жену, Марью Дмитріевну; она произвела на меня очень пріятное впечатлѣніе блѣдностію и нѣжными чертами своего лица, хотя эти черты были неправильны и мелки; видно было и расположеніе къ болѣзни, которая свела ее въ могилу.

Разговоры въ кружкѣ занимали меня чрезвычайно. Это была новая школа, которую мнѣ довелось пройти, школа, во многомъ расходившаяся съ тѣми мнѣніями и вкусами, которые у меня сложились. До того времени я жилъ тоже въ кружкѣ, но въ своемъ, не публичномъ и литературномъ, а совершенно частномъ. Такихъ кружковъ всегда существуетъ очень много въ Петербургѣ, кружковъ часто любознательныхъ, читающихъ, вырабатывающихъ себѣ свои особенныя пристрастія и отвращенія, но иногда вовсе не стремящихся къ публичности. Мое знакомство этого рода состояло изъ людей моложе меня возрастомъ; назову изъ живыхъ Д. В. Аверкіева, изъ покойныхъ М. П. Покровскаго, Н. Н. Воскобойникова, В. И. Ильина, И. Г. Долгомостьева, Ѳ. И. Дозе. *) Тутъ господствовало большое поклоненіе наукъ, поэзіи, музыкѣ, Пушкину, Глинкѣ; настроеніе было очень серьезное и хорошее. И тутъ сложились взгляды, съ которыми я вступилъ въ чисто-литературный кружокъ.

*) Эти имена потомъ всѣ стали принадлежать литературѣ, хотя участіе ихъ было и чрезвычайно малое, даже вовсе незамѣтное.

Въ то время я занимался зоологіею и философіею и потому, разумѣется, прилежно слѣдилъ за нѣмцами и въ нихъ видѣлъ вождей просвѣщенія. У литераторовъ оказалось другое; всѣ они очень усердно читали французовъ и были равнодушны къ нѣмцамъ. Всѣмъ извѣстно было, что М. М. Достоевскій составляетъ исключеніе, владѣя нѣмецкимъ языкомъ такъ, чтобы читать на немъ и дѣлать переводы. Ѳедоръ же Михайловичъ, хотя, конечно, учился этому языку, но, какъ и другіе, совершенно его забросилъ и до конца жизни читалъ только пофранцузски. Въ ссылкѣ онъ, какъ видно, предполагалъ взяться за серьезныя занятія и просилъ брата выслать ему исторію философіи Гегеля въ подлинникъ; но книга осталась нечитанною, и онъ подарилъ ее мнѣ вскорѣ послѣ перваго знакомства.

Естественно, что и направленіе кружка сложилось подъ вліяніемъ французской литературы. Политическіе и социальныя вопросы были тутъ на первомъ планѣ и поглощали чисто-художественныя интересы. Художникъ, по этому взгляду, долженъ слѣдить за развитіемъ общества, и приводить къ сознанію нарождающееся въ немъ добро и зло, быть поэтомъ наставникомъ, обличителемъ, руководителемъ; такимъ образомъ почти прямо заявлялось, что вѣчные и общіе интересы должны быть подчинены временнымъ и частнымъ. Этимъ публицистическимъ направленіемъ Ѳедоръ Михайловичъ былъ вполне проникнутъ и сохранялъ его до конца жизни.

Дѣло художественныхъ писателей полагалось главнымъ образомъ въ томъ, чтобы наблюдать и рисовать различные типы людей, преимущественно низкіе и жалкіе, и показывать, какъ они сложились подъ вліяніемъ *среды*, подъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ. У литераторовъ было въ привычкѣ заходить при случаѣ въ самыя грязныя и низкія мѣста, вступать въ пріятельскіе разговоры съ людьми, которыми гнушается купецъ и чиновникъ, и сострадательно смотрѣть на самыя дикія явленія. Разговоръ въ кружкѣ безпрестанно попадалъ на тему различныхъ типовъ такого рода, и множество остроумія и наблюдательности было обнаруживаемо въ этихъ *физиологическихъ* соображеніяхъ. На первыхъ порахъ меня очень удивляло, когда сужденія о человѣческихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ произносились не съ высоты нравственныхъ требованій, не по мѣрилу разумности, благородства, красоты, а съ точки зрѣнія неизбежной власти различныхъ вліяній и неизбежной податливости человѣческой природы. Особенное настроеніе мыслей Ѳедора Михайловича, стоящее выше этой физиологій, открылось мнѣ ясно только впоследствии, и сначала я не замѣчалъ его въ общемъ потокѣ новыхъ для меня взглядовъ.

Очевидно, это направленіе мыслей сложилось подъ вліяніемъ французской литературы, было одно изъ направленій *сороковыхъ годовъ*, тѣхъ плодотворныхъ годовъ, когда Европа, кипѣвшая особенно сильно 'духовною жизнью, производила на насъ, русскихъ, большое вліяніе и посѣяла у насъ сѣмена, которыя долго потомъ развивались. Впослѣдствіи мнѣ сталъ понятенъ и часто удивлялъ меня этотъ процессъ *отставанія* отъ Европы, безпрестанно у насъ повторяющійся. Послѣ 1848 года на Западѣ совершился переломъ настроенія: радостныя надежды потускли, нравственный уровень опустился, обнаружилась страшная болѣзнь и стали господствовать тоска и пессимизмъ. Чуткій Герценъ, видѣвшій эту исторію своими глазами, высказывалъ безвыходное отчаяніе. Между тѣмъ въ Россіи ничего этого не было замѣтно; едва-ли было когда у насъ въ литературѣ такое радостное и оживленное настроеніе, какъ съ 1856 по 1862 годъ, до петербургскихъ пожаровъ; мы ни мало и ни въ чемъ не были разочарованы, и каждый спокойно отдавался любимымъ мыслямъ, проповѣдуя то, что уже потеряло вѣсъ, или получило уже новый смыслъ въ Европѣ. Что касается до меня, то я въ литературномъ отношеніи тоже принадлежалъ къ одному изъ направленій сороковыхъ годовъ, но еще болѣе старому, чѣмъ литературный кружокъ, о которомъ идетъ рѣчь, къ тому направленію, для котораго верхомъ образованія было *понимать Гегеля и знать Гёте наизусть*. Поэтому, и по другимъ причинамъ разногласія, настроеніе кружка рѣзко бросилось мнѣ въ глаза.

Въ основаніи этого настроенія, конечно, лежало прекрасное чувство, гуманность, состраданіе къ людямъ, попавшимъ въ трудное положеніе, и прощеніе имъ ихъ слабости. Въ самомъ дѣлѣ, легко провиниться въ нѣкоторой жестокости, когда мы указываемъ ближнимъ неисполненныя требованія, — даже если это нравственныя требованія. Поэтому литературный кружокъ, въ который я вступилъ, былъ для меня во многихъ отношеніяхъ школою гуманности. Но другая черта, поразившая меня здѣсь, представляла гораздо большую неправильность. Съ удивленіемъ замѣчалъ я, что тутъ не придавалось никакой важности всякаго рода *физическимъ* излишествамъ и отступленіямъ отъ нормальнаго порядка. Люди, чрезвычайно чуткіе въ нравственномъ отношеніи, питавшіе самый возвышенный образъ мыслей и даже большею частію сами чуждые какой-нибудь физической распушенности, смотрѣли однако совершенно спокойно на все безпорядки этого рода, говорили объ нихъ какъ о забавныхъ пустякахъ, которымъ предаваться вполне позволительно въ свободную минуту. Безобразіе духовное судилось тонко и строго; безобразіе плотское не ставилось ни во что. Эта странная *эманципація плоти* дѣйствовала

соблазнительно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ поведѣя къ послѣдствіямъ, о которыхъ больно и страшно вспомнить. Изъ числа людей, съ которыми пришлось мнѣ сойтись на литературномъ поприщѣ, особенно въ шестидесятыхъ годахъ, нѣкоторые на моихъ глазахъ умирали или сходили съ ума отъ этихъ физическихъ грѣховъ, которыми они такъ пренебрегали. И погибали вовсе не худшіе, а часто тѣ, у кого было слабо себялюбіе и жизнелюбіе, кто не расположенъ былъ слишкомъ бережно обходиться съ собственною особой. О нѣкоторыхъ случаяхъ этого рода, можетъ быть, придется мнѣ далѣе говорить. Но придется, конечно, умолчать о многихъ другихъ бѣдахъ, порожденныхъ вреднымъ ученіемъ, бѣдахъ не довольно страшныхъ для печати, но въ сущности иногда не уступающихъ смерти и съумасшествію.

Что касается до взглядовъ на искусство, на задачи художниковъ, то тогда, въ началѣ моего знакомства съ литературнымъ міромъ, меня не могло не удивлять господство узкой теоріи, требовавшей служенія современной минутѣ. Самъ я держался обыкновенной нѣмецкой теоріи *свободы художника*, той теоріи, которая сложилась въ нѣмецкой философіи, проникла къ намъ еще при жизни Пушкина, и которой много обязана наша литература. Люди съ художественнымъ талантомъ, подъ вліяніемъ этого эстетическаго ученія, берегли и холили свой талантъ, давая ему просторъ, и потому привыкали къ искренности, правдивости, къ широкому, безпристрастному взгляду на предметы. Итакъ, я не безъ удивленія и не безъ противорѣчія слушалъ разговоры о современномъ значеніи различныхъ литературныхъ явленій и объ усиліяхъ уловить послѣднюю и новѣйшую черту въ общественной жизни. Федоръ Михайловичъ былъ также чрезвычайно этимъ занятъ; изъ его литературной дѣятельности уже видно, какъ онъ былъ преданъ такому служебному направленію. Эта дѣятельность ясно распадается на два отдѣла: первый, отъ „Вѣднхъ Людей“ до „Преступленія и Наказанія“, ясно носитъ на себѣ вліяніе Гоголя—по кругу предметовъ и задачъ; второй, болѣе самостоятельный, отъ „Преступленія и Наказанія“ и до конца, весь посвященъ нарождающимся общественнымъ явленіямъ и главной нашей внутренней болѣзни, нигилизму.

Но, твердо держась этого служенія минутѣ, безпрестанно вдумываясь въ современныя явленія и гордясь ихъ уловленіемъ въ своихъ произведеніяхъ, Федоръ Михайловичъ въ то же время готовъ былъ ставить выше всего строгія требованія искусства и былъ почти безукоризненно чистъ отъ всякой исключительности. Хотя онъ всегда искалъ въ произведеніяхъ искусства какого нибудь современнаго или національнаго зна-

ченія, но искусство само по себѣ восхищало его безъ всякихъ условій, и подѣ конецъ жизни онъ прямо сталъ твердить знаменитую формулу *искусства для искусства*. Это противорѣчіе постоянно жило въ немъ, какъ и многія другія противорѣчія въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, конечно, находившія себѣ примиреніе въ глубинѣ его души и во многихъ случаяхъ, очевидно, спасавшія его отъ ложныхъ и ненормальныхъ путей; поднимаясь надъ этими противорѣчіями, онъ восходилъ на тѣ высоты, которыя дали такое прекрасное настроеніе всей его дѣятельности. Въ настоящемъ случаѣ это какъ нельзя яснѣе: постоянное стремленіе къ настоящей художественности дало произведеніямъ Федора Михайловича ту ширину и глубину, которой никогда-бы въ нихъ не было при узкомъ пониманіи задачи.

Здѣсь кстати вообще сказать, что читатель въ этихъ и слѣдующихъ замѣткахъ не долженъ видѣть попытки вполне изобразить покойнаго писателя; прямо и рѣшительно отказываюсь отъ этого. Онъ слишкомъ для меня близокъ и непонятенъ. Когда я вспоминаю его, то меня поражаетъ именно неистощимая подвижность его ума, неизсякающая плодovitость его души. Въ немъ какъ-будто не было ничего сложившагося, такъ обильно нарастали мысли и чувства, столько таилось неизвѣстнаго и непроявившагося подѣ тѣмъ, что успѣло сказаться. Поэтому и литературная дѣятельность его растетъ и расширяется какими-то порывами, не подходящими подѣ обыкновенную форму развитія. Послѣ ровнаго ея теченія, и даже какъ-будто ослабленія, онъ вдругъ обнаруживалъ новыя силы, показываясь съ новой стороны. Такихъ подъѣмовъ можно насчитать четыре: первый — „Бѣдные люди“, второй — „Мертвый Домъ“, третій — „Преступленіе и Наказаніе“, четвертый — „Дневникъ Писателя“. Конечно, всюду это тотъ-же Достоевскій, но никакъ нельзя сказать, что онъ вполне высказался; смерть помѣшала ему сдѣлать новыя подъѣмы и не дала намъ увидѣть, можетъ быть, гораздо болѣе гармоническихъ и ясныхъ произведеній.

Съ чрезвычайной ясностію въ немъ обнаруживалось особеннаго рода раздвоеніе, состоящее въ томъ, что человекъ предается очень живо пзвѣстнымъ мыслямъ и чувствамъ, но сохраняетъ въ душѣ неподдающуюся и колеблющуюся точку, съ которой смотритъ на самого себя, на свои мысли и чувства. Онъ самъ иногда говорилъ объ этомъ свойствѣ и называлъ его рефлексією. Слѣдствіемъ такого душевнаго строя бываетъ то, что человекъ сохраняетъ всегда возможность судить о томъ, что наполняетъ его душу, что различныя чувства и настроенія могутъ проходить въ душѣ, не овладѣвая ею до конца, и что изъ этого глубокаго душев-

наго центра исходить энергія, оживляющая и преобразующая всю дѣятельность и все содержаніе ума и творчества.

Какъ-бы то ни было, Федоръ Михайловичъ всегда поражалъ меня широкостію своихъ сочувствій, умѣньемъ понимать различныя и противоположныя взгляды. При первомъ знакомствѣ, онъ оказался величайшимъ поклонникомъ Гоголя и Пушкина, и безмѣрно восхищался ими съ художественной стороны. Помню до сихъ поръ, какъ въ первый разъ услышалъ я его чтеніе стиховъ Пушкина. Его заставилъ читать Михайлъ Михайловичъ, очевидно благоговѣвшій передъ братомъ и съ наслажденіемъ его слушавшій. Федоръ Михайловичъ читалъ два удивительныхъ отрывка: „Только что на проталинахъ весеннихъ“ и „Какъ весенней теплою порою“, которые дѣлилъ очень высоко и изъ которыхъ послѣдній потомъ выбралъ для чтенія и на *Пушкинскомъ праздникѣ*. Въ первый разъ я ихъ услышалъ отъ него за двадцать лѣтъ до этого праздника, и помню мое разочарованіе: Федоръ Михайловичъ читалъ очень хорошо, но тѣмъ нѣсколько подавленнымъ, пониженнымъ голосомъ, которымъ обыкновенно читають стихи неопытныя чтецы. Помню и другія его чтенія стиховъ и прозы: положительно онъ не былъ тогда вполнѣ искуснымъ чтецомъ. Упоминаю объ этомъ потому, что въ послѣдніе годы жизни онъ читалъ удивительно, и совершенно справедливо приводилъ публику въ восхищеніе своимъ искусствомъ.

Гоголь былъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ еще въ свѣжей памяти у всѣхъ, особенно у литераторовъ, употреблявшихъ безпрестанно въ разговорѣ его выраженія. Помню, какъ Федоръ Михайловичъ дѣлалъ очень тонкія замѣчанія о выдержанности различныхъ характеровъ у Гоголя, о жизненности всѣхъ его фигуръ, Хлестакова, Подколесина, Кочкарева и пр. Вообще, литература, въ тѣ времена, имѣла еще для всѣхъ такое значеніе, какого она уже не имѣетъ для нынѣшнихъ поколѣній. Самъ-же Федоръ Михайловичъ былъ преданъ ей всѣмъ сердцемъ, и не только воспитался на Пушкинѣ и Гоголѣ, но и постоянно ими питался. Когда его рѣчь на Пушкинскомъ праздникѣ затмила всѣ другія рѣчи и доставила ему торжество, о которомъ трудно составить понятіе тому, кто не былъ самъ его свидѣтелемъ, мнѣ не разъ приходило на мысль, что эта награда досталась Федору Михайловичу по всей справедливости, что изъ всей толпы хвалителей и почитателей, конечно, никто больше его не любилъ Пушкина.

II.

ОСНОВАНІЕ „ВРЕМЕНИ“.

Весь 1860 годъ мы только почти у А. П. Милюкова видѣлись съ Оедоромъ Михайловичемъ. Я съ уваженіемъ и любопытствомъ слушалъ его разговоры и едва-ли самъ что говорилъ; но въ „Свѣточѣ“ шелъ рядъ небольшихъ моихъ статей натурфилософскаго содержанія, и онѣ обратили на себя вниманіе Оедора Михайловича. Достоевскіе уже собирали тогда сотрудниковъ: въ слѣдующемъ году они рѣшились начать изданіе *толстаго* ежемѣсячнаго журнала „Время“ и заранѣе усердно приглашали меня работать въ немъ. Хотя я уже имѣлъ маленькій успѣхъ въ литературѣ и обратилъ на себя нѣкоторое вниманіе М. Н. Каткова и Ап. А. Григорьева, все-таки я долженъ сказать, что больше всего обязанъ въ этомъ отношеніи Оедору Михайловичу, который съ тѣхъ поръ отличалъ меня, постоянно ободрялъ и поддерживалъ и усерднѣе чѣмъ кто нибудь до конца стоялъ за достоинства моихъ писаній. Читатели могутъ, конечно, смотрѣть на это, какъ на ошибку съ его стороны, но я долженъ былъ упомянуть объ этомъ фактѣ, хотя бы какъ объ образчикѣ его литературныхъ пристрастій, и охотно сознаюсь, что, не смотря на подшептыванія самолюбія, часто самъ видѣлъ преувеличеніе въ важности, которую придавалъ Оедоръ Михайловичъ моей дѣятельности.

Въ сентябрѣ 1860 года при главныхъ газетахъ и при афишахъ было разослано объявленіе объ изданіи „Времени“. Такъ какъ это объявленіе несомнѣнно писано Оедоромъ Михайловичемъ и такъ какъ оно представляетъ изложеніе самыхъ важныхъ пунктовъ его тогдашняго образа мыслей, то мы приведемъ его цѣликомъ.

Съ января 1861 года будетъ издаваться

„В Р Е М Я“.

журналъ литературный и политическій ежемѣсячно, книгами отъ 25 до 30 листовъ большаго формата.

„Прежде чѣмъ мы приступимъ къ объясненію, почему именно мы считаемъ нужнымъ основать новый публичный органъ въ нашей литературѣ, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ мы понимаемъ наше время и именно настоящій моментъ нашей общественной жизни. Это послужитъ и къ уясненію духа и направленія нашего журнала.“

„Мы живемъ въ эпоху въ высшей степени замѣчательную и критиче-

„скую. Не станемъ исключительно указывать, для доказательства нашего
 „мнѣнія, на тѣ новыя идеи и потребности русскаго общества, такъ едино-
 „душно заявленныя всею мыслящею его частью въ послѣдніе годы. Не
 „станемъ указывать и на великій крестьянскій вопросъ, начавшійся въ
 „наше время... Все это только явленія и признаки того огромнаго пере-
 „ворота, которому предстоитъ совершиться мирно и согласно во всемъ
 „нашемъ отечествѣ, хотя онъ и равносильнъ, по значенію своему, всѣмъ
 „важнѣйшимъ событіямъ нашей исторіи и даже самой реформѣ Петра.
 „Этотъ переворотъ есть слитіе образованности и ея представите-
 „лей съ началомъ народнымъ *) и приобщеніе всего великаго русскаго
 „народа ко всѣмъ элементамъ нашей текущей жизни, — народа, отшат-
 „нувшася отъ Петровской реформы еще 170 лѣтъ назадъ и съ тѣхъ
 „поръ разединеннаго съ сословіемъ образованнымъ, жившаго отдѣльно,
 „своей собственной, особенной и самостоятельной жизнью.

„Мы упомянули о явленіяхъ и признакахъ. Безспорно важнѣйшій
 „изъ нихъ есть вопросъ объ улучшеніи крестьянскаго быта. Теперь уже
 „не тысячи, а многіе милліоны русскихъ войдутъ въ русскую жизнь, вне-
 „суть въ нее свои свѣжія непочатыя силы и скажутъ свое новое слово.
 „Не вражда сословій, побѣдителей и побѣжденныхъ, какъ вездѣ въ Ев-
 „ропѣ, должна лечь въ основаніе развитія будущихъ началъ нашей
 „жизни. Мы не Европа, и у насъ не будетъ и не должно быть побѣди-
 „телей и побѣжденныхъ.

„Реформа Петра Великаго и безъ того намъ слишкомъ дорого
 „стоила: она разединила насъ съ народомъ. Съ самаго начала народъ
 „отъ нея отказался. Формы жизни, оставленныя ему преобразованиемъ,
 „не согласовались ни съ его духомъ, ни съ его стремленіями, были ему
 „не по мѣркѣ, не въ пору. Онъ называлъ ихъ нѣмецкими, послѣдовате-
 „лей великаго царя иностранцами. Уже одно нравственное распаденіе на-
 „рода съ его высшимъ сословіемъ, съ его вожаками и предводителями,
 „показываетъ, какою дорогою цѣною досталась намъ тогдашняя новая
 „жизнь. Но, разойдясь съ реформой, народъ не палъ духомъ. Онъ не-
 „однократно заявлялъ свою самостоятельность, заявлялъ ее съ чрезвы-
 „чайными, судорожными усиліями, потому что былъ одинъ и ему было
 „трудно. Онъ шелъ въ темнотѣ, но энергически держался своей особой
 „дороги. Онъ вдумывался въ себя и въ свое положеніе, пробовалъ создать
 „себѣ свое воззрѣніе, свою философію, распадался на таинственныя урод-

*) Курсива нѣтъ въ подлинникѣ; здѣсь печатаются курсивомъ мѣста, кото-
 рыя, по моему мнѣнію, всего яснѣе выражаютъ главные мысли объявленія.
 Н. С.

„ливия секты, искалъ для своей жизни новыхъ исходовъ, новыхъ формъ. Невозможно было болѣе отшатнуться отъ стараго берега, невозможно было смѣлѣе жечь свои корабли, какъ это сдѣлалъ нашъ народъ при выходѣ на эти новыя дороги, которыя онъ самъ себѣ съ такимъ мученіемъ отыскивалъ. А между тѣмъ его называли хранителемъ старыхъ до-петровскихъ формъ, тупаго старообрядства.

„Конечно, идеи народа, оставшагося безъ вожатаевъ на одни свои силы, были иногда чудовищны, попытки новыхъ формъ жизни безобразны. Но въ нихъ было общее начало, одинъ духъ, вѣравъ себя незблемая, сила непочтая. Послѣ реформы былъ между нимъ и нами, сословіемъ образованнымъ, одинъ только случай соединенія—двѣнадцатый годъ, и мы видѣли, какъ народъ заявилъ себя. Мы поняли тогда, что онъ такое. Бѣда въ томъ, что насъ-то онъ не знаетъ и не понимаетъ.

„Но теперь разьединеніе оканчивается. *Петровская реформа, продолжавшаяся вплоть до нашего времени, дошла, наконецъ, до послѣднихъ своихъ предѣловъ. Дальше нельзя идти, да и некуда: нѣтъ дорогъ; она вся пройдена.* Всѣ, послѣдовавшіе за Петромъ, узнали Европу, примкнули къ европейской жизни и не сдѣлались европейцами. Когда-то мы сами укоряли себя за неспособность къ европеизму. Теперь мы думаемъ иначе. Мы знаемъ теперь, что мы и не можемъ быть европейцами, что мы не въ состояніи втиснуть себя въ одну изъ западныхъ формъ жизни, выжитыхъ и выработанныхъ Европою изъ собственныхъ своихъ національныхъ началъ, намъ чуждыхъ и противоположныхъ,—точно такъ, какъ мы не могли бы носить чужое платье, сшитое не по нашей мѣркѣ. *Мы убѣдились, наконецъ, что мы тоже отдѣльная національность, въ высшей степени самобытная, и что наша задача — создать себѣ новую форму, нашу собственную, родную, взятую изъ почвы нашей, взятую изъ народнаго духа и изъ народныхъ началъ.* Но на родную почву мы возвратились не побѣжденными. Мы не отказываемся отъ нашего прошедшаго: мы сознаемъ и разумность его. Мы сознаемъ, что реформа раздвинула нашъ кругозоръ, что черезъ нее мы осмыслили будущее значеніе наше въ великой семьѣ всѣхъ народовъ.

„Мы знаемъ, что не оградимся уже теперь китайскими стѣнами отъ человѣчества. *Мы предугадываемъ, и предугадываемъ съ благоговѣніемъ, что характеръ нашей будущей дѣятельности долженъ быть въ высшей степени общечеловѣческій, что русская идея, можетъ быть, будетъ синтезомъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя съ такимъ упорствомъ, съ такимъ мужествомъ развиваетъ Европа, въ отдѣльных своихъ національностяхъ; что можетъ быть все враждебное*

„*въ этихъ идеяхъ найдетъ свое примиреніе и дальнѣйшее развитіе въ русской народности.* Не даромъ же мы говорили на всѣхъ языкахъ, понимали всѣ цивилизаціи, сочувствовали интересамъ каждаго европейскаго народа, понимали смыслъ и разумность явленій, совершенно намъ чуждыхъ. Не даромъ заявили мы такую силу въ самоосужденіи, удивлявшемъ всѣхъ иностранцевъ. Они упрекали насъ за это, называли насъ безличными, людьми безъ отечества, не замѣчая, что способность отрѣшиться на время отъ почвы, чтобъ трезвѣе и безпристрастнѣе взглянуть на себя, есть уже сама по себѣ признакъ величайшей особенности; способность же примирительнаго взгляда на чужое есть высочайшій и благороднѣйшій даръ природы, который дается очень немногимъ національностямъ. Иностранцы еще и не починали нашихъ безконечныхъ силъ... Но теперь, кажется, и мы вступаемъ въ новую жизнь.

„И вотъ передъ этимъ-то вступленіемъ въ новую жизнь, примиреніе послѣдователей реформы Петра съ народнымъ началомъ стало необходимою. Мы говоримъ здѣсь не о славянофилахъ и не о западникахъ. Къ ихъ домашнимъ раздорамъ наше время совершенно равнодушно. Мы говоримъ о примиреніи цивилизаціи съ народнымъ началомъ. Мы чувствуемъ, что обѣ стороны должны, наконецъ, понять другъ друга, должны разъяснить всѣ недоумѣнія, которыхъ накопилось между ними такое невѣроятное множество, и потомъ согласно и стройно общими силами двинуться въ новый широкій и славный путь. Соединеніе во что бы то ни стало, не смотря ни на какія пожертвованія, и возможно скорѣйшее—вотъ наша передовая мысль, вотъ девизъ нашъ.

„Но гдѣ же точка соприкосновенія съ народомъ? Какъ сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ нимъ,—вотъ вопросъ, вотъ забота, которая должна быть раздѣляема всѣми, кому дорого русское имя, всѣми, кто любитъ народъ и дорожить его счастьемъ. А счастье его—счастье наше. Разумѣется, что первый шагъ къ достиженію всякаго согласія есть грамотность и образованіе. Народъ никогда не пойметъ насъ, если не будетъ къ тому предварительно приготовленъ. Другаго нѣтъ пути, и мы знаемъ, что, высказывая это, мы не говоримъ ничего новаго. Но, пока за образованнымъ сословіемъ остается еще первый шагъ, оно должно воспользоваться своимъ положеніемъ и воспользоваться усиленно. Распространеніе образованія, усиленное, скорѣйшее и во что бы то ни стало—вотъ главная задача нашего времени, первый шагъ ко всякой дѣятельности.

„Мы высказали только главную передовую мысль нашего журнала, намекали на характеръ, на духъ его будущей дѣятельности. Но мы имѣемъ и другую причину,—побудившую насъ основать новый незави-

„снимый литературный органъ. Мы давно уже замѣтили, что въ нашей журналистикѣ, въ послѣдніе годы, развилась какая-то особенная добровольная зависимость, подначальность литературнымъ авторитетамъ. Разумѣется, мы не обвиняемъ нашу журналистику въ корысти, въ продажности. У насъ нѣтъ, какъ почти вездѣ въ европейскихъ литературахъ, журналовъ и газетъ, торгующихъ за деньги своими убѣжденіями, мнѣняющихъ свою подлую службу и своихъ господъ на другихъ единственно изъ-за того, что другіе даютъ больше денегъ. Но, замѣтимъ, однако же, что можно продавать свои убѣжденія и не за деньги. Можно продать себя, напримѣръ, отъ излишняго врожденнаго подобострастія, или изъ-за страха прослыть глупцомъ за несогласіе съ литературными авторитетами. Золотая посредственность иногда даже безкорыстно трепещетъ передъ мнѣніями, установленными столпами литературы, особенно если эти мнѣнія смѣло, дерзко, нахально высказаны. Иногда только эта нахальность и дерзость доставляетъ званіе столпа и авторитета писателю неглупому, умѣющему воспользоваться обстоятельствами, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ столпу чрезвычайное, хотя и временное вліяніе на массу. Посредственность, съ своей стороны, почти всегда бываетъ крайне пуглива, не смотря на видимую заносчивость, и охотно подчиняется. Пугливость же порождаетъ литературное рабство, а въ литературѣ не должно быть рабства. Изъ жажды литературной власти, литературнаго превосходительства, литературнаго чина, иной, даже старый и почтенный литераторъ, способенъ иногда рѣшиться на такую неожиданную, на такую странную дѣятельность, что она поневолѣ составляетъ соблазнъ и изумленіе современниковъ и непременно перейдетъ въ потомство, въ числѣ скандальныхъ анекдотовъ о русской литературѣ въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія. И такія происшествія случаются все чаще и чаще, и такіе люди имѣютъ вліяніе продолжительное, а журналистика молчитъ и не смѣетъ до нихъ дотрогиваться. Есть въ литературѣ нашей до сихъ поръ нѣсколько установившихся идей и мнѣній, не имѣющихъ ни малѣйшей самостоятельности, но существующихъ въ видѣ несомнѣнныхъ истинъ, единственно потому, что когда-то такъ опредѣляли литературные предводители. Критика пошлѣетъ и мельчаетъ. Въ иныхъ изданіяхъ совершенно обходятъ иныхъ писателей, боясь проговориться о нихъ. Спорять для верха въ спорѣ, а не для истины. Трошковый скептицизмъ, вредный своимъ вліяніемъ на большинство, съ успѣхомъ прикрываетъ бездарность и употребляется въ дѣло для привлеченія подписчиковъ. Строгое слово искренняго глубокаго убѣжденія слышится все рѣже и рѣже. Наконецъ, спекулятивный

„духъ, распространяющійся въ литературѣ, обращаетъ инныя періодическія изданія въ дѣло преимущественно коммерческое, литература же и польза ея отодвигаются на задній планъ, а иногда о ней и не мыслится.

„Мы рѣшились основать журналъ, вполне независимый отъ литературныхъ авторитетовъ — не смотря на наше уваженіе къ нимъ — съ полнымъ и самымъ смѣлымъ обиченіемъ всѣхъ литературныхъ странностей нашего времени. Обличеніе это мы предпринимаемъ изъ глубочайшаго уваженія къ русской литературѣ. Нашъ журналъ не будетъ имѣть никакихъ нелитературныхъ антипатій и пристрастій. Мы даже готовы будемъ признаваться въ собственныхъ своихъ ошибкахъ и промахахъ, и признаваться печатно, и не считаемъ себя смѣшными за то, что хвалимся этимъ (хотя бы и заранѣе). Мы не уклонимся и отъ полемики. Мы не побоямся иногда немного и „пораздразнить“ литературныхъ гусей; гусиный крикъ иногда полезенъ: онъ предвѣщаетъ погоду, хотя и не всегда спасаетъ капиталы. Особенное вниманіе мы обратимъ на отдѣлъ критики. Не только всякая замѣчательная книга, но и всякая замѣчательная литературная статья, появившаяся въ другихъ журналахъ, будетъ непременно разобрана въ нашемъ журналѣ. Критика не должна же уничтожиться изъ-за того только, что книги стали печататься не отдѣльно, какъ прежде, а въ журналахъ. Оставляя въ сторонѣ всякія личности, обходя молчаніемъ все посредственное, если оно не вредно, „Время“, будетъ слѣдить за всеми сколько нибудь важными явленіями литературы, останавливать вниманіе на рѣзко выдающихся фактахъ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ, и безъ всякой уклончивости обличать бездарность, злонамѣренность, ложныя увлеченія, неуравновѣшенную гордость и литературный аристократизмъ — гдѣ бы они ни являлись. Явленія жизни, ходячія мнѣнія, установившіеся принципы, сдѣлавшіеся отъ общаго и слишкомъ частаго употребленія кстати и не-кстати какими-то опошлѣвшими, странными и досадными афоризмами, точно также подлежатъ критикѣ, какъ и вновь вышедшая книга, или журнальная статья. Журналъ нашъ поставляетъ себѣ неизмѣннымъ правиломъ говорить прямо свое мнѣніе о всякомъ литературномъ и честномъ трудѣ. Громкое имя, подписанное подъ нимъ, обязываетъ судъ быть только строже къ нему, и журналъ нашъ никогда не низойдетъ до общепринятой теперь уловки — наговорить извѣстному писателю десять напыщенныхъ комплиментовъ, чтобы имѣть право сдѣлать ему одно не совсемъ лестное для него замѣчаніе. Похвала всегда цѣломудренна; одна лесть пахнетъ лакейской. Не имѣя мѣста въ простомъ объявленіи входить во всѣ подробности нашего изданія, скажемъ только, что программа

„наша, утвержденная правительствомъ, чрезвычайно разнообразна. Вотъ она:

П Р О Г Р А М М А.

„I. *Отдѣлъ литературный.* Повѣсти, романы, рассказы, мемуары, стихи и т. д.

„II. *Критика и библиографическія замѣтки,* какъ о русскихъ книгахъ, такъ и объ иностранныхъ. Сюда же относятся разборы новыхъ пьесъ, поставленныхъ на наши сцены.

„III. *Статьи ученаго содержанія.* Вопросы экономическіе, финансовые, философскіе, имѣющіе современный интересъ. Изложеніе самое популярное, доступное и для читателей, не занимающихся спеціально этими предметами.

„IV. *Внутреннія новости.* Распоряженія правительства, событія въ отечествѣ, письма изъ губерній и проч.

„V. *Политическое обозрѣніе.* Полное ежемѣсячное обозрѣніе политической жизни государствъ. Извѣстія послѣдней почты, политическіе слухи, письма иностранныхъ корреспондентовъ.

„VI. *Смѣсь.* а) Небольшіе рассказы, письма изъ-за границы и изъ нашихъ губерній и проч. в) Фельетонъ. с) Статьи юмористическаго содержанія.

„Изъ этого перечня видно, что все, что можетъ интересовать современнаго читателя, входитъ въ нашу программу. Изъ статей юмористическаго содержанія мы сдѣлаемъ особый отдѣлъ въ концѣ каждой книжки.

„Мы не выставимъ именъ писателей, принимающихъ участіе въ нашемъ изданіи. Этотъ способъ привлеченія вниманія публики оказался въ послѣднее время совершенно несостоятельнымъ. Мы видѣли не одно изданіе, дававшее громкія имена только въ своемъ объявленіи. Хотя и мы въ нашемъ могли бы выставить не одно извѣстное въ нашей литературѣ имя, но нарочно удерживаемся отъ этого, потому что, при всеобщемъ уваженіи къ нашимъ литературнымъ знаменитостямъ, сознаемъ, что не они составляютъ силу журнала.

„Время“ будетъ выходить каждый мѣсяцъ, въ первыхъ числахъ, книгами отъ 25 до 30 листовъ большаго формата, въ объемѣ нашихъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

„Редакторъ *М. Достоевскій.*

„Печатать позволяется. Спб. 6-го сент. 1860 г. Цензоръ А. Ярославцевъ.“

Өедоръ Михайловичъ, конечно, желалъ бы быть и объявить себя прямымъ редакторомъ журнала; но онъ тогда состоялъ подъ надзоромъ полиціи, почему и потомъ не могъ быть утвержденъ редакторомъ „Эпохи“. Только въ 1873 году это препятствіе было устранено, и онъ былъ официально объявленъ редакторомъ „Гражданина“. Такъ какъ оба брата жили душа въ душу, то сначала вышло прекрасное раздѣленіе труда; всѣ матеріальныя хлопоты принялъ на себя Михайло Михайловичъ, а умственное руководство принадлежало Өедору Михайловичу.

Это объявленіе заслуживаетъ величайшаго вниманія. Вездѣ сомнѣнія оно было старательно обдуманно и обработано Өедоромъ Михайловичемъ и, очевидно, оно содержитъ нѣкоторыя мысли и стремленія, характеризующія всю его дальнѣйшую дѣятельность. Какъ я уже замѣтилъ, направленіе его было своего рода славянофильствомъ; и въ подтвержденіе этого можно сослаться въ объявленіи на признаніе разрыва между народомъ и интеллигенціею, произведеннаго реформою Петра, на заявленіе, что намъ русскимъ суждено особое, самобытное развитіе, на требованіе вернуться къ своей почвѣ, къ народнымъ началамъ. Но читатели, знакомые съ образомъ мыслей нашихъ литературныхъ партій, легко замѣтятъ, что это, однако, еще не настоящее славянофильство. Во-первыхъ, исходная точка, очевидно, другая. Мысль Достоевскаго состоитъ въ томъ, что нужно примирить образованные классы съ народомъ, объединить ихъ, при чемъ ни образованные классы не должны отказываться отъ началъ своей образованности, ни народъ отъ своихъ почвенныхъ началъ. Требуется совершить нѣкоторый синтезъ, который совмѣстилъ бы въ себѣ тѣ и другія начала. Въ возможности этого синтеза Достоевскій ни мало не сомнѣвался; онъ пошелъ еще далѣе: онъ предполагалъ, что русскому народу даны духовныя силы, съ которыми онъ можетъ совершить *всемирный синтезъ*, то-есть найти исходъ и примиреніе для всѣхъ противорѣчій, какія обнаружались въ историческомъ человечествѣ. Мысль о такомъ свойствѣ и предназначеніи русскаго народа составляетъ содержаніе *пушкинской рѣчи* Өедора Михайловича, и слѣдовательно исповѣдывалась имъ до конца.

Мысль эта для него очень характерна. Она свидѣтельствуетъ о той ширинѣ симпатій, которою онъ отличался. Онъ не отказывался отъ сочувствія къ самымъ разнороднымъ и даже, повидимому, противорѣчающимъ явленіямъ, какъ скоро разъ сочувствіе къ нимъ успѣло въ немъ возникнуть. Онъ не съумѣлъ бы логически согласовать свои сочувствія, усмотрѣть противорѣчія, къ которымъ они могутъ повести въ дальнѣйшихъ выводахъ, и найти формулу, устраняющую эти противорѣчія; но онъ ми-

рилъ въ себѣ свои сочувствія психологически и эстетически. Такого рода настроеніе играло большую роль въ его дѣятельности и было для нея очень благопріятно. Общую чертою этой дѣятельности, чрезвычайно важною, нужно считать — отсутствіе злобы и презрѣнія въ постановкѣ нашей великой распри между западною и русскою идеею. Эта черта составляла сущность того электрическаго дѣйствія, которое произвела рѣчь Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ; она же, какъ мы увидимъ, характеризуетъ собою его романы и „Дневникъ“.

Другая черта, которой нельзя не замѣтить въ объявленіи, есть неопредѣленность тѣхъ началъ, принциповъ, на которые оно ссылается. Такъ и слѣдовало этому быть при исходной точкѣ и умственномъ настроеніи Достоевскаго. Мысль его явилась ему пока только въ самомъ общемъ своемъ видѣ. Между тѣмъ какъ славянофилы прямо заявляли нѣкоторые опредѣленные религіозныя, философскія, политическія понятія, Достоевскій еще только ищетъ тѣхъ началъ, которыя поведутъ къ желаемому имъ примиренію. Тѣмъ не менѣе, онъ говоритъ объ этихъ исконыхъ началахъ съ большою твердостью и настойчивостью. Это также одно изъ его отличительныхъ свойствъ. Мысли самыя общія и отвлеченныя нерѣдко дѣйствовали на него съ большою силою, и онъ воодушевлялся ими чрезвычайно. Вообще онъ былъ человѣкъ въ высокой степени восторженный и впечатлительный. Простая мысль, иногда давно извѣстная и обыкновенная, вдругъ зажигала его, являясь ему во всей своей значительности. Онъ, такъ сказать, необыкновенно живо *чувствовалъ мысли*. Тогда онъ высказывалъ ее въ различныхъ видахъ, давалъ ей иногда очень рѣзкое, образное выраженіе, хотя и не разъяснялъ логически, не развертывалъ ея содержанія. Прежде всего онъ былъ все-таки художникъ, мыслилъ образами и руководился чувствами.

Третья знаменательная черта „Объявленія“ есть, конечно, та живая надежда на скорость и возможность достиженія поставленныхъ цѣлей, которая въ немъ высказывается. Это также нужно отнести къ живости чувства, наполнявшаго Достоевскаго. Между тѣмъ, какъ славянофилы, поставивши свою задачу во всей ея глубинѣ, видѣли трудность ея исполненія и, чѣмъ громче былъ шумъ литературнаго и общественнаго движенія, тѣмъ яснѣе видѣли, что исполненіе завѣтныхъ ихъ желаній отодвигается самымъ этимъ движеніемъ, — Достоевскій, увлекаясь самъ господствующимъ возбужденіемъ и не видя въ немъ элементовъ, вполне враждебныхъ своему идеалу, смѣло поднималъ знамя и думалъ, что увлечетъ за собою эту волнуемую массу. Эта способность горячей вѣры и надежды не оставляла его до послѣднихъ дней. Всегда онъ увлекался стре-

нительностью своихъ мыслей и готовъ былъ думать, что неминуемо и скоро совершится то, что такъ ясно видѣлъ его умственный взоръ.

Впрочемъ тогда, когда писалось „Объявленіе“, рѣдко кто могъ воздержаться отъ увлеченія. Это было именно время надеждъ и порываній. Всѣ умы были въ такомъ возбужденномъ состояніи, все пришло въ такое броженіе, что, повидимому, могли совершиться самыя невѣроятныя вещи. Чувство дѣйствительности потерялось; казалось, чего мы захотимъ, то и сдѣлаемъ.

Вся вторая половина „Объявленія“ посвящена уже не изложенію направленія журнала, а чисто литературнымъ дѣламъ того времени. Одною изъ причинъ основанія новаго журнала выставляется измелъчаніе и рутинности критики, рабство журналистики передъ литературными авторитетами, отсутствіе вполне независимыхъ голосовъ, господство ходячихъ мнѣній, обратившихся въ несомнѣнные афоризмы, и безнаказанное существованіе литературныхъ скандальныхъ и странныхъ явленій. Конечно, всѣ указанные здѣсь черты того времени справедливы: къ сожалѣнію, не могу припомнить частныхъ случаевъ, къ которымъ относятся слова „Объявленія“. Достоевскіе, составляя особый кружокъ, не примыкавшій ни къ какому журналу, но въ то же время всею душею преданный литературѣ, естественно должны были строго судить объ ея явленіяхъ и составлять объ нихъ свои собственные приговоры; поэтому ихъ раздражало чужое пристрастіе и замалчиваніе. Но частныхъ поводовъ, къ сожалѣнію, указать не могу. Скажу только вообще, что сама печать питала тогда къ себѣ нѣкоторое уваженіе и представляла такое единодушіе, которому трудно повѣрить въ настоящее время; казалось, что въ существенныхъ вопросахъ всѣ согласны и что никто не дастъ другаго въ обиду. Существовалъ цѣлый рядъ именъ, которыя считались украшеніемъ русской литературы; это были большею частію поэты и романисты; говорить объ нихъ безъ уваженія, безъ очевиднаго признанія ихъ достоинствъ, считалось неприличнымъ по тогдашнимъ литературнымъ нравамъ. Разумѣется, тутъ могло встрѣчаться и рабство и потворство, особенно когда вся литература сосредоточивалась въ журналахъ, которые больше или меньше питались громкими именами.

Достоевскій, выступая съ новою мыслию, очень вѣрно понималъ свое публицистическое дѣло; поэтому онъ такъ рѣшительно заявилъ, что „сила журнала не заключается въ знаменитостяхъ“, что онъ будетъ прямо и смѣло обсуживать литературные авторитеты, даже „дразнить гусей“ и вести полемику. Тутъ, если очень не ошибаюсь, имѣлись въ виду преимущественно сужденія о художественныхъ достоинствахъ писателей,

и во всякомъ случаѣ безпристрастѣе здѣсь разумѣлось въ самомъ широкомъ смыслѣ. Но положительно можно сказать, что, не смотря на эту похвальбу, „Время“ не отличилось никакимъ походомъ на авторитеты. Оно вело войну съ „Современникомъ“, но эта была полемика съ направлениемъ, а не развѣнчаніе того или другаго изъ извѣстныхъ писателей. Да „Время“ было и слишкомъ мягкосердечно, смотрѣло на вещи слишкомъ широко, для подобнаго занятія. Походъ на авторитеты и разрушеніе литературнаго единодушія совершены были другою литературною партією, именно тою, во главѣ которой стоялъ „Современникъ“.

Эта печальная исторія мнѣ гораздо живѣе памятна, чѣмъ счастливый періодъ, ей предшествовавшій. Понемногу начались дѣйствія, которыя, кажется, всего лучше назвать *литературными казнями*. Эти казни сначала были рѣдки и совершались сперва съ тѣмъ единодушіемъ, которое тогда было свойственно литературѣ. Если какой нибудь писатель оказывался виновнымъ, то, бывало, вся литература набрасывалась на эту жертву, набрасывалась такъ же, какъ на взятки, побои или какой нибудь другой безобразный поступокъ, выплывшій на свѣтъ Божій. По всѣмъ журналамъ сыпались безчисленныя насмѣшки и несчастному писателю приходилось плохо. Такое времяпровожденіе очень понравилось, и нашлось много охотниковъ до такой расправы, производимой въ собственномъ литературномъ кругу. Партія „Современника“, имѣвшая сильный вѣсъ въ публикѣ, загорѣлась особеннымъ усердіемъ; она стала дѣйствовать какъ нѣкотораго рода *комитетъ общественнаго спасенія*, и этотъ комитетъ, отличавшійся великою и возрастающею жестокостію, долго сохранялъ, однакоже, полнѣйшій авторитетъ.

Литературныя имена одно за другимъ были уничтожаемы; каждая книжка журнала совершала нѣсколько казней и угрожала тѣмъ, кто еще не подвергся гибели. Память объ этихъ временахъ литературнаго террора теперь почти вовсе изгладилась; но тогда шумъ стоялъ большой и дѣло ни мало не казалось смѣшнымъ. Если не ошибаюсь, одинъ изъ первыхъ былъ уничтоженъ Розенгеймъ, потомъ стертъ съ лица земли Н. Львовъ, авторъ какой-то комедіи, низринуть въ прахъ Погодинъ, погибли во цвѣтъ лѣтъ Случевскій, Кусковъ и многое множество другихъ; очередь дошла наконецъ и до Костомарова и до самого Тургенева... Катастрофа съ Тургеневымъ, случившаяся въ началѣ 1862 года, есть конечно самое громкое происшествіе этой исторіи, и если читателямъ ничего не говоритъ напоминаніе и этого событія, то имъ трудно будетъ составить себѣ живое понятіе о волненіяхъ этой литературной эпохи.

Для поясненія тогдашняго состоянія дѣлъ припомню здѣсь случай

не столь значительный, но очень характеристическій и бывший не задолго до казни Тургенева. Случилось, что вдругъ подвергся опасности Писемскій. Первый звукъ грозы, направленной противъ такого извѣстнаго писателя, сейчасъ-же обратилъ общее вниманіе, т. е. въ литературныхъ кружкахъ; дѣло казалось важнымъ и неслышанно дерзкимъ. Громъ выходилъ хотя не изъ центрального комитета, но изъ небольшого журнала съ карриатурами (Искры), который могъ считаться отдѣломъ комитета. Въ этомъ журналѣ вдругъ заговорили о Писемскомъ такъ, какъ прежде никто не смѣлъ говорить; сказали, что онъ пишетъ „*анусную дичь*“. Не знаю, разсердился-ли и испугался-ли Писемскій, но очень ясно помню, что за него многіе разсердились. Подняли толки, было предположено составить *протестъ* за Писемскаго, какъ это было тогда въ обычаѣ, и стали уже собирать подписи для этого протеста. Протестъ—это значило: заявить всею массою, отъ лица *всей литературы*, что такой-то поступокъ считается низкимъ, неблагороднымъ, возбуждающимъ негодованіе. На этотъ разъ число протестующихъ и ихъ негодованіе не достигли однако же нужной величины, протестъ не состоялся, и скоро это происшествіе было заглушено шумомъ новыхъ событій. Вотъ каковы были литературные нравы еще въ началѣ 1862 года; если сравнить ихъ съ теперешними, разница выйдетъ поразительная. Теперь никого не удивишь никакою бранью; ни казни, ни протесты невозможны, потому что нѣтъ ни единой и нераздѣльной публики, ни единой и нераздѣльной литературы.

III.

Новое направленіе. — Почвенники.

Обращаюсь опять къ той главной руководящей мысли, съ которою выступило „*Время*“. Чтобы понять настроеніе, въ которомъ мы все находились и подъ вліяніемъ котораго сложились и мнѣнія журнала братьевъ Достоевскихъ, нужно вспомнить, въ какое время все это происходило. Это былъ 1861 годъ, то есть годъ освобожденія крестьянъ, самая свѣтлая минута прошлаго царствованія, мгновеніе истиннаго восторга. Казалось, въ Россіи должна была начаться новая жизнь, что-то не похожее на все прежнее; казалось, сбываются и могутъ сбыться самыя смѣлыя и радостныя надежды; вѣра во все хорошее была легка и естественна.

Всѣмъ было извѣстно, что происходятъ работы по крестьянскому дѣлу и что они близки къ концу. Въ третьей, мартовской книжкѣ журнала уже

былъ напечатанъ манифестъ 19 февраля, который былъ объявленъ 5 марта, въ прощальное воскресенье, наканунѣ чистаго понедѣльника. Всѣ съ нетерпѣніемъ и волненіемъ ожидали великой минуты. Говорили тогда, что объявленіе манифеста было нарочно отложено до этого дня, чтобы сообщить народу вѣсть о переворотѣ въ его судьбѣ не среди разгуда масляницы, а какъ разъ наканунѣ великаго поста. Тутъ были какія-то опасенія, вѣроятно со стороны тѣхъ, кто расположенъ видѣть въ народѣ „буйнаго звѣря“; но во всякомъ случаѣ минута выбрана была прекрасно. Всѣ мы потомъ дѣлились между собою впечатлѣніями, какія каждому удалось собрать въ этомъ знаменательный день. Оказывалось, что въ народѣ вѣсть объ освобожденіи была встрѣчена глубокою тишиною; шумная и пьяная масляница затихла; видно было, что людьми овладѣли тѣ важныя чувства, которыя мы такъ охотно переживаемъ въ молчаніи.

Послѣ этой радостной минуты быстро наступили, какъ извѣстно, минуты тяжелыя; въ концѣ того же года—студентская исторія; въ слѣдующемъ 1862 году—петербургскіе пожары; въ началѣ 1863 года—польское возстаніе. Но до 1861 года ничего подобнаго не было, и начиная съ самаго 1855 года радостное оживленіе безъ всякой помѣхи разрасталось въ обществѣ и литературѣ. Въ продолженіи семи лѣтъ постепенно и непрерывно шли всякія облегченія и дозволенія, нововведенія и преобразованія, и все шло благополучно.

Цензура съ каждымъ годомъ становилась снисходительнѣе, и число книгъ и журналовъ быстро росло. Въ это время высказались и договорились до конца тѣ мнѣнія и настроенія, которыя сложились и окрѣпли въ періодъ молчанія до 1855 года; на просторѣ и среди общаго оживленія, они смѣло пускались въ приложеніе и развитіе своихъ началъ; давнишнія же привычка и легкій надзоръ цензуры давали всему видъ и очень приличный и очень завлекательный. Такимъ образомъ въ эти семь лѣтъ сложились тѣ направленія, которыя господствуютъ до сихъ поръ. Последнимъ явленіемъ этого рода было направленіе „Времени“, пущенное въ ходъ Федоромъ Михайловичемъ. По его предположенію, это было совершенно новое, особенное направленіе, соответствующее той новой жизни, которая видимо начиналась въ Россіи, и долженствующее упразднить, или превзойти прежнія партіи западниковъ и славянофиловъ. Неопредѣленность самой мысли не пугала его, потому что онъ твердо надѣялся на ея развитіе. Но, что всего замѣчательнѣе,—въ тогдашнемъ состояніи литературы были странныя черты, которыя позволяли ему думать, что давнишнія литературныя теченія, западническое и славянофильское, изсякли, или готовы изсякнуть, и что готово возникнуть что-то новое. Дѣло въ

томъ, что тогда партіи не выдѣлялись ясно и вся литература сливалась во что-то единое. Мы еще памятно то почти дружественное чувство, которое тогда господствовало между пишущими. Получивши лишь недавно голосъ, имѣя въ виду общаго своего зрителя, цензуру, нѣкогда столь грозную, литераторы считали себя обязанными беречь и поддерживать другъ друга. Вообще предполагалось, что литература дѣлаетъ нѣкоторое общее дѣло, передъ которымъ должны отступать на задній планъ разногласія во мнѣніяхъ. Дѣйствительно, всѣ одинаково стояли за просвѣщеніе, свободу слова, снятіе всякихъ узъ и стѣсненій и т. п., словомъ за самыя ходячія либеральныя начала, понимаемыя совершенно отвлеченно, такъ что подъ нихъ подходили самыя разнообразныя и противорѣчащія стремленія. Конечно, представители различныхъ направленій знали про себя границы, ихъ отдѣляющія, но для обыкновенныхъ читателей и для большинства пишущихъ литература составляла нѣчто цѣлое. Въ сущности это былъ хаосъ, безформенный и многообразный, и потому легко могло возникнуть желаніе—дать ему форму, или, по крайней мѣрѣ, выдѣлить изъ него нѣкоторое болѣе определенное теченіе. Что касается прямо до Федора Михайловича, то, взглянувъ на всю его журнальную дѣятельность, нельзя не сказать, что онъ успѣлъ въ своемъ желаніи. Среди петербургской литературы иногда его голосъ раздавался громко, особенно въ послѣдніе годы его жизни, когда онъ даже перевѣшивалъ другіе голоса, протестуя и указывая другой путь.

Какъ бы то ни было, тогда, при началѣ „Времени“, рѣшено было, что славянофилы и западники уже отжили и что пора начать нѣчто новое. Въ добавленіе къ тому, что сказано объ этомъ пунктѣ въ „Объявленіи“, приведемъ еще замѣтку, появившуюся въ № 1 „Времени“ 1861 г. на задней страницѣ обертки.

Отъ Редакціи.

„Первый номеръ нашего журнала явился передъ публикой. Мы не могли еще въ немъ разъяснить вполне основную мысль нашу. Освѣтить всѣ ея стороны, оправдать въ обществѣ ея потребность и жизненность можно только цѣлымъ годомъ или даже годами изданія журнала. Мы вѣруемъ только въ одно—что наша мысль отзывается на потребности общества. Да и не мы первые провозгласили ее. Она давно уже вырывалась наружу и искала заявить себя:—и въ горячемъ словѣ, и въ надеждахъ на будущее, и въ охлажденіи къ обѣимъ стариннымъ партіямъ, еще такъ недавно раздѣлявшимъ всю мыслящую часть нашего общества.

„Но общество поняло, что съ западничествомъ мы упрямо натягивали на себя чужой кафтанъ, не смотря на то, что онъ уже давно трещалъ по вѣѣмъ швамъ, а съ славянофильствомъ раздѣляли поэтическую грезу возсоздать Россію по идеальному взгляду на древній бытъ, взгляду, ставившему вмѣсто настоящаго понятія о Россіи какую-то балетную декорацию, красивую, но несправедливую и отвлеченную. И хотя въ славянофилахъ было много любви къ родинѣ, но чутье русскаго духа они потеряли. Они также ошиблись, какъ ошибаются тѣ господа, большею частію чистые и наивные сердцемъ, которые, надѣвъ на себя древній кафтанъ, бархатную поддевку и шелковую рубашку съ золотыми галунами, воображаютъ, что они соединились съ народнымъ началомъ. Общество смотритъ на нихъ съ недоумѣніемъ, а народъ равнодушно. Но теперь мы хотимъ жить и дѣйствовать, а не фантазировать. Общество ищетъ дѣятельности и всѣми силами своими стремится угадать и опредѣлить ее.

„Мы особенно будемъ обращать вниманіе въ нашемъ журналѣ на всѣ современные явленія, которыми хоть сколько нибудь можемъ оправдать и доказать нашу мысль. Кромѣ того, мы усиленно будемъ слѣдить за движеніемъ всѣхъ современныхъ идей. Съ будущихъ номеровъ нашего журнала мы надѣемся открыть въ немъ отдѣлъ для разбора и безпристрастной оцѣнки, по возможности, всѣхъ тѣхъ ходячихъ идей, современныхъ предположеній и вопросовъ, которые появятся въ другихъ русскихъ журналахъ.

„Рядъ статей о русской литературѣ (въ первой книгѣ мы напечатали лишь введеніе) будетъ слѣдовать, по возможности, непрерывно. Со втораго-же номера мы обратимся къ одному изъ самыхъ современныхъ вопросовъ нашей литературы, вопросу о значеніи искусства и о настоящемъ отношеніи его къ дѣйствительной жизни. Это самый горячій изъ современныхъ литературныхъ вопросовъ, который настоятельно требуетъ разрѣшенія. Вообще нашъ журналъ употребитъ всѣ усилія, чтобъ не быть отвлеченнымъ, и, повторяемъ, будетъ преимущественно заниматься тѣмъ, что относится къ самымъ современнымъ явленіямъ жизни. Онъ не отказывается отъ споровъ, отъ возраженій. Кромѣ того, онъ сторонникъ гласности и порицаетъ скандалъ только въ умышенномъ намѣреніи оскорбить личность, въ заносчивости авторитетовъ, въ безстыдной лжи передъ публикой, въ обличеніи не для пользы общества, а единственно для личнаго оскорбленія обличаемаго. Такія дѣйствія, если они будутъ совершаться въ литературѣ, мы будемъ сами обличать всѣми нашими силами. Особенное вниманіе обратимъ мы на отдѣлы „Внутрен-

„нихъ Новостей“ и „Политическаго Обзорѣнія“. Последній отдѣлъ особенно для насъ важенъ.“

Существенный поводъ къ этой замѣткѣ, очевидно, состоялъ въ томъ, что въ *Объявленіи* слишкомъ бѣгло было сказано о западничествѣ и славянофильствѣ, и нужно было яснѣе выразить мысль объ упраздненіи этихъ двухъ направленій. Кромѣ Ѳедора Михайловича, эта мысль нашла полную поддержку у *Ан. Григорьева*, который сталъ усердно писать во „Времени“, начиная со второй книжки. Привлеченію его къ журналу отчасти содѣйствовалъ я, считавшій и считающій его до сихъ поръ лучшимъ нашимъ критикомъ. Помню самый разговоръ. Отъ меня непремѣнно желали статей по литературной критикѣ; я отказывался и сталъ настойчиво указывать на Григорьева. Къ моей неожиданной радости, Ѳедоръ Михайловичъ объявилъ, что онъ самъ очень любитъ Григорьева и очень желаетъ его сотрудничества. Но приглашеніе состоялось уже немножко поздно, и первая книжка явилась безъ статьи того критика, котораго потомъ мы всѣ, до самой его смерти, признавали своимъ вождемъ въ сужденіяхъ о литературѣ. Статья Григорьева начиналась такъ:

„Къ числу несомнѣнныхъ, купленныхъ опытомъ, фактовъ нашего времени, принадлежитъ тотъ фактъ, что въ сущности нѣтъ уже болѣе теперь у насъ двухъ направленій, лѣтъ за десять тому назадъ рѣзко-враждебно стоявшихъ одно противъ другаго, — *западнаго* и *восточнаго*. Фактъ этотъ пора засвидѣтельствовать для общаго сознанія; ибо для сознанія отдѣльныхъ лицъ, для сознанія каждаго изъ насъ, пишу-щихъ и мыслящихъ людей, онъ уже засвидѣтельствованъ давно“ („Время“, 1861. № 2).

Такое рѣшительное мнѣніе объ *упраздненіи* двухъ главныхъ литературныхъ направленій было внушено Григорьеву конечно *желаніемъ* такой перемѣны. Вспомнимъ, что онъ принадлежалъ къ такъ называемой *молодой редакціи* Погодинскаго „Москвитянина“, къ кружку, членами котораго нѣкогда (1850 — 1855) были А. Н. Островскій, Т. И. Филипповъ, А. Ѳ. Писемскій, А. А. Потѣхинъ, Е. Н. Эдельсонъ, Б. Н. Алмазовъ. Кружокъ этотъ, какъ и самъ Погодинъ, имѣлъ въ сущности славянофильское направленіе, но былъ очень свободенъ въ своихъ симпатіяхъ и по-немногу отдѣлился отъ чистаго славянофильства. Погодинъ, имѣвшій въ свое время вліяніе и на Пушкина и на первыхъ славянофиловъ, пользовался великимъ уваженіемъ и у *молодой редакціи* за свой глубочайшій патріотизмъ, за живость и глубину чисто русскихъ

симпатій; но онъ, оставаясь при своихъ мѣнѣяхъ и называя себя *старою редакціею*, предоставилъ въ своемъ журналѣ просторъ молодому кружку, съ великимъ энтузіазмомъ работавшему на литературномъ поприщѣ. Главнымъ отличіемъ этого кружка было восторженное поклоненіе художественной литературѣ; въ ней они видѣли наилучшее выраженіе народнаго духа и духа времени, въ ней искали откровеній и правилъ. Тутъ Островскій былъ провозглашенъ *новымъ словомъ* въ литературѣ; тутъ господствовало благоговѣніе къ Гоголю и Пушкину и совершался отпоръ *натуральной школѣ* и другимъ уклоненіямъ петербургской литературы. Славянофильство, какъ извѣстно, было гораздо строже и скупѣе въ своихъ симпатіяхъ, и молодая редакція, упрекая его въ холодности къ литературѣ и мечтая занять мѣсто во главѣ литературнаго движенія, слегка обособилась въ отдѣльную партію. Къ этой-то партіи принадлежалъ Ап. Григорьевъ, и своимъ желаніемъ отдѣлиться отъ славянофиловъ онъ значительно поддержалъ мысль Федора Михайловича о созданіи новаго направленія. Для всѣхъ насъ авторитетъ Ап. Григорьева въ этомъ дѣлѣ имѣлъ рѣшительное значеніе; его мы почитали настоящимъ судьей въ вопросахъ критики и направленій. Такъ образовалась та партія, которая долго была извѣстна въ петербургской литературѣ подъ именемъ *почвенниковъ*; выраженія, что мы *оторвались отъ своей почвы*, что намъ слѣдуетъ *искать своей почвы*, были любимыми оборотами Федора Михайловича и встрѣчаются уже въ первой его статьѣ. Выраженіе это, очень образное и живое, имѣло ту выгоду, что было въ то же время очень обще, не указывало прямо опредѣленнаго принципа. Подъ него, конечно, подходило и славянофильство; но „Время“ давало постоянно чувствовать, особенно сначала, что оно разумѣетъ здѣсь другое, хотя и родственное направленіе.

Отношенія къ славянофиламъ были слѣдующія. Ап. Григорьевъ всегда говорилъ объ нихъ и устно и печатно съ величайшимъ уваженіемъ. Отъ него и мы всѣ научились этому уваженію, котораго невозможно было почерпнуть изъ петербургской литературы, никогда не упоминавшей о славянофилахъ безъ насмѣйки и презрѣнія. Припомню здѣсь маленький случай, который какъ нельзя яснѣе покажетъ положеніе дѣлъ. Въ 1866 г., литераторы вздумали сдѣлать подарокъ Комиссарову, спасшему Государя отъ смерти, именно подарить ему коллекцію лучшихъ русскихъ книгъ. Образовался маленький комитетъ, чтобы составить списокъ лучшихъ книгъ, и я былъ приглашенъ. Когда, между прочимъ, я предложилъ внести сочиненія Хомякова, Кирѣевскаго и Аксакова, то встрѣтилъ живѣйшее противодѣйствіе; члены комитета, люди очень почтенные и свѣдующіе,

говорили, что это писатели съ *странными* мнѣніями, никѣмъ не раздѣляемыми, и мнѣ едва удалось настоять на своемъ, и то потому, что членамъ пришли на мысль совершенно побочныя соображенія. Такъ стояли дѣла въ петербургской литературѣ, да и теперь они стоятъ едва-ли многимъ лучше.

Достоевскіе были прямыми питомцами петербургской литературы; это всегда нужно помнить при оцѣнкѣ ихъ литературныхъ пріемовъ и сужденій. Михайло Михайловичъ былъ, разумеется, болѣе подчиненъ и былъ холоденъ или даже предубѣжденъ противъ славянофиловъ, что и отразилось въ его вопросѣ: „Какіе-же глубокіе мыслители Хомяковъ и Кирѣевскій?“, такъ задѣвшимъ за живое Ап. Григорьева. Въ своемъ первомъ письмѣ изъ Оренбурга, Григорьевъ выставляетъ этотъ вопросъ чуть не прямою причиною, почему онъ, послѣ своей четвертой статьи, задумалъ покинуть журналъ и уѣхать *). Ѳеодоръ Михайловичъ, хотя и былъ тогда почти вовсе незнакомъ съ славянофилами, конечно не былъ расположенъ противорѣчить Григорьеву, и своимъ широкимъ умомъ чувствовалъ, на чьей сторонѣ правда. Какъ-бы то ни было, очевидно, направленіе „Времени“ чрезъ Ап. Григорьева примыкаетъ къ одной вѣткѣ Погодинскаго славянофильства; и Григорьеву-же принадлежитъ твердое признаніе за чистымъ славянофильствомъ великаго, существеннаго значенія въ нашей умственной жизни.

Но самая важная и плодотворная роль во всемъ этомъ дѣлѣ, конечно, принадлежитъ Ѳеодору Михайловичу. Онъ сознательно и прямо пошелъ на встрѣчу сперва Ап. Григорьеву, а потомъ славянофиламъ. При быстротѣ и гибкости своего ума онъ легко понималъ эти мнѣнія въ самыхъ ихъ основаніяхъ; главное-же тутъ было то, что онъ уже самъ, по складу убѣжденій, воспитанныхъ въ немъ сближеніемъ съ народомъ и внутреннимъ поворотомъ мыслей, былъ бессознательнымъ славянофиломъ. Славянофильство вѣдь не есть надуманная и оторванная отъ жизни теорія: оно есть естественное явленіе, съ положительной стороны—какъ консерватизмъ, т. е. приверженность къ давнишнимъ началамъ русской жизни, съ отрицательной—какъ реакція, т. е. желаніе сбросить умственное и нравственное иго, налагаемое на насъ Западомъ. Такимъ образомъ произошло и то, что Ѳеодоръ Михайловичъ создалъ себѣ цѣлый рядъ взглядовъ и симпатій совершенно славянофильскихъ и выступилъ съ ними въ литературу, сперва не замѣчая своего сродства съ давно существующею литературною партією, но потомъ прямо и открыто примкнулъ къ ней.

*) См. „Эпоха“, 1864 г., Октябрь. *Воспоминанія объ Ап. Григорьевѣ.*

Такіе союзники, какъ извѣстно, въ каждомъ дѣлѣ считаются самыми дорогими; это не выпколенные послѣдователи, не ученики, рабски повторяющіе слова учителей, а люди самостоятельныя, способные сами крѣпко стоять за идею и развивать ее дальше. Съ большою тонкостію Ѳеодоръ Михайловичъ угадывалъ приложенія своихъ началъ и открывалъ ихъ различныя стороны; случалось, ему потомъ и указывали, что то или другое было уже сказано славянофилами, и тогда онъ откровенно признавался: „я этого не зналъ“.

Для полноты картины прибавлю нѣсколько словъ о себѣ самомъ. Въ журналистику я вступилъ, сколько помню, съ нѣкоторымъ равнодушіемъ и даже лѣнью, и потому не принималъ большаго участія въ вопросѣ о направленіи. Мысль о *новомъ направленіи*, однако же, сперва занимала меня, особенно вслѣдствіе вліянія Ап. Григорьева; но очень скоро, можетъ быть, по своему нерасположенію къ неопредѣленности, я порѣшилъ, что нужно прямо признавать себя славянофиломъ, когда признаешь существенныя начала этого ученія. Такимъ образомъ, нѣкоторое время я расходился съ направленіемъ „*Времени*“, причемъ не могу сказать, чтобы горячо проповѣдывалъ или отстаивалъ свое расхожденіе. И безъ того дѣло шло своимъ естественнымъ путемъ и пришло къ необходимому выводу.

Не то было съ сотрудниками, которые были помоложе. Они всего тѣснѣе группировались около Ап. Григорьева, привлекавшаго ихъ не только умомъ, но и дѣтскою простотою и добродушіемъ. Молодые люди долго носились съ мыслью о новомъ направленіи. Дѣло, конечно, состояло въ томъ, чтобы дать нѣкоторый бѣльшій просторъ славянофильскому взгляду, захватить въ него тѣ явленія, которыя онъ ревниво исключалъ, напр. текущую литературу, или разныя западныя вліянія. Тутъ происходили безконечныя споры и дѣлались попытки ежедневно перестроивать или исправлять свое міросозерцаніе чуть не съ самыхъ основъ. Картина этого умственного броженія предстала мнѣ однажды съ такою ясностію, что я позволю себѣ рассказать этотъ случай. Одинъ изъ сотрудниковъ „*Времени*“ и „*Эпохи*“, Иванъ Григорьевичъ Долгомостьевъ, умный и благородный молодой человѣкъ, на моихъ глазахъ подвергся сумасшествію, за которымъ скоро послѣдовала смерть. Это было въ 1867 году, два или три года послѣ прекращенія „*Эпохи*“ и разсѣянія всего ея кружка. Я давно зналъ Ивана Григорьевича, зналъ всѣ его мысли и занятія; нѣкоторое время послѣ паденія „*Эпохи*“ мы жили вмѣстѣ съ нимъ. На этотъ разъ онъ жилъ отдѣльно, но въ началѣ декабря, при наступленіи жестокихъ морозовъ, онъ вдругъ является ко мнѣ и со слезами жалуется на

нестерпимыя козни и преслѣдованія, которымъ онъ будто бы подвергается въ своей меблированной комнатѣ. Чтобы успокоить его, я предложилъ ему остаться у меня, довольно ясно понявши его состояніе. Черезъ нѣсколько дней, когда я, около часу ночи, вернулся домой, онъ, противъ обыкновенія, еще не спалъ и сталъ изъ своей комнаты говорить мнѣ что-то, довольно странное, какъ и всѣ его рѣчи въ послѣднее время. Я настоятельно попросилъ его не разговаривать и спать, улегся самъ и заснулъ. Черезъ часъ или полтора меня разбудилъ какой-то говоръ. Въ темнотѣ слушаю и слышу, что мой гость лежа говоритъ самъ съ собою. Разговоръ, очевидно, началъ былъ шепотомъ, но становился съ каждою минутою громче и громче; наконецъ, онъ сѣлъ на своей постели и все продолжалъ говорить. Я понялъ, что это полный бредъ съумасшествія. Чтѣ было дѣлать? Толкаться среди ночи къ доктору или въ больницу было бы для всѣхъ большимъ безпокойствомъ, и едва-ли бы я выгадалъ много времени. Я рѣшился ждать разсвѣта. И вотъ въ продолженіе пяти или шести часовъ, лежа въ темнотѣ, я слушалъ этотъ бредъ. Такъ какъ мнѣ извѣстны были всѣ мысли и всякій способъ выраженія моего пріятеля, то для меня съ удивительною ясностію открылась тайна съумасшествія, по крайней мѣрѣ этого съумасшествія. Это былъ хаосъ давно знакомыхъ мнѣ словъ и мыслей; какъ будто вся душа несчастнаго Ивана Григорьевича, всѣ его мысли и чувства были изорваны въ клочки, и эти клочки путались и перепутывались самымъ неожиданнымъ образомъ. Нѣчто подобное бываетъ съ нами, когда мы засыпаемъ и когда образы и слова, наполняющія нашъ умъ, приходятъ въ странныя, бессмысленныя сочетанія.

Но во всемъ этомъ бредѣ была, однакоже, руководящая мысль; больной уже не имѣлъ власти надъ своимъ воображеніемъ и своими понятіями, но въ немъ неизмѣнно дѣйствовало желаніе подгонять этотъ безпорядочный потокъ къ извѣстной цѣли. Эта цѣль, эта мысль была — новое направленіе *почвенниковъ*. Читатель едва-ли себѣ представитъ, съ какимъ ужасомъ и съ какою жалостію я слушалъ этотъ бредъ; въ этихъ исковерканныхъ и изорванныхъ въ клочки мысляхъ стражались споры и разсужденія, которыя нѣсколько лѣтъ, днемъ и ночью, занимали небольшой кружокъ людей. Для меня не могла быть тайною причина съумасшествія; причина заключалась въ тѣхъ невѣроятныхъ излишествахъ, которымъ предавался когда-то нашъ пріятель и которыя совершенно его истощили; но, когда этому организму пришлось погаснуть, послѣдняя его вспышка показала только, чтѣ всего больше его интересовало, чѣмъ питался его умъ. Повторяю, Иванъ Григорьевичъ былъ человѣкъ умный и благород-

ный, и въ его сумасшествіи это было для меня яснѣй, чѣмъ когда нибудь.

Итакъ, направленіе *почвенниковъ* имѣло своихъ исповѣдниковъ и, какъ я уже замѣтилъ, имѣло и нѣкоторыя основанія для своего особаго существованія. Оно было, во всякомъ случаѣ, русское, патріотическое направленіе, искавшее себѣ опредѣленія, и, какъ того требовала логика, наконецъ примкнувшее къ славянофильству. Но нѣкоторое время оно держалось особнякомъ, и на это была двоякая причина: во-первыхъ, желаніе самостоятельности, вѣра въ свои силы; во-вторыхъ, желаніе проводить свои мысли въ публику какъ можно успѣшнѣе, интересоваться ею, избѣгать столкновеній съ ея предубѣжденіями. Братья Достоевскіе прилагали большія старанія къ тому, чтобы журналъ ихъ былъ занимателенъ и больше читался. Заботы о разнообразномъ составѣ книжекъ, о произведеніи впечатлѣнія, объ избѣганіи всего тяжелаго и сухаго, были существеннымъ дѣломъ. Этимъ объясняется появленіе въ журналѣ такихъ статей, какъ „Бѣгство Жана Казановы изъ венеціанскихъ Пломбъ“, „Процессъ Ласенера“ и т. п., а также стремленіе другихъ статей къ легкой и шутиливой говорливости, бывшей тогда въ ходу во всей журнальной литературѣ. „Время“ не хотѣло никому уступить въ легкости чтенія и въ интересѣ, и хлопотало объ успѣхѣ, не только вообще признавая его обоюдно полезнымъ, и для себя и для публики, но и прямо для того, чтобы дать возможно большее распространеніе той идеѣ, съ которою оно выступило въ литературу. И вотъ почему прямая ссылка на славянофиловъ была бы неудобна, если бы даже журналъ былъ расположенъ ее сдѣлать. Вотъ гдѣ и настоящая причина небольшихъ разногласій, возникавшихъ у журнала съ Ап. Григорьевымъ. Статьи Григорьева усердно читались нами, сотрудниками „Времени“, вѣроятно читались и серьезными литераторами другихъ кружковъ; но для публики онѣ, очевидно, не годились, такъ какъ для своего пониманія требовали и умственного напряженія и знакомства съ литературными преданіями, не находящимися въ обиходѣ. Для журнала представляли нѣкоторое неудобство и его рѣзкія ссылки на славянофильство. Въ чемъ тутъ было дѣло, всего лучше объяснить слѣдующая статья самого Федора Михайловича, помѣщенная вслѣдъ за моими „Воспоминаніями объ Аполлонѣ Григорьевѣ“. Статья эта и вообще такъ полна разныхъ автобіографическихъ подробностей, что здѣсь ей настоящее мѣсто.

(Эпоха 1864. Сентябрь).

ПРИМѢЧАНІЕ.

„Никакъ не могу умолчать о томъ, что въ первомъ письмѣ Григорьевъ касается меня и покойнаго моего брата. Тутъ есть ошибки, и по нѣкоторымъ изъ нихъ полную правду могу возстановить только я; я былъ тутъ самъ дѣятелемъ, а по другимъ фактамъ личнымъ свидѣтелемъ.

1) Слова Григорьева: „Слѣдовало не загонять какъ почтовую лошадь высокое дарованіе Ф. Достоевскаго, а холить, беречь его и удерживать отъ фельетонной дѣятельности, которая его окончательно погубить и литературно и физически“...—никоимъ образомъ не могутъ быть обращены въ упрекъ моему брату, любившему меня, цѣнившему меня, какъ литератора, слишкомъ высоко и пристрастно и гораздо болѣе меня радовавшемуся моимъ успѣхамъ, когда они мнѣ доставались. Этотъ благороднѣйшій человѣкъ не могъ употреблять меня въ своемъ журналѣ, какъ почтовую лошадь. Въ этомъ письмѣ Григорьева очевидно говорится о романѣ моемъ: „Униженные и Оскорбленные“, напечатанномъ тогда во „Времени“. Если я написалъ фельетонный романъ *) (въ чемъ сознаюсь совершенно), то виноватъ въ этомъ я и одинъ только я. Такъ я писалъ и всю мою жизнь, такъ написалъ все, что издано мною, кромѣ повѣсти „Бѣдныя люди“ и нѣкоторыхъ главъ изъ „Мертваго Дома“. Очень часто случалось въ моей литературной жизни, что начало главы романа или повѣсти было уже въ типографіи и въ наборѣ, а окончаніе сидѣло еще въ моей головѣ, но непременно должно было написаться къ завтраму. Привыкнувъ такъ работать, я поступилъ точно также и съ „Униженными и Оскорбленными“, но никакъ на этотъ разъ не принуждаемый, а по собственной волѣ моей. Начинавшемуся журналу, успѣхъ котораго мнѣ былъ дороже всего, нуженъ былъ романъ, и я предложилъ романъ въ четырехъ частяхъ. Я самъ увѣрилъ брата, что весь планъ у меня давно сдѣланъ (чего не было), что писать мнѣ будетъ легко, что первая часть уже написана и т. д. Здѣсь я дѣйствовалъ не изъ-за денегъ. Совершенно сознаюсь, что въ моемъ романѣ выставлено много куколъ, а не людей, что въ немъ ходячія книжки **), а не лица, принявшія художественную форму (на что требовалось дѣйствительно время и выноска идей въ умъ и въ душѣ). Въ то время

*) Намекъ на выраженіе Григорьева. Н. С.

**) Тоже. Н. С.

„какъ я писалъ, я, разумѣется, въ жару работы этого не сознавалъ, а „только развѣ предчувствовалъ. Но вотъ что я зналъ навѣрно, начиная „тогда писать: 1) что хоть романъ и не удастся, но въ немъ будетъ „поэзія; 2) что будетъ два-три мѣста горячихъ и сильныхъ; 3) что два „наиболѣе серьезныхъ характера будутъ изображены совершенно вѣрно „и даже художественно. Этой увѣренности было съ меня довольно. Вы- „шло произведеніе дикое, но въ немъ есть съ полсотни страницъ, кото- „рыми я горжусь. Произведеніе это обратило впрочемъ на себя нѣкото- „рое вниманіе публики. Конечно, я самъ виноватъ въ томъ, что всю жизнь „такъ работалъ, и соглашаюсь, что это очень не хорошо, но...

„Да простить мнѣ читатель эту рацею о себѣ и о „высокомъ даро- „ваніи“ моему, хотя бы въ томъ уваженіи, что я первый разъ въ жизни „заговорилъ теперь самъ о своихъ ссчиненіяхъ. Но, повторяю, въ фелье- „тонствѣ моемъ я самъ былъ виноватъ и никогда, никогда благородный „и великодушный братъ мой не мучилъ меня работой. Добрый Аполлонъ „Александровичъ, съ которымъ я сошелся гораздо ближе впоследствии, „всегда слѣдилъ за моей работой съ горячимъ участіемъ, и это объясняетъ „слова его. Онъ только не зналъ на этотъ разъ въ чемъ дѣло.

2) „Н. Н. Страховъ хоть и представляетъ далѣе въ статьѣ своей „комментарій на слова моего брата, приведенныя Аполлономъ Григорье- „вымъ, о Кирѣвскомъ, Хомяковѣ и о. Ѳеодорѣ, но такъ какъ я самъ „былъ тутъ, при этомъ разговорѣ, то считаю, какъ личный свидѣтель, „не лишнимъ разъяснить эти слова въ ихъ настоящемъ смыслѣ.

„Аполлонъ Григорьевъ весьма часто упоминалъ во „Времени“ о Хо- „мяковѣ и Кирѣвскомъ, и упоминалъ всегда такъ, какъ хотѣлъ, потому „что сама редакція „Времени“ вполне ему сочувствовала. Но то было „худо, что часто онъ неумѣло упоминалъ объ этихъ лицахъ, потому что „говорилъ о нихъ голословно. Масса читателей тянула тогда совершенно „въ другую сторону; про Хомякова и Кирѣвскаго было извѣстно ей „только то, что они ретрограды, хотя впрочемъ эта масса ихъ никогда и „не читала. Слѣдовало знакомить съ ними читателей, но знакомство это „дѣлать осторожно, умѣючи, постепенно, болѣе проводить ихъ духъ и „идеи, чѣмъ губить ихъ на то время громкими и голословными похва- „лами. Оттого-то какой нибудь тогдашній прогрессистъ, раскрывая книгу „и натакиваясь прямо на слова: „великіе мыслители Хомяковъ, Кирѣв- „скій, о. Ѳеодоръ“ — съ презрѣніемъ закрывалъ журналъ не читая, а „Григорьева называлъ сѣумасшедшимъ и смѣялся надъ нимъ.

„Покойный братъ мой, излагая все это Григорьеву въ совершенно дру- „жескомъ разговорѣ, при которомъ я тогда присутствовалъ и въ кото-

„ромъ я участвовалъ, заключилъ такими словами: „Помилюте, да важный читатель послѣ этого совершенно въ правѣ васъ спросить: какіе же глубокіе мыслители Кирѣевскій и Хомяковъ?“ (т. е. когда вы не объяснили этого, а написали голословно).

„Но Григорьевъ никогда не понималъ такихъ требованій. Въ немъ рѣшительно не было этого такта, этой гибкости, которыя требуются публицисту и всякому проводителю идей. Даже такъ случалось, что послѣ подобныхъ объясненій ему иногда казалось, что отъ него требуютъ отступничества отъ прежнихъ убѣжденій.

„3) Совершенная правда, что въ журналѣ, въ первые годы его существованія, были колебанія, — не въ направленіи, а въ способѣ дѣйствія. Были тоже ошибки въ нѣкоторыхъ убѣжденіяхъ. Но направленіе могло только формулироваться съ годами. Имѣть направленіе и умѣть его ясно и вѣсмы понятно формулировать — дѣло разное. Последнее пріобрѣтается опытомъ, временемъ, жизнію и находится въ прямомъ отношеніи къ развитію самого общества. Отвлеченная формула не всегда годится. Кому есть что сказать, тотъ знаетъ, какъ иногда трудно высказаться. Рутинныя формулы, взятія на прокатъ, да еще заднимъ числомъ, т. е. когда уже все о нихъ имѣютъ нѣкоторое понятіе, гораздо болѣе удаются, болѣе нравятся обществу, чѣмъ незнакомыя ему убѣжденія. Только обносившіяся идеи очень понятны *). Въ прежнихъ ошибкахъ мы готовы сознаться искренно: но вѣдь мы не могли ихъ тогда видѣть сами, именно потому, что и тогда дѣйствовали по твердому убѣжденію.

„4) Что же касается до того: пускать-ли того или другаго въ сотрудники, или до требованія человѣка новаго и свѣжаго для политическаго обозрѣнія и проч. и проч., то этими требованіями Аполлонъ Григорьевъ только доказалъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о практической сторонѣ изданія журнала. Если, положимъ, К. и М., съ образомъ мыслей которыхъ журналъ вполне несогласенъ, представить къ напечатанію въ редакцію журнала такія статьи, которыя на этотъ разъ не противорѣчатъ его главной идеѣ, его направленію, а между тѣмъ сами по себѣ любопытны и даже талантливы, то эти статьи, разумѣется, можно напечатать. Иначе ни одинъ журналъ не состоится. Также точно нельзя не ошибиться, хоть разъ, въ напечатаніи какойнибудь неудачной драмы или повѣсти. Ошибался и Аполлонъ Григорьевъ, и такое

*) Очень глубокія замѣчанія, — истины, которыхъ публика вовсе не подозреваетъ и которыхъ обыкновенно не считаютъ нужнымъ открывать ей журналисты.

„требованіе съ его стороны было слишкомъ строго. Требованіе же „новаго и свѣжаго человѣка“ для политическаго обозрѣнія—было еще строже. „Требовать вдругъ всего — было невозможно. Впослѣдствіи „Политическое обозрѣніе“ во „Времени“ составлялось весьма талантливо и замѣчательнымъ сотрудникомъ; но и оно далеко не выражало направленія „журнала. Трудно сразу отыскать для каждого отдѣла людей съ талантами, равносильными таланту Островскаго, да еще начинающему журналу. Уже довольно того, что журналъ ищетъ этихъ людей и сознаетъ ихъ необходимость. Но всего досаднѣе въ подобныхъ случаяхъ то, что такого сотрудника, въ данный моментъ, можетъ и совсѣмъ на свѣтѣ не быть.

„Сдѣлаю еще одно послѣднее, общее замѣчаніе. Въ этихъ великолѣпныхъ, историческихъ письмахъ *), въ которыхъ не звучитъ ни одной „фальшивой (неискренней) ноты и въ которыхъ такъ типично, хотя все еще не вполне, обрисовывается одинъ изъ русскихъ Гамлетовъ нашего времени (настоящихъ Гамлетовъ),—въ этихъ великолѣпныхъ письмахъ, говорю я, не все и теперь можетъ быть взято редакціею „Эпохи“ безъ оговорокъ. Безъ сомнѣнія, каждый литературный критикъ долженъ быть въ то же время и самъ поэтъ; это, кажется, одно изъ необходимѣйшихъ условій настоящаго критика. Григорьевъ былъ безспорный и страстный поэтъ, но онъ былъ и капризенъ и порывистъ какъ страстный поэтъ. „Я не о томъ собственно говорю, что онъ увлекался, — фраза, которую некрологисты его (изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, рѣдкій и читалъ Григорьева) обратили въ пошлое выраженіе. Григорьевъ былъ хотъ и настоящій Гамлетъ, но онъ, начиная съ Гамлета Шекспирова и кончая нашими русскими, современными Гамлетами и гамлетиками, былъ одинъ изъ тѣхъ Гамлетовъ, которые менѣе прочихъ раздваивались, менѣе другихъ и рефлектировали. Человѣкъ онъ былъ непосредственно, и во многомъ даже себѣ невѣдомо — почвенный, кряжевый. Можетъ быть, изъ всѣхъ своихъ современниковъ онъ былъ наиболѣе русскій человѣкъ, какъ натура (не говорю: какъ идеалъ; это разумѣется). Отъ этого и происходило, что малѣйшій порывъ свой въ общемъ дѣлѣ онъ считалъ до того кровнымъ и необходимымъ для всего дѣла, до того неразрывнымъ съ дѣломъ, что малѣйшее неудовлетвореніе этому порыву казалось ему иногда паденіемъ всего дѣла. И такъ какъ раздваивался жизненно онъ менѣе другихъ, и, раздвоившись, не могъ такъ же удобно, какъ всякій „ге-

*) Дѣло идетъ объ 11-ти письмахъ Ап. Григорьева изъ Оренбурга ко мнѣ, письмахъ, составляющихъ главное содержаніе моихъ „Воспоминаній“.

„рой нашего времени“, одной своей половиной тосковать и мучиться, а другой своей половиной только наблюдать тоску своей первой половины, „сознавать и описывать эту тоску свою, иногда даже въ прекрасныхъ стихахъ, съ самообожаніемъ и съ нѣкоторымъ гастрономическимъ наслажденіемъ—то и заболѣвалъ тоской своей весь, цѣликомъ, всѣмъ челоукомъ, если позволять такъ выразиться. Въ этомъ настроеніи написаны и письма его.

„Я критикъ, а не публицистъ“, говорилъ онъ мнѣ самъ нѣсколько разъ и даже не задолго до смерти своей, отвѣчая на нѣкоторыя мои замѣчанія. Но всякій критикъ долженъ быть публицистомъ, въ томъ смыслѣ, что обязанность всякаго критика — не только имѣть твердыя убѣжденія, но умѣть и проводить свои убѣжденія. А эта-то умѣлость проводить свои убѣжденія и есть главнѣйшая суть всякаго публициста. Но Григорьевъ, судя о словѣ *публицистъ* съ предубѣжденіемъ, — по нѣкоторымъ частнымъ примѣрамъ бывшихъ у насъ публицистовъ — не хотѣлъ даже понимать, чего отъ него добивались, и, кто знаетъ, по своей гамлетовской мнительности, можетъ быть, думалъ, что отъ него добиваются отступничества.

„Я полагаю, что Григорьевъ не могъ бы ужиться вполне спокойно ни въ одной редакціи въ мірѣ. А еслибъ у него былъ свой журналъ, то онъ бы утопилъ его самъ, мѣсяцевъ черезъ пять послѣ основанія *). Но я радъ чрезвычайно, что публика и литераторы могутъ яснѣе узнать по этимъ письмамъ Григорьева, какой это былъ правдивый, высоко-честный писатель, не говоря уже о томъ, до какой глубины доходили его требованія и какъ серьезно и строго смотрѣлъ онъ всю жизнь на свои собственные стремленія и убѣжденія“.

„Федоръ Достоевскій.“

IV.

Болезнь. — Писательскій трудъ.

Эта статья возвращаетъ насъ опять къ самому началу журнала. Федоръ Михайловичъ принялся работать съ удивительнымъ жаромъ. Онъ печаталъ съ первой книжки свой романъ „Униженные и Оскорбленные“ и велъ критическій отдѣлъ, который открылъ статью: „Рядъ статей о

*) Эти разсужденія о томъ, какъ *слѣдуетъ* вести журнальное дѣло, очень характерны и для того времени, и для Федора Михайловича, какъ журнальнаго дѣятеля.

русской литературѣ. Введеніе“. Но кромѣ того онъ принималъ участіе въ другихъ трудахъ по журналу, въ составленіи книжекъ, въ выборѣ и заказѣ статей, а въ первомъ номерѣ взялъ на себя и фельетонъ. Фельетонъ порученъ былъ собственно Д. Д. Минаеву; но, не знаю почему, содержаніе написаннаго имъ фельетона не удовлетворило Ѳедора Михайловича; тогда онъ наскоро написалъ свою статью, подъ заглавіемъ „Сновидѣнія въ стихахъ и прозѣ“ и вставилъ въ нее всѣ стихотворенія, которыми былъ пересыпанъ фельетонъ Д. Д. Минаева, по тогдашней модѣ, введенной, кажется, Добролюбовымъ, именно его знаменитымъ „Свисткомъ“ въ „Современникѣ“. Такого труда, наконецъ, не выдержалъ Ѳедоръ Михайловичъ и на третій мѣсяцъ заболѣлъ. Въ апрѣльской книжкѣ „Времени“ вмѣсто пяти или даже шести печатныхъ листовъ, явилось только 18 страницъ его романа, съ примѣчаніемъ отъ редакціи о болѣзни автора. Болѣзнь эта была страшный припадокъ падучей, отъ котораго онъ дня три пролежалъ почти безъ памяти.

Помню нашу общую тревогу, —не смотря на то, что вообще его припадки были дѣломъ привычнымъ для его близкихъ.

Дорого обходился ему литературный трудъ. Впослѣдствіи мнѣ случалось слышать отъ него, что для излѣченія отъ падучей доктора однимъ изъ главныхъ условій ставили —прекратить вовсе писаніе. Сдѣлать этого, разумѣется, не было возможности, даже если-бы онъ самъ могъ рѣшиться на такую жизнь, на жизнь безъ исполненія того, что онъ считалъ своимъ призваніемъ. Мало того —не было возможности даже и отдохнуть хорошенько, годъ или два. Только передъ самой смертью дѣла его, благодаря больше всего заботливости Анны Григорьевны, устроились такъ, что отдыхъ былъ возможенъ; но передъ самой-же смертью онъ меньше, чѣмъ когда нибудь, былъ расположенъ остановиться на своемъ пути.

Припадки болѣзни случались съ нимъ приблизительно разъ въ мѣсяцъ, —таковъ былъ обыкновенный ходъ. Но иногда, хотя очень рѣдко, были чаще; бывало даже и по два припадка въ недѣлю. За границею, то есть при большемъ спокойствіи, а также вслѣдствіе лучшаго климата, случалось, что мѣсяца четыре проходило безъ припадка. Предчувствіе припадка всегда было, но могло и обмануть. Въ романѣ *Идиотъ* есть подробное описаніе ощущеній, которыя испытываетъ въ этомъ случаѣ больной. Самому мнѣ довелось разъ быть свидѣтелемъ, какъ случился съ Ѳедоромъ Михайловичемъ припадокъ обыкновенной силы. Это было вѣроятно въ 1863 году, какъ разъ наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья. Поздно, часу въ 11-мъ, онъ зашелъ ко мнѣ и мы очень оживленно разговорились. Не могу вспомнить предмета, но знаю, что это былъ очень важный и

отвлеченный предметъ. Федоръ Михайловичъ очень одушевился и зашагалъ по комнатѣ, а я сидѣлъ за столомъ. Онъ говорилъ что-то высокое и радостное; когда я поддержалъ его мысль какимъ-то замѣчаніемъ, онъ обратился ко мнѣ съ вдохновеннымъ лицомъ, показывавшимъ, что одушевленіе его достигло высшей степени. Онъ остановился на минуту, какъ бы ища словъ для своей мысли, и уже открылъ ротъ. Я смотрѣлъ на него съ напряженнымъ вниманіемъ, чувствуя, что онъ скажетъ что-нибудь необыкновенное, что услышу какое-то откровеніе. Вдругъ изъ его открытаго рта вышелъ странный, протяжный и бессмысленный звукъ, и онъ безъ чувствъ опустился на полъ среди комнаты.

Припадокъ на этотъ разъ не былъ сильный. Вслѣдствіе судорогъ все тѣло только вытягивалось, да на углахъ губъ показалась пѣна. Черезъ полчаса онъ пришелъ въ себя, и я проводилъ его пѣшкомъ домой, что было недалеко.

Много разъ мнѣ рассказывалъ Федоръ Михайловичъ, что передъ припадкомъ у него бываютъ минуты восторженнаго состоянія. „На нѣсколько мгновеній“, говорилъ онъ, „я испытываю такое счастье, которое невозможно въ обыкновенномъ состояніи и о которомъ не имѣютъ понятія другіе люди. Я чувствую полную гармонію въ себѣ и во всемъ мірѣ, и это чувство такъ сильно и сладко, что за нѣсколько секундъ такого блаженства можно отдать десять лѣтъ жизни, пожалуй всю жизнь“.

Слѣдствіемъ припадковъ были иногда случайные ушибы при паденіи, а также боль въ мускулахъ отъ перенесенныхъ ими судорогъ. Изрѣдка появлялась краснота лица, иногда пятна. Но главное было то, что больной терялъ память и дня два или три чувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Душевное состояніе его было очень тяжело; онъ едва справлялся со своей тоскою и впечатлительностію. Характеръ этой тоски, по его словамъ, состоялъ въ томъ, что онъ чувствовалъ себя какимъ-то преступникомъ, ему казалось, что надъ нимъ тяготѣетъ невѣдомая вина, великое злодѣйство.

Понятно, какъ вредно было для Федора Михайловича все то, что производитъ приливы крови къ головѣ, слѣдовательно по преимуществу писаніе. Это одинъ изъ мисѣства примѣровъ тѣхъ страданій, которыя вообще приходится выносить писателямъ. Кажется, можно считать исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ ихъ трудъ не связанъ съ нарушеніемъ равновѣсія въ организмѣ, не сопровождается впечатлительностію и напряженіемъ, граничащимъ съ болѣзнію, и потому неизбѣжно ведущими къ страданію. Радости творчества и умственнаго наслажденія имѣютъ свою оборотную сторону, и рѣдко кому удастся избѣжать ея.

Чѣмъ выше полетъ, тѣмъ больише паденіе; тонкая чувствительность часто бываетъ выработана мучительными обстоятельствами, но во всякомъ случаѣ дѣлаетъ мучительными даже обыкновенныя обстоятельства.

Скажу здѣсь и о манерѣ писанія, о которой, съ невольной жалобой, упоминаетъ Федоръ Михайловичъ въ началѣ *Примѣчаній*. Обыкновенно ему приходилось торопиться, писать къ сроку, гнать работу и нерѣдко опаздывать съ работою. Причина состояла въ томъ, что онъ жилъ одною литературою и, до послѣдняго времени, до послѣднихъ трехъ или четырехъ лѣтъ, нуждался, поэтому забиралъ деньги впередъ, давалъ обѣщанія и дѣлалъ условія, которыя потомъ и приходилось выполнять. Распорядительности и сдержанности въ расходахъ у него не было въ той высокой степени, какая требуется при житиѣ литературнымъ трудомъ, неимѣющимъ ничего опредѣленнаго, никакихъ прочныхъ мѣрокъ. И вотъ онъ всю жизнь ходилъ, какъ въ тенѣтахъ, въ своихъ долгахъ и обязательствахъ и всю жизнь писалъ торопясь и успиваясь. Но была еще причина, постоянно увеличивавшая его затрудненія и гораздо болѣе важная. Федоръ Михайловичъ всегда откладывалъ свой трудъ до крайняго срока, до послѣдней возможности; онъ принимался за работу только тогда, когда оставалось уже въ обрѣзъ столько времени, сколько нужно, чтобы ее сдѣлать, дѣлая усердно. Это была лѣнь, доходившая иногда до крайней степени, но не простая, а особенная, *писательская лѣнь*, которую съ большою отчетливостію пришлось мнѣ наблюдать на Федорѣ Михайловичѣ. Дѣло въ томъ, что въ немъ постоянно совершался внутренній трудъ, происходило наростаніе и движеніе мыслей, и ему всегда трудно было оторваться отъ этого труда для писанія. Оставаясь, повидимому, празднымъ, онъ, въ сущности, работалъ неутомимо. Люди, у которыхъ эта внутренняя работа не происходитъ, или очень слаба, обыкновенно скучаютъ безъ внѣшней работы и со сластью въ нее втягиваются. Федоръ Михайловичъ съ тѣмъ обиліемъ мыслей и чувствъ, которое онъ носилъ въ головѣ, никогда не скучалъ праздностію и дорожилъ ею чрезвычайно. Мысли его кипѣли; безпрестанно создавались новые образы, планы новыхъ произведеній, а старые планы росли и развивались. „Кстати“, говоритъ онъ самъ на первой страницѣ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“, гдѣ вывелъ на сцену самого себя, „мнѣ всегда пріятнѣе было обдумывать мои сочиненія и мечтать, какъ они у меня напишутся, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ писать ихъ, и, право, это было не отъ лѣности. Отчего-же?“

Попробуемъ отвѣчать за него. Писаніе было у него почти всегда перерывомъ внутренней работы, изложеніемъ того, что могло-бы еще долго развиваться до полной законченности образовъ. Есть писатели, у которыхъ

разстояніе между замысломъ и выполненіемъ чрезвычайно мало; мысль у нихъ является почти одновременно съ образомъ и словомъ; они могутъ дать выраженіе только вполне сложившимся мыслямъ, и разъ сказавши что нибудь, они сказать лучше не могутъ. Но большинство писателей, особенно при произведеніяхъ крупнаго объема, совершаютъ долгую и трудную работу; нѣтъ конца поправкамъ и передѣлкамъ, которыя все яснѣе и чище открываютъ возникшій въ туманѣ образъ. Оеодоръ Михайловичъ часто мечталъ о томъ, какія-бы прекрасныя вещи онъ могъ выработать, если-бы имѣлъ досугъ; впрочемъ, какъ онъ самъ разсказывалъ, лучшія страницы его сочиненій создались сразу, безъ передѣлокъ — разумѣется, вслѣдствіе уже *вымощенной* мысли.

Писалъ онъ почти безъ исключенія ночью. Часу въ двѣнадцатомъ, когда весь домъ укладывался спать, онъ оставался одинъ съ самоваромъ и, попивая не очень крѣпкій и почти холодный чай, писалъ до пяти и шести часовъ утра. Вставать приходилось въ два, даже въ три часа пополудни, и день проходилъ въ пріемѣ гостей, въ прогулкѣ и посѣщеніяхъ знакомыхъ.

На Оеодоръ Михайловичъ можно было ясно наблюдать, какой великій трудъ составляетъ писаніе для такихъ содержательныхъ писателей, какъ онъ. Въ свои произведенія онъ вкладывалъ только часть той непрерывной работы, которая совершалась въ его головѣ. Читатели, какъ извѣстно, иногда читаютъ легкомысленное мнѣніе, что писаніе ничего не стоитъ даровитымъ людямъ, и обманываются въ этомъ случаѣ тою легкостью, съ которою течетъ стихъ или проза готоваго произведенія. Но въ сущности читатели рѣдко ошибаются въ оцѣнкѣ авторскаго труда, потому что обыкновенно ихъ занимаетъ или трогаетъ только то, что занимало или трогало самого автора, и на сколько душа и трудъ онъ вложилъ въ свое произведеніе, на столько оно и дѣйствуетъ на читателей.

Что касается до поспѣшности и недодѣляности своихъ произведеній, то Оеодоръ Михайловичъ, какъ видно изъ *Примѣчанія*, очень ясно видѣлъ эти недостатки и безъ всякихъ околичностей сознавался въ нихъ. Мало того; хоть ему и жалъ было этихъ „недовершенныхъ созданій“, но онъ не только не каялся въ своей поспѣшности, а считалъ ее дѣломъ необходимымъ и полезнымъ. Для него главное было подѣйствовать на читателей, заявить свою мысль, произвести впечатлѣніе въ извѣстную сторону. Важно было не самое произведеніе, а минута и впечатлѣніе, хотя-бы и не полное. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ вполне журналистъ, и отступившій теоріи чистаго искусства. Такъ какъ планамъ и замысламъ у него не было конца, то онъ всегда носился съ нѣсколькими темами, ко-

торыя мечталъ обработать до полной отдѣлки, но когда нибудь послѣ, когда будетъ имѣть больше досуга, когда времена будутъ спокойнѣе. А пока, онъ писалъ и писалъ полуобработанныя вещи, — съ одной стороны, чтобы добывать средства для жизни, съ другой стороны, чтобы постоянно подавать голосъ и не давать публикѣ покоя своими мыслями. Объ этой журнальной манерѣ писанія есть одно мѣсто у Добролюбова, которое кстати здѣсь привести. Разбирая „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“, Добролюбовъ говоритъ:

„Г. Достоевскій, вѣроятно, не будетъ на меня сѣтовать, что я объявляю его романъ, такъ сказать, *ниже эстетической критики*. Я вѣдь имѣлъ въ виду вообще современную нашу литературу, и если провѣрилъ свою мысль нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями о его романѣ, такъ это потому, что онъ мнѣ попался подъ руку. А если бы взять другія изъ твореній, имѣвшихъ у насъ успѣхъ въ послѣдніе годы, такъ многія изъ нихъ оказались бы, можетъ быть, еще болѣе несостоятельными. Г. Достоевскій по крайней мѣрѣ, — какъ намъ кажется, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ его сочиненій, — не имѣетъ такихъ претензій, не придаетъ себѣ такой важности, какъ другіе. Онъ изобразилъ нѣкоторые свои литературныя отношенія въ запискахъ Ивана Петровича: я не считаю нескромнымъ сказать это, потому что самъ авторъ явно не хотѣлъ скрываться. Онъ съ такими подробностями рассказываетъ тамъ содержаніе „Бѣдныхъ Людей“, какъ первой повѣсти Ивана Петровича, — что нѣтъ возможности ошибиться. Такъ тутъ-то онъ, между прочимъ, сознается, что писалъ многое вслѣдствіе необходимости, писалъ къ сроку, написывалъ по три съ половиною печатныхъ листа въ два дня и двѣ ночи; называетъ себя почтовою клячей въ литературѣ; смѣется надъ критикомъ, увѣрявшимъ, что отъ его сочиненій пахнетъ потомъ и что онъ ихъ слишкомъ обдѣлываетъ *). Словомъ г. Достоевскій смотритъ, повидимому, на свои произведенія, какъ мы встѣ, обыкновенные люди, — не какъ на несокрушимый памятникъ для потомства, а просто какъ на журнальную работу. А ужь извѣстно, что такое журнальная работа: тутъ не до обработки, не до подробностей, не до строгости къ себѣ въ развитіи мысли... Довольно того, что хоть кое-какъ успѣешь бросить эту мысль на бумагу. Можно это сравнить вотъ съ чѣмъ: вы поэтъ, въ васъ сейчасъ родилось чувство, васъ поразило впечатлѣніе, которое вы можете изобразить великолѣпными стихами. У васъ мелькаютъ въ головѣ об-

*) „Такой именно отзывъ былъ когда-то о г. Достоевскомъ, и даже, если не ошибаюсь, въ „Современникѣ“.

„разы, готово нѣсколько стиховъ, нѣсколько мѣткихъ выраженій. Но вамъ мѣшають, отъ васъ требуютъ немедленнаго отчета въ вашемъ впечатлѣніи, у васъ, наконецъ, вовсе отнимають возможность предаться влеченію вашего чувства и принскать для него живые звуки. Дѣлать нечего, вы берете карандашъ и записную книжку и набрасываете шероховатой прозой остовъ того прекраснаго стихотворенія, которое уже слагалось у васъ въ головѣ. *Такъ поступаетъ постоянно, въ теченіе всей своей карьеры, журнальный работникъ*“. („Современникъ“ 1861 г. № 9. Сочиненія Добролюбова, т. III, стр. 604).

Въ этихъ признаніяхъ слышится, кажется, и нѣкоторая жалоба Добролюбова на то, что ему пришлось растратить свои силы въ такой работѣ. Это была его послѣдняя статья. Но какъ бы то ни было, здѣсь указывается на очень обширный и важный фактъ нашей литературы. Она давно и до сихъ поръ отличается преобладаніемъ журналовъ, а журналы отличаются спѣшностію работы; они и сами привыкли и читателей приучили къ тѣмъ жидкимъ и безформеннымъ разглагольствіямъ, къ тѣмъ разсужденіямъ, имѣющимъ только начала, но не имѣющимъ ни конца, ни середины, которыя почти безъ исключенія наполняютъ журнальныя книжки. Такого рода складъ литературы зависитъ, конечно, отъ того, что публика читаетъ только новое, свѣжее; а въ новомъ она ищетъ не удовлетворенія своей любознательности или своихъ эстетическихъ вкусовъ, а только указаній и намековъ на то, въ чемъ состоятъ въ каждую минуту самыя современныя и самыя передовыя мнѣнія на западѣ, или пожалуй, въ нашихъ передовыхъ кружкахъ. Публика наша состоитъ не изъ судей, а изъ учениковъ, не изъ людей, имѣющихъ свое мнѣніе, а изъ людей, боящихся какъ бы не отстать отъ чужихъ мнѣній. Ей нуженъ авторитетъ, нужно чтеніе легкое и въ то же время поддерживающее ее въ увѣренности, что она знаетъ духъ и направленіе самаго новаго, самаго послѣдняго просвѣщенія. Такимъ образомъ развилась и развивается до сихъ поръ эта огромная журнальная литература, въ которой приемы писанія могутъ падать до величайшей небрежности, до самой низшей степени, кабая только возможна. Не имѣя самостоятельности, исполняя служебную роль, литература, естественно должна была испортиться, потерять строгость формы и мысли.

Тѣмъ не менѣе эта литература не была ни бесполезною, ни неблагородною. Она воспитывала публику, и въ большинствѣ случаевъ была одушевлена искреннимъ усердіемъ къ своимъ цѣлямъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Федоръ Михайловичъ любилъ журналистику и охотно служилъ ей, разумѣется ясно сознавая, что онъ дѣлаетъ и въ чемъ от-

стѣпаетъ отъ строгой формы мысли и искусства. Онъ съ молодости былъ воспитанъ на журналистикѣ и остался ей вѣренъ до конца. Онъ вполнѣ и безъ раздѣленія примыкалъ къ той литературѣ, которая кишѣла вокругъ него, не становился никогда въ сторонѣ отъ нея. Обыкновенное его чтеніе были русскіе журналы и газеты. Его вниманіе было постоянно устремлено на его собратій по части изящной словесности, на всякіе критическіе отзывы и объ немъ самомъ и объ другихъ. Онъ очень дорожилъ всякимъ успѣхомъ, всякою похвалою, и очень огорчался нападками и бранью. Тутъ были его главные умственные интересы, да тутъ же были и его вещественные интересы. Онъ жилъ исключительно литературнымъ трудомъ, никогда и не предполагая для себя какого нибудь другаго занятія, не задаваясь и мыслью о какомъ нибудь мѣстѣ, казенномъ или частномъ. Въ случаяхъ нужды онъ безъ всякой щепетильности обращался съ просьбами къ различнымъ редакціямъ. Не разъ, когда его не было въ Петербургѣ, мнѣ случалось, по его просьбѣ, вести съ разными редакціями переговоры о деньгахъ, которыя онъ хотѣлъ получить за *будущую* повѣсть. Большею частію переговоры оканчивались отказомъ, и мнѣ иногда было очень больно отъ мысли, кому онъ дѣлаетъ предложенія, и притомъ напрасныя предложенія. Но онъ смотрѣлъ на эти случаи, какъ на неизбѣжныя неудобства своей профессіи, и хорошо понималъ, что они никакъ не могутъ быть поставлены ему въ упрекъ. Зависимость отъ редакцій и книгопродавцевъ, всякіе торги и переговоры составляютъ всегда дѣло полюбовное, сдѣлку равныхъ между собою людей, и потому никогда не могутъ быть такъ тяжелы, какъ другія людскія отношенія.

Такимъ образомъ литература была вполнѣ родною сферою Федора Михайловича; онъ избралъ ее своею профессіею и иногда даже высказывалъ гордость этимъ своимъ положеніемъ. Онъ усердно трудился и работалъ, и достигъ своего: онъ сдѣлалъ одну изъ блистательныхъ литературныхъ карьеръ, достигъ громкой извѣстности, распространенія своихъ идей, а подъ конецъ жизни и матеріальнаго достатка.

Понятно поэтому, какъ онъ любилъ литературу, особенно въ началѣ, когда еще не выразилось рѣзко то различіе, которое поставило его въ оппозицію къ общему настроенію петербургской журналистики. Вотъ причина, почему онъ не могъ сразу сойтись съ славянофилами. Онъ живо почувствовалъ ту враждебность, которую они искони, въ силу своихъ принциповъ, питали къ ходячей литературѣ. Въ 1861 году И. С. Аксаковъ началъ издавать „День“ и въ первыхъ же статьяхъ краснорѣчиво выразилъ осужденіе господствовавшихъ въ журналахъ направленій. Фе-

дору Михайловичъ по этому случаю горячо вступился за литературу. (См. „Сочин.“ т. X, стр. 131 и сл.). Въ этой статьѣ очень характерна слѣдующая выходка, обращенная къ славянофиламъ:

„Читаешь иныя ваши мнѣнія и, наконецъ, по неволѣ придеши къ заключенію, что вы рѣшительно въ сторонѣ себя поставили, смотрите на насъ *) какъ на чужое племя, точно съ луны къ намъ пріѣхали, точно не въ нашемъ царствѣ живете, не въ наши годы, не ту же жизнь переживаете! Точно опыты надъ кѣмъ-то дѣлаете, въ микроскопъ кого-то разсматриваете. *Да вѣдь это ваша же литература, ваша, русская?* „Что же вы свысока-то на нее смотрите, какъ козяку ее разбираете? *Да вѣдь вы сами литераторы, и-да славянофилы!*“ (стр. 137, 138).

Здѣсь очень вѣрно сказалось различіе одного и другаго отношенія, и очень живо выражается собственное чувство Федора Михайловича, чувство полной принадлежности къ текущей литературѣ. Славянофилы, дѣйствительно, не вполне принадлежали къ занятымъ литераторамъ и смотрѣли на дѣло со стороны.

Приведу, наконецъ, для большаго поясненія, и себя. Мнѣ пришлось поздно вступить въ литературу и сперва я готовился къ ученому поприщу. Поэтому и я смотрѣлъ на журналистику со стороны и принесъ въ нее нѣкоторое высокомеріе. Всячески старался я избѣжать многописанія, и заботился о полной отдѣлкѣ своихъ статей. Эти заботы обыкновенно возбуждали насмѣшки Федора Михайловича. „Вы все стараетесь для „Полнаго собранія“ своихъ сочиненій!“—говорилъ онъ. „Да никогда не будетъ этого собранія!“ отвѣчалъ я. Но скоро я втянулся въ литературу и сталъ гораздо живѣе принимать къ сердцу ея интересы. Пренебреженіе къ журналистикѣ уступило мѣсто болѣе серьезному отношенію, когда оказалось, что на подкладкѣ этихъ разглагольствій вырастаютъ такія явленія, какъ нигилизмъ; вражду, которую я чувствовалъ, я старался передать и Федору Михайловичу.

Какъ бы то ни было, результатъ, къ которому пришли его литературныя отношенія, извѣстенъ; въ концѣ своего поприща, когда онъ признавалъ себя вполне славянофиломъ, онъ готовъ былъ отзываться о нашей интеллигенціи и ея стремленійхъ почти съ такою же горечью, какая нѣкогда такъ обидѣла его на страницахъ „Дня“. Чтò касается до пристрастія къ фельетонной манерѣ журналовъ, то оно никогда вполне у него не исчезало. Самъ онъ иногда даже насплывалъ себя, стараясь быть

*) Т. е. на дѣятелей литературы. Н. С.

борзописцемъ и фельетонистомъ ради принесенія общей пользы. Съ годами писаніе его становилось, однако, все строже и строже, да и прежде въ его фельетонныхъ писаніяхъ встрѣчалось не мало страницъ, явно показывавшихъ художественную силу и строгіе приемы, далеко превышающіе задачи фельетона.

V.

Успѣхъ „Времени“. — Сотрудники.

Журналъ „Время“ имѣлъ рѣшительный и быстрый успѣхъ. Цифры подписчиковъ, которыя такъ важны были для всѣхъ насъ, мнѣ твердо памятны. Въ первомъ, 1861 году, было 2,300 подписчиковъ, и Михайло Михайловичъ говорилъ, что онъ въ денежныхъ счетахъ успѣлъ свести концы съ концами. На второй годъ было 4,302 подписчика; списокъ ихъ по губерніямъ былъ напечатанъ во „Времени“ 1863 г. Январь, стр. 189—210. На третій годъ изданія, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ было уже до четырехъ тысячъ, и Михайло Михайловичъ говорилъ, что остальные триста должны непременно набраться къ концу года. Такимъ образомъ дѣло сразу стало прочно, стало со второго же года давать большой доходъ, такъ какъ 2,500 подписчиковъ вполне покрывали издержки изданія; авторскій гонораръ былъ тогда менѣе нынѣшняго, онъ рѣдко падалъ ниже 50 руб. за печатный листъ, но рѣдко и подымался выше, и почти никогда не переходилъ 100 рублей.

Причинами такого быстрого и огромнаго успѣха „Времени“ нужно считать прежде всего имя О. М. Достоевскаго, которое было очень громко; исторія его ссылки въ каторгу была всѣмъ извѣстна; она поддерживала и увеличивала его литературную извѣстность и наоборотъ. „Мое имя стоитъ милліона!“ сказалъ онъ мнѣ какъ-то въ Швейцаріи съ нѣкоторою гордостію.

Другая причина была — прекрасный (при всѣхъ своихъ недостаткахъ) романъ „Униженные и оскорбленные“, достойно награждавшій читателей, привлеченныхъ именемъ Федора Михайловича. По свидѣтельству Добролюбова, въ 1861 г. этотъ романъ былъ самымъ крупнымъ явленіемъ въ литературѣ. „Романъ г. Достоевскаго“, писалъ критикъ, „очень недурень, до того недурень, что едва-ли не его только и читали съ удовольствіемъ, чуть-ли не о немъ только и говорили съ полною похвалою“... И дальше: „Словомъ сказать, романъ г. Достоевскаго до сихъ поръ (это значи тѣ

до сентября 1861 г.) представляет лучшее литературное явление нынѣшняго года". (Соч. Добролюб. Т. 3 стр. 590—591).

Третьей причиною нужно считать общее настроеніе публики, никогда так жадно не бросавшейся на литературныя новинки, какъ въ то время. За первымъ увлеченіемъ иногда слѣдовало быстрое разочарованіе; но на этотъ разъ дѣло пошло прекрасно. Журналъ оказался очень интереснымъ; въ немъ слышалось воодушевленіе, и кромѣ того появилось направленіе вполне либеральное, но своеобразное, не похожее на направленіе „Современника“, многимъ уже начинавшее набивать оскомину. Но вмѣстѣ съ тѣмъ „Время“, повидимому, въ существенныхъ пунктахъ не расходилось съ „Современникомъ“. Не только въ 9-й книжкѣ „Современника“ романъ Федора Михайловича разбирался съ большими похвалами, изъ которыхъ мы привели нѣсколько строкъ, но при самомъ началѣ „Времени“ „Современникъ“ дружелюбно его привѣтствовалъ. Первая книжка „Современника“ вышла въ концѣ января, недѣли черезъ три послѣ перваго номера „Времени“, и въ этой книжкѣ былъ помѣщенъ „Гимнъ Времени“ (вѣроятно Добролюбова или Курочкина), въ которомъ новый журналъ предостерегался отъ враговъ и опасностей. Въ то время слово „Современника“ много значило; онъ достигъ въ это время самой вершины своего процвѣтанія и рѣшительно господствовалъ надъ петербургскою публикою; его привѣтъ былъ дѣйствительнѣе всякихъ объявленій. Въ октябрьской книжкѣ „Времени“ 1861 г. явилось даже стихотвореніе Некрасова „Крестыянской дѣти“ вмѣстѣ съ комедіею Островскаго „Женитьба Бальзамина“; въ апрѣльской книжкѣ „Времени“ 1862 г. явились сцены Щедрина. Такимъ образомъ самые крупныя сотрудники „Современника“ по части изящной литературы, и даже Некрасовъ и Щедринъ, отдававшіе всѣ свои силы этому журналу, ясно выказали свое особенное расположеніе ко „Времени“. Тутъ можно видѣть, конечно, и отраженіе успѣха „Времени“, и даже нѣкоторое уваженіе къ его направленію, уваженіе, которое, какъ мнѣ кажется, Некрасовъ сохранялъ до конца.

Такъ или иначе, но только „Время“ быстро поднялось въ глазахъ читателей, и въ то время, какъ старыя журналы, „Отечественныя Записки“, „Библіотека для чтенія“ и т. п., падали, „Время“ процвѣтало и стало почти соперничать съ „Современникомъ“, по крайней мѣрѣ имѣло право, по своему успѣху, мечтать о такомъ соперничествѣ. Этотъ успѣхъ ни въ какомъ случаѣ не былъ обманчивымъ явленіемъ, то есть не былъ однимъ минутнымъ увлеченіемъ, столь обыкновеннымъ въ нашей публикѣ. Далѣе я расскажу, какъ наступилъ послѣ него упадокъ, а теперь только замѣчу, что быстрый успѣхъ породилъ въ насъ большую самоувѣренность, кото-

рая при счастливыхъ обстоятельствахъ очень способствовала дѣлу, но зато при несчастныхъ очень ему повредила.

Тогда, въ 1861 году, всѣ мы очень радовались и собирались усердно работать. Я подалъ въ отставку изъ гимназіи и Михайло Михайловичъ собирался закрыть свою табачную фабрику. Эта фабрика заведена была имъ послѣ 1849 года, когда литература была въ очень стѣсненномъ положеніи. Фабрика имѣла сперва порядочный успѣхъ; отставной литераторъ придумалъ уловку, давшую вдругъ большой ходъ его папиросамъ; онъ сталъ изготовлять *папиросы съ сюрпризами*, т. е. въ ящикъ папиросъ вкладывать какую нибудь недорогую вещь, которая неожиданно въ видѣ прибавки доставалась покупателю. Но понемногу фабрика падала и Михайло Михайловичъ рѣшился вполне посвятить себя одному журналу. Одинъ Ап. Григорьевъ огорчилъ насъ среди лѣта своимъ непонятнымъ отъѣздомъ въ Оренбургъ. Причиною были, впрочемъ, очевидно, его домашнія обстоятельства, а не невѣріе въ журналъ, который всегда очень дорожилъ имъ и въ которомъ, спустя годъ, онъ сталъ по прежнему ревностно участвовать.

Во все существованіе „Времени“ сотрудники его составляли двѣ группы. Одна держалась вокругъ Ап. Григорьева, умѣвшаго удерживать около себя молодыхъ людей привлекательными чертами своего ума и сердца, особенно-же искреннимъ участіемъ къ ихъ литературнымъ занятіямъ; онъ умѣлъ будить ихъ способности и приводить ихъ въ величайшее напряженіе. Другую группу составляли Ѳедоръ Михайловичъ и я; мы особенно подружились и видѣлись каждый день и даже не разъ въ день. Лѣтомъ 1861 г. я переѣхалъ съ Васильевского Острова на Большую Мѣщанскую (нынѣ Казанскую) въ домъ противъ Столярнаго переулка. Редакція была у Михайла Михайловича, жившаго въ Малой Мѣщанской, въ угольномъ домѣ, выходившемъ на Екатерининскій каналъ; а Ѳедоръ Михайловичъ поселился въ Средней Мѣщанской. Ап. Григорьевъ съ своею молодою компаніею ютился въ меблированныхъ комнатахъ на Вознесенскомъ проспектѣ, очень долго въ домѣ Соболевскаго. Я написалъ это, чтобы сказать, что намъ было близко другъ къ другу; но мнѣ живо вспомнился тогдашній низменный характеръ этихъ улицъ, грязноватыхъ и густо населенныхъ петербургскимъ людомъ третьей руки. Во многихъ романахъ, особенно въ „Преступленіи и Наказаніи“, Ѳедоръ Михайловичъ удивительно схватилъ фізіономію этихъ улицъ и ихъ жителей.

Среди этихъ мѣстъ, наводящихъ тоску и отвращеніе, всѣ мы прожили очень счастливые годы. Когда дѣло идетъ хорошо, ничего не можетъ быть занимательнѣе и возбуждательнѣе журнальной работы. Въ ней

соединяется вся привлекательность общественной публичной жизни со всею прелестью уединенных размышлений и усилий. Страницы, старательно обдуманная и изготовленная въ тишинѣ, вдругъ выступаютъ на свѣтъ на глаза множества читателей и дѣлаются предметомъ сужденій, изъ которыхъ многія тотчасъ-же до васъ доходятъ. Особенно тогда было въ привычкѣ, что каждый журналъ говорилъ о всѣхъ другихъ журналахъ, такъ что впечатлѣніе всякой статьи обнаруживалось очень быстро. Достоевскій, Ап. Григорьевъ и я могли быть увѣрены, что въ новой книжкѣ журнала непременно встрѣтимъ свое имя. Соперничество разныхъ изданій, напряженное вниманіе къ ихъ направленіямъ, полемика, — все это обращало журнальное дѣло въ такую интересную игру, что, разъ ее испытавши, нельзя было потомъ не чувствовать большаго желанія опять въ нее пуститься.

Часа въ три пополудни мы сходились обыкновенно въ редакціи съ Федоромъ Михайловичемъ, онъ послѣ своего утренняго чаю, а я послѣ своей утренней работы. Тутъ мы пересматривали газеты, журналы, узнавали всякія новости, и часто потомъ шли вмѣстѣ гулять до обѣда. Вечеромъ въ седьмомъ часу онъ опять иногда заходилъ ко мнѣ, къ моему чаю, къ которому всегда собиралось нѣсколько человѣкъ, въ промежутокъ до наступающаго вечера. Вообще онъ чаще бывалъ у меня, чѣмъ я у него, такъ какъ я былъ человѣкъ холостой и меня можно было навѣщать, не боясь никого обезпokoить. Если у меня была готовая статья, или даже часть статьи, онъ обыкновенно настаивалъ, чтобы я прочелъ ее. До сихъ поръ слышу его нетерпѣливый и ласковый голосъ, раздававшійся среди шумныхъ разговоровъ: „Читайте, Н. Н., читайте!“ Тогда я, впрочемъ, не вполне понималъ, какъ много лестнаго было для меня въ этомъ нетерпѣніи. Онъ никогда мнѣ не противорѣчилъ; я помню всего только одинъ споръ, который возникъ изъ за моей статьи. Но онъ и никогда не хвалилъ меня, никогда не выражалъ особеннаго одобренія.

Наша тогдашняя дружба, хотъ имѣла преимущественно умственный характеръ, но была очень тѣсна. Близость между людьми вообще зависитъ отъ ихъ натуры и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не переходитъ извѣстной мѣры. Каждый изъ насъ какъ будто проводитъ вокругъ себя черту, за которую никого не допускаетъ, или лучше — не можетъ никого допустить. Такъ и наше сближеніе встрѣчало себя препятствіе въ нашихъ душевныхъ свойствахъ, при чемъ я вовсе не думаю брать на себя меньшую долю этого препятствія. На Федора Михайловича находили иногда минуты подозрительности. Тогда онъ недовѣрчиво говорилъ: „Страхову не съ кѣмъ говорить, вотъ онъ за меня и держится“. Это минутное со-

мнѣніе показываетъ только, какъ твердо мы вообще вѣрили въ наше взаимное расположеніе. Въ первые годы, это было чувство, переходившее въ нѣжность. Когда съ Ѳедоромъ Михайловичемъ случался припадокъ падучей, онъ, опомнившись, находился сперва въ невыносимо-тяжеломъ настроеніи. Все его раздражало и пугало, и онъ тяготился присутствіемъ самыхъ близкихъ людей. Тогда братья его или жена посылали за мной — со мной ему было легко и онъ по немножку оправлялся. Вспоминая объ этомъ, я возобновляю въ своей памяти нѣкоторыя изъ лучшихъ своихъ чувствъ и думаю, что я, конечно, былъ тогда лучше, чѣмъ теперь.

Разговоры наши были безконечны, и это были лучшіе разговоры, какіе мнѣ достались на долю въ жизни. Онъ говорилъ тѣмъ простымъ, живымъ, безпритязательнымъ языкомъ, который составляетъ прелесть русскихъ разговоровъ. При этомъ онъ часто шутилъ, особенно въ то время; но его остроуміе мнѣ не особенно нравилось, — это было часто внѣшнее остроуміе, на французскій ладъ, больше игра словъ и образовъ, чѣмъ мыслей. Читатели найдутъ образчики этого остроумія въ критическихъ и полемическихъ статьяхъ Ѳедора Михайловича. Но самое главное, что меня плѣняло и даже поражало въ немъ, былъ его необыкновенный умъ, быстрота, съ которою онъ схватывалъ всякую мысль, по одному слову и намеку. Въ этой легкости пониманія заключается великая прелесть разговора, когда можно вольно отдаваться теченію мыслей, когда нѣтъ нужды настаивать и объяснять, когда на вопросъ сейчасъ получается отвѣтъ, возраженіе дѣлается прямо противъ центральной мысли, согласіе дается на то, на что его просишь, и нѣтъ никакихъ недоумѣній и неясностей. Такъ мнѣ представляются тогдашніе безконечные разговоры, составлявшіе для меня и большую радость, и гордость. Главнымъ предметомъ ихъ были, конечно, журнальныя дѣла, но кромѣ того и всевозможныя темы, очень часто самые отвлеченные вопросы. Ѳедоръ Михайловичъ любилъ эти вопросы, о сущности вещей и о предѣлахъ знанія, и помню, какъ его забавляло, когда я подводилъ его разсужденія подъ различные взгляды философовъ, извѣстные намъ изъ исторіи философій. Оказывалось, что новое придумать трудно, и онъ, шутя, утѣшался тѣмъ, что совпадаетъ въ своихъ мысляхъ съ тѣмъ или другимъ великимъ мыслителемъ.

VI.

Ѳедоръ Михайловичъ, какъ романистъ и журналистъ.

Не стану говорить о его взглядахъ и чувствахъ, относящихся къ окружающимъ дѣламъ и явленіямъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ самъ вы-

разилъ лучшую часть своей души. Скажу только, ради нѣкоторыхъ неопытныхъ читателей, что это былъ одинъ изъ самыхъ искреннихъ писателей, что все, имъ писанное, было имъ переживаемо и чувствуемо, даже съ великимъ порывомъ и увлеченіемъ. Достоевскій — субъективнѣйшій изъ романистовъ, почти всегда создававшій лица по образу и подобию своему. Полной объективности онъ рѣдко достигалъ. Для меня, близко его знавшаго, субъективность его изображеній была очень ясна, и потому всегда на половину исчезало впечатлѣніе отъ произведеній, которыя на другихъ читателей дѣйствовали поразительно, какъ совершенно объективные образы.

Часто я даже удивлялся и боялся за него, видя, что онъ описываетъ инныя темныя и болѣзненныя свои настроенія. Такъ напр. въ „Идіотъ“ описаны приступы паучей, тогда какъ доктора предписываютъ эпилептикамъ не останавливаться на этихъ воспоминаніяхъ, которыя могутъ повести къ припадку, какъ приводить къ нему зрѣлище чужаго припадка. Но Достоевскій не останавливался ни передъ чѣмъ, и, что бы онъ ни изображалъ, онъ самъ твердо вѣрилъ, что возводитъ свой предметъ въ перлъ созданія, даетъ ему полную объективность. Не разъ мнѣ случалось слышать отъ него, что онъ считаетъ себя совершеннымъ реалистомъ, что тѣ преступленія, самоубійства и всякія душевныя извращенія, которыя составляютъ обыкновенную тему его романовъ, суть постоянное и обыкновенное явленіе въ дѣйствительности и что мы только пропускаемъ ихъ безъ вниманія. Въ такомъ убѣжденіи онъ смѣло пускался рисовать мрачныя картины; никто такъ далеко не заходилъ въ изображеніи всякихъ паденій души человѣческой. И онъ достигалъ своего, то есть успѣвалъ давать своимъ созданіямъ на столько реальности и объективности, что читатели поражались и увлекались. Такъ много правды, психологической вѣрности и глубины было въ его картинахъ, что онѣ становились даже понятными для людей, которымъ сюжеты ихъ были совершенно чужды.

Часто мнѣ приходило въ голову, что если бы онъ самъ ясно видѣлъ, какъ сильно окрашиваетъ субъективность его картины, то это помѣшало бы ему писать; если бы онъ замѣчалъ недостатокъ своего творчества, онъ не могъ бы творить. Такимъ образомъ извѣстная доля самообольщенія тутъ была необходима, какъ почти у всякаго писателя.

Но каждый человѣкъ имѣетъ, какъ извѣстно, не только недостатки своихъ достоинствъ, но иногда и достоинства своихъ недостатковъ. Достоевскій потому такъ смѣло выводилъ на сцену жалкія и страшныя фигуры, всякаго рода душевныя язвы, что умѣлъ или признавалъ за собою умѣнье

произносить надъ ними высшій судъ. Онъ видѣлъ Божию искру въ самомъ падшемъ и извращенномъ человѣкѣ; онъ слѣдилъ за малѣйшею вспышкою этой искры и прозрѣвалъ черты душевной красоты въ тѣхъ явленіяхъ, къ которымъ мы привыкли относиться съ презрѣніемъ, насмѣшкою, или отвращеніемъ. За проблески этой красоты, открываемые имъ подъ безобразною и отвратительною внѣшностью, онъ прощалъ людей и любилъ ихъ. Эта нѣжная и высокая гуманность можетъ быть названа его музою, и она-то давала ему мѣрило добра и зла, съ которымъ онъ спускался въ самыя страшныя душевныя бездны. Онъ крѣпко вѣрилъ въ себя и въ человѣка, и вотъ почему былъ такъ искрененъ, такъ легко принималъ даже свою субъективность за вполне объективный реализмъ.

Какъ бы то ни было, зная его по его личнымъ чувствамъ и мыслямъ, я могу свидѣтельствовать, что онъ циталъ своихъ читателей лучшею кровью своего сердца. Такъ поступаютъ призванные, настоящіе писатели, и въ этомъ заключается ихъ неограниченное дѣйствіе на читателей, хотя публика часто и воображаетъ, что писатели только хорошо выдумываютъ и сочиняютъ, а критика иногда готова предписывать имъ даже какую нибудь свою цѣль, а не ту, какую указываетъ имъ ихъ собственное сердце. Поэтому мнѣ думается, что Достоевскій, не смотря на несовершенства своихъ созданій, долго останется глубоко интереснымъ писателемъ, гораздо долѣе тѣхъ, чья муза представляетъ, повидимому, больше гармоніи и стройности, но зато не имѣетъ такой искренности, такого своеобразія и сердечнаго порыва. Подъ музою я разумѣю тотъ идеализированный характеръ, тотъ складъ ума и сердца, который принимаетъ человѣкъ, когда начинаетъ писать и творить. Муза и самъ человѣкъ — два существа различныя, хотя они и выросли изъ одного и того-же корня, хотя и срослись тѣснѣе сіамскихъ близнецовъ. Изъ того, что я сказалъ, видно, что въ Достоевскомъ муза и человѣкъ сливались необыкновенно тѣсно.

Обращаясь къ чисто личнымъ чертамъ. Никогда не было замѣтно въ немъ никакого огорченія или ожесточенія отъ перенесенныхъ имъ страданій, и никогда ни тѣни желанія играть роль страдальца. Онъ былъ безусловно чистъ отъ всякаго дурнаго чувства по отношенію къ власти; авторитетъ, который онъ старался поддержать и увеличить, былъ только литературный; авторитетъ же *пострадаваго* человѣка никогда не выступалъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда во имя его нужно было требовать свободы мысли и слова, доказывать, что его мысли о правительствѣ никто не имѣетъ права считать потворствомъ или угодливостью. Федоръ Михайловичъ велъ себя такъ, какъ будто въ прошломъ у него ничего особеннаго не было, не выставлялъ себя ни разочарованнымъ, ни сохраняющимъ

рану въ душѣ, а напротивъ глядѣлъ весело и бодро, когда позволяло здоровье. Помню, какъ одна дама, въ первый разъ попавшая на редакціонныя вечера Михайла Михайловича (кажется, они были по воскресеньямъ), съ большимъ вниманіемъ вглядывалась въ Федора Михайловича и наконецъ сказала: „смотрю на васъ и кажется вижу на вашемъ лицѣ тѣ страданія, какія вы перенесли...“ Ему были видимо досадны эти слова. „Какія страданія!..“ воскликнулъ онъ, и принялся шутить о совершенно постороннихъ предметахъ. Помню такъ же, какъ, готовясь къ одному изъ литературныхъ чтеній, бывшихъ тогда въ большой модѣ, онъ затруднялся, что ему выбрать. „Нужно что нибудь новенькое, интересное“, говорилъ онъ мнѣ. — Изъ „Мертваго Дома“? — предложилъ я. — „Я ужъ часто читалъ, да и не хотѣлось бы мнѣ. Мнѣ все тогда кажется, какъ будто я жалуюсь передъ публикою все жалуюсь... Это не хорошо“.

Вообще онъ не любилъ обращаться къ прошлому, какъ будто желая вовсе его откинуть, и если пускался вспоминать, то останавливался на чемъ нибудь радостномъ, какъ будто хвалился имъ. Вотъ почему изъ его разговоровъ трудно было составить понятіе о случаяхъ его прежней жизни.

Въ отношеніи къ власти онъ всегда твердо стоялъ на той точкѣ, которая такъ ясна и тверда у всѣхъ истинно русскихъ людей. Онъ давалъ полную строгость своему сужденію, но откладывалъ всякую мысль о непокорности. Ни сплетничества, ни охоты злословить у него не было, хотя ему случалось съ великою горечью и негодованіемъ говорить объ иныхъ лицахъ и распоряженіяхъ. На себѣ же онъ переносилъ и неудобныя существующіе порядки не только безпрекословно, но часто съ совершеннымъ спокойствіемъ, какъ дѣло, не его лично касающееся, а составляющее общее условіе, свойство котораго не зависитъ отъ этого частнаго случая. Такъ, напримѣръ, я не помню, чтобы онъ когда нибудь сильно раздражался противъ цензуры. Тогда существовала предварительная цензура, то есть каждая статья въ корректурѣ подвергалась исключеніямъ и поправкамъ цензора. Цензора, конечно, дѣлали при этомъ много лишняго, по тому естественному побужденію, что имъ хотѣлось исполнять долгъ, совершать нѣкоторый трудъ, то есть непременно дѣлать поправки и исключенія, — если нельзя большихъ, то хоть маленькія. Съ другой стороны, они были вообще люди очень любезные, обыкновенно смотрѣвшіе съ уваженіемъ на литературу и очень доступные для авторовъ. Каждый авторъ, получивши корректуру съ пометками красныхъ чернилъ, нерѣдко отправлялся съ нею къ цензору и торговался, отставая свои строчки и выраженія. Такія случаи были непрерывны и тутъ было поприще для вся-

в ихъ раздраженій. Но я не помню, чтобы Ѳедоръ Михайловичъ когда нибудь особенно негодовалъ на подобные случаи. Вообще мы вовсе не старались въ нашемъ журналѣ о томъ, чтобы произвести какой нибудь скандалъ, обойти цензуру. Что-же касается въ частности до Ѳедора Михайловича, то онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ писателей, которые обыкновенно остаются въ предѣлахъ цензуры, ни мало объ ней не думая, а только потому, что слишкомъ серьезны, чтобы позволить себѣ рѣзкости и личности, останавливающія вниманіе цензоровъ.

VII.

Либерализмъ. — Студентская Исторія.

Вообще никакого слѣда революціоннаго направленія не было въ кружкѣ „Врѣмени“, то есть не только какихъ нибудь помысловъ, но и сношеній съ людьми, замышлявшими недоброе, или какого нибудь имъ покровительства и одобренія. Всѣ мы, и Ѳедоръ Михайловичъ во главѣ, въ самый разгаръ сумятицы, желали и думали ограничиться только литературною ролью, то есть трудиться для того нравственнаго и умственнаго поворота въ обществѣ, какой считали наилучшимъ. Мы, въ сущности, были очень отвлеченные журналисты, говорили только объ общихъ вопросахъ и взглядахъ, въ практической же области мы останавливались на *чистомъ либерализмѣ*, то есть на такомъ ученіи, которое менѣе всего согласно съ мыслью о насильственномъ переворотѣ и, если настаиваетъ на какихъ нибудь измѣненіяхъ существующаго порядка, то добивается этихъ измѣненій однимъ лишь убѣжденіемъ и вразумленіемъ. Чистый либерализмъ, какъ извѣстно, есть вѣра въ то, что отсутствіе принудительныхъ мѣръ ведетъ къ наилучшимъ результатамъ въ общественной дѣятельности, что тогда интересы всего правильнѣе уясняются и взаимно уравниваются. Словомъ, это тѣ начала, которыхъ держатся проповѣдники свободы мысли, свободы слова, свободы торговли и т. д., начала, очевидно, далеко не объемлюшія своего предмета, но такія, которыхъ слѣдуетъ держаться во множествѣ случаевъ, вездѣ, гдѣ нѣтъ ясныхъ основаній для иного образа дѣйствія. Поэтому либеральная проповѣдь возможна и полезна при всякой формѣ правленія, хотя она не даетъ полной и опредѣленной теоріи никакого общества. Надъ этими началами должны господствовать другія начала, имѣющія большую силу и неотложность.

Неопредѣленный, общій либерализмъ былъ у насъ тогда въ большомъ

ходу. Имъ пробавлялись всё журналы, имъ больше и больше проникалось общество и даже правящія сферы. „Русскій Вѣстникъ“, начавшійся съ 1856 года, былъ, можно сказать, школою либерализма; по его книжкамъ вся Россія училась глядѣть на вещи съ этой точки зрѣнія, подвергать критикѣ тѣ слѣдствія, какія происходили отъ принудительныхъ мѣръ и порядковъ. Самыя реформы прошлаго царствованія имѣли преимущественно освободительный характеръ, снимали юридическія и административныя стѣсненія, связывавшія народъ и общество. Понятно, что либеральный духъ овладѣлъ всѣми, и такъ какъ сперва въ этомъ движеніи не замѣчалось ничего дурнаго, то оно росло все больше и больше.

Невозможно было не заразиться общимъ оживленіемъ, радостнымъ чувствомъ нарастающей дѣятельности, простора мыслей и занятій. Нужно вспомнить при этомъ подвижность и восторженность нашей публики, обыкновенно не знающей мѣры своимъ увлеченіямъ. Все кипѣло и несло шумнымъ потокомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство покойнаго Государя было расположено давать все больше и больше свободы этому движенію и что мы далеко бы ушли по этому пути, если бы это движеніе держалось въ границахъ того настоящаго либерализма, во имя котораго оно совершалось. Но мы оказались недостойными той свободы, какая намъ давалась. Или можно сказать—либеральныя начала оказались недостаточными для управленія нашимъ обществомъ, именно слишкомъ трудными для своего пониманія и исполненія и нимало не парализующими силы другихъ началъ, нисколько на нихъ не похожихъ. Наступило быстрое и ужасное разочарованіе. Чѣмъ кончилась либеральная эпоха, такъ называемая *заря возрожденія*? Вдругъ стали являться прокламаціи, взывавшія къ бунту и разрушенію; за прокламаціями слѣдовали пожары; за пожарами польское возстаніе, а черезъ три года первое покушеніе на жизнь Государя.

Привожу все это для того, чтобы со всею точностію обозначить, въ чемъ состоялъ тотъ либерализмъ, котораго держалось „Время“ и который слѣдовательно былъ раздѣляемъ Оеодоромъ Михайловичемъ. Къ сожалѣнію, не смотря на всякіе историческіе опыты, не смотря на всякіе публицистическіе толки, печатные и устные, у насъ господствуетъ величайшая путаница въ понятіяхъ, конечно, поддерживаемая нашею учительницею, Европою, и истинный смыслъ либерализма почти утратился. Что либераль по сущности дѣла долженъ быть въ большинствѣ случаевъ консерватормъ, а не прогрессистомъ, и ни въ какомъ случаѣ не революціонеромъ, это едва-ли многіе знаютъ и ясно понимаютъ. Такой настоящій либерализмъ Оеодоръ Михайловичъ сохранялъ до конца своей жизни, какъ

долженъ его сохранять всякій просвѣщенный и не ослѣпленный человѣкъ.

Разскажу здѣсь одинъ изъ важныхъ случаевъ того времени, такъ называемую *студентскую исторію*, разыгравшуюся въ концѣ 1861 года и какъ нельзя лучше рисующую тогдашнее состояніе общества. Въ этой исторіи вѣроятно дѣйствовали разныя внутреннія пружины; но я не буду ихъ касаться, а разскажу ея наружный, публичный видъ, имѣвшій главное значеніе для большинства и дѣйствующихъ лицъ и зрителей. Университетъ, вслѣдствіе наплыва либерализма, кипѣлъ тогда жизнью все больше и больше, но къ несчастію такою, которая топила учебныя занятія: Студенты составляли сходки, учредили свою кассу, библіотеку, издавали сборникъ, судили своихъ товарищей и т. д.; но все это такъ ихъ развлекало и возбуждало, что большинство, и даже многіе изъ самыхъ умныхъ и способныхъ, перестали учиться. Было не мало и безпорядковъ, то есть выходовъ за границы всевозможныхъ льготъ, и начальство рѣшилось наконецъ, принять мѣры для прекращенія этого хода дѣлъ. Чтобы заручиться непрерываемымъ авторитетомъ, оно исходатайствовало Высочайшее повелѣніе, которымъ запрещались сходки, кассы, депутаты и тому подобное. Повелѣніе вышло лѣтомъ и, когда студенты осенью явились въ университетъ, нужно было привести его въ исполненіе. Студенты задумали противиться, но рѣшились на то единственное сопротивленіе, какое допускается либеральными началами, то есть на *чисто пассивное*. Такъ они и сдѣлали; они привязывались ко всякимъ предлогамъ, чтобы только дать какъ можно больше работы властямъ и гласности всему дѣлу. Они очень искусно добились величайшаго скандала, какого только можно было добиться. Власти вынуждены были два или три раза забирать ихъ днемъ, на улицѣ, огромными толпами. Къ пущей радости студентовъ, ихъ посадили даже въ Петропавловскую крѣпость. Они безпрекословно подчинились этому аресту, потомъ суду и, наконецъ, ссылкѣ, для многихъ очень тяжелой и долговременной. Сдѣлавши это, они думали, что сдѣлали все, что нужно, то есть, что они громко заявили о нарушеніи своихъ правъ, сами не вышли изъ предѣловъ законности и понесли тяжкое наказаніе, какъ будто только за неотступность своихъ просьбъ.

Хотя эти юридическія понятія въ сущности не примѣнимы къ учащимся, но студенты, для поученія остальныхъ гражданъ, разыграли эту либерально-юридическую драму безъукоризненно и съ истиннымъ увлеченіемъ. Это вовсе не былъ бунтъ, хотя бы и въ маленькихъ размѣрахъ. Всего интереснѣе и характернѣе то, что тогда-же нашлись люди, которые очень хотѣлось обратить эту исторію въ бунтъ, что со студентами

дѣлались совѣщанія въ этомъ родѣ, что имъ предлагалось, напримѣръ, совершить злодѣйство, которымъ правительство было бы поставлено въ безвыходное положеніе и т. п. Революціонные элементы уже назрѣли въ обществѣ; но на сей разъ либерализмъ сохранилъ свою чистоту и была лишь совершенна громкая демонстрація, какъ-бы публичная жалоба обществу на мнѣнію. Ради этого многіе молодые люди съ веселымъ сердцемъ испортили навсегда свое житейское поприще.

Разумѣется, весь городъ только и говорилъ о студентахъ. Съ заключенными дозволялись свиданія, и потому въ крѣпость каждый день являлось множество посѣтителей. И отъ редакціи „Времени“ былъ имъ посланъ гостинецъ. У Михайла Михайловича былъ зажаренъ огромный ростбифъ и отвезенъ въ крѣпость съ прибавкою бутылки коньяку и бутылки краснаго вина. Когда студентовъ, признанныхъ наиболѣе виновными, стали, наконецъ, увозить въ ссылку, ихъ провожали далеко за городъ родные и знакомые. Прощаніе было людное и шумное, и сильные большею частію смотрѣли героями.

Исторія эта потомъ продолжалась совершенно въ томъ же духѣ. Университетъ закрыли, съ тѣмъ, чтобы подвергнуть полному преобразованію. Тогда профессора стали просить позволенія читать публичныя лекціи, и безъ труда получили разрѣшеніе. Дума уступила для лекцій свои залы, и вотъ университетскіе курсы открылись внѣ университета почти въ полномъ своемъ составѣ. Всѣ хлопоты по устройству лекцій и все смотрѣніе за порядкомъ студенты взяли на себя и очень были довольны и горды этимъ новымъ, вольнымъ университетомъ.

Но мысли ихъ были заняты не наукой, о которой они, повидимому, такъ хлопотали, а чѣмъ-то другимъ, и это испортило все дѣло. Поводомъ къ разрушенію думскаго университета былъ знаменитый „литературно-музыкальный вечеръ“, въ залѣ Руадзе, 2 марта 1862. Этотъ вечеръ былъ устроенъ съ цѣлью сдѣлать какъ бы выставку всѣхъ передовыхъ, прогрессивныхъ литературныхъ силъ. Подборъ литераторовъ сдѣланъ былъ самый тщательный въ этомъ смыслѣ, и публика была самая отборная въ томъ же смыслѣ. Даже музыкальныя пьесы, которыми перемежались литературныя чтенія, были исполняемы женами и дочерьми писателей хорошаго направленія. Федоръ Михайловичъ былъ въ числѣ чтецовъ, а его племянница въ числѣ исполнительницъ. Дѣло было не въ томъ, что читалось и исполнялось, а въ оваціяхъ, которыя дѣлались представителямъ передовыхъ идей.

Шумъ и восторгъ былъ страшный, и мнѣ всегда потомъ казалось, что этотъ вечеръ былъ вышею точкою, до которой достигло либеральное дви-

женіе нашего общества, и виѣстъ кульминаціею нашей воздушной революціи. Одинъ изъ эпизодовъ этого вечера былъ началомъ быстрого паденія и разочарованія въ нашемъ тогдашнемъ прогрессѣ. Профессоръ П—въ читалъ на вечерѣ свою статью, которая, какъ и все, что исполнялось, была предварительно цензурирована; онъ прочиталъ ее безъ измѣненія, но съ такими выразительными интонаціями и жестами, что смыслъ получился вовсе нецензурный. Поднялся радостный гвалтъ, восторгъ невозможный для описанія.

И вотъ на другой день разносится всюду вѣсть, что профессоръ арестованъ и высланъ изъ Петербурга. Какъ тутъ быть? Какъ протестовать противъ такой мѣры? Студенты довольно послѣдовательно придумали, что высылка одного профессора представляетъ угрозу другимъ профессорамъ, что поэтому они не могутъ продолжать своихъ чтеній, если не желаютъ показать, что считаютъ своего сотоварища виновнымъ и что сами желаютъ быть невинными передъ правительствомъ. Рѣшено было закрыть Думскій университетъ и тѣмъ протестовать противъ стѣсненій. Это былъ протестъ въ родѣ выхода профессоровъ въ отставку, — дѣло, какъ извѣстно, безпрестанно повторявшееся въ русскихъ университетахъ, нѣчто похожее на японское самоубійство. Студенты предполагали, что все общество будетъ поражено скорбью и гнѣвомъ, когда вдругъ закроется главный источникъ его просвѣщенія. Профессора согласились на желаніе студентовъ и отказались отъ чтенія, кромѣ одного или двухъ, которымъ зато слушатели стали дѣлать скандалы. Наконецъ, вмѣшалось начальство и прекратило все дѣло, запретивъ вообще профессорамъ читать публичныя лекціи.

Какой-же былъ результатъ всей исторіи? Тотчасъ же обнаружилось, что хитрые замыслы возбудить общество и вооружить его противъ правительства потерпѣли полную неудачу. Общество не тронулось, и волненіе, вмѣсто того, чтобы возрастать, вдругъ погасло. Руководители дѣла слишкомъ наивно воображали, что шумъ, происходящій въ ихъ кружкахъ, есть выраженіе общаго настроенія, и что такъ легко будетъ обмануть публику. Въ сущности никто серіозно не могъ повѣрить, что правительство есть врагъ и притѣснитель просвѣщенія. Подкладка дѣла была вѣсьмъ слишкомъ видна, особенно когда въ то же время стали одна за другою появляться прокламаціи, изъ которыхъ первая считала въ Россіи сто тысячъ человѣкъ помѣхою общему благополучію, а послѣдняя уже прямо угрожала — „залить улицы кровью и не оставить камня на камнѣ“.

Какъ-бы то ни было, правительство, постоянно желавшее сохранить либеральный образъ дѣйствій, было поставлено въ очень трудное положеніе; оказывалось, что всякая либеральная мѣра возбуждаетъ въ обществѣ

движеніе, которое пользуется этою мѣрою для своихъ цѣлей, не либеральныхъ, а весьма радикальныхъ. Затрудненіе это прекращено было только петербургскими пожарами и польскимъ возстаніемъ, когда, наконецъ, стало ясно, что нельзя терпѣть и предоставлять естественному теченію зло, принявшее такіе ужасающіе размѣры.

VIII.

Полемика. Нигилизмъ.

Во всякомъ случаѣ, состояніе умовъ въ это время, въ 1861 и 1862 годахъ, было въ высшей степени возбужденное и *почвенники* естественно раздѣляли это возбужденіе. Казалось, всѣ старыя формы жизни готовы исчезнуть и видоизмѣниться, и можетъ начаться новая жизнь, народный духъ можетъ обнаружиться въ новомъ свободномъ творчествѣ. Этимъ объясняется, почему мы такъ легко переносили неопредѣленность нашего катихизиса. Мы пользовались тѣми преимуществами, которыя общество такъ охотно даетъ писателямъ и за которыя такъ усердно держатся сами писатели. Они, какъ извѣстно, ничему не подчинены и ни къ чему не обязаны, кромѣ внушеній своего ума и своей совѣсти. Мы не примыкали ни къ какой партіи, имѣющей практическое дѣло, практическіе интересы; мы ясно видѣли, что намъ нужно оставаться въ сферѣ общихъ отвлеченныхъ вопросовъ, и такъ какъ мы были горячіе патріоты и руссофилы, то передъ нами было множество дѣла, и въ литературной критикѣ, и въ пониманіи русской исторіи и русскаго быта, и во всевозможныхъ сужденіяхъ о Западѣ и его умственныхъ и политическихъ явленіяхъ, имѣющихъ у насъ такое могущественное вліяніе. Въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть, что „Время“ работало усердно и никакъ не уклонялось отъ общей своей задачи.

Неизбѣжной частью этой задачи была полемика, такъ какъ все огромное большинство литературы было западническое, а самое рѣшительное вліяніе принадлежало журналамъ прямо расположеннымъ къ нигилизму. Поэтому нигилизмъ сдѣлался нѣкотораго рода спеціальностью „Времени“; оно постоянно слѣдило за нимъ и анализировало его съ различныхъ сторонъ. Въ промежутокъ отъ начала „Времени“ до появленія романа Тургенева „Отцы и Дѣти“ („Русскій Вѣстникъ“ 1862 года, февраль), „Время“ успѣло уже указать на существенныя черты нигилизма, на тѣ самыя черты, которыя въ живыхъ образахъ и сценахъ съ такою мѣткостью изобразилъ Тургеневъ.

Начало борьбы съ нигилистическимъ направлениемъ положилъ самъ Ѳедоръ Михайловичъ, въ своей статьѣ: „—бовъ и вопросъ объ искусствѣ“ („Время“ 1861 г., февраль), въ которой онъ опровергалъ стремленіе сдѣлать изъ искусства чисто служебное средство. Онъ началъ съ довольно мягкихъ возраженій; главнымъ образомъ онъ возставалъ противъ нарушенія законовъ искусства и противъ мысли о бесполезности такихъ художественныхъ произведеній, которыя не имѣютъ ясной тенденціи. Но мнѣ не терпѣлось и хотѣлось скорѣе стать въ прямое и рѣшительное отношеніе къ нигилистическимъ ученіямъ. Могу сказать, что во мнѣ было постоянно какое-то органическое нерасположеніе къ нигилизму и что съ 1855 года, когда онъ сталъ замѣтно высказываться, я смотрѣлъ съ большимъ негодованіемъ на его проявленія въ литературѣ. Уже въ 1859 и въ 1860 году я дѣлалъ попытки возразить противъ нелѣпостей, которыя такъ явно и развязно высказывались; но редакторы двухъ изданій, куда я обращался, люди хорошо знакомые, рѣшительно отказались печатать мои статьи и сказали, чтобы и впредь я объ этомъ не думалъ. Я понималъ тогда, какой большой авторитетъ имѣютъ органы этого направленія, и очень опасался, что такая-же участь меня постигнетъ и во „Времени“. Поэтому для меня было большою радостью, когда моя статья „Еще о петербургской литературѣ“, разумѣется, благодаря лишь Ѳедору Михайловичу, была принята („Время“ 1861 г., іюнь); тогда я сталъ писать въ этомъ родѣ чуть не въ каждой книжкѣ журнала. Разсказываю обо всемъ этомъ для характеристики литературы того времени. Самъ-же я искренно считалъ эти статьи болѣе забавою, чѣмъ дѣломъ, и тѣмъ веселѣе они выходили. Со стороны редакціи было, впрочемъ, сначала маленькое сопротивленіе. Въ моихъ статьяхъ иногда редакція приставляла къ имени автора, на котораго я нападалъ, какой-нибудь лестный эпитетъ, напр. *талантливый, даровитый*, или въ скобкахъ: (*впрочемъ, достойный уваженія*). Были и вставки; такъ въ статьѣ „Нѣчто о полемикѣ“ было вставлено слѣдующее мѣсто:

„Вольтеръ цѣлую жизнь свисталъ и не безъ толку и не безъ послѣдствій. (А вѣдь какъ сердились за него, и именно за свистъ)“.

Эта похвала свисту вообще и Вольтеру въ частности нарушаетъ тонъ статьи и выражаетъ вовсе не мои вкусы. Но редакція не могла не вступиться за то, что имѣло силу въ тогдашнихъ нравахъ и на что признавала и за собою полное право. Вставка принадлежитъ Ѳедору Михайловичу, и я уступилъ его довольно горячему настоянію. Скоро, впрочемъ, всякія поправки такого рода вовсе пребрались.

Статьи эти писались подъ псевдонимомъ *Косицы*,—я имѣлъ дерзость выбрать себѣ образцомъ *Феофилакта Косичкина* и прилагалъ большія старанія о добросовѣстности и точности въ отношеніи къ предмету своихъ нападеній. Свиста у меня не было никакого, но тѣмъ больше силы получали статьи, и тѣмъ больше интересовало Федора Михайловича то разъясненіе вопроса, которое изъ нихъ выходило.

Разсказываю обо всемъ этомъ потому, что дѣло это имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія: оно повело къ совершенному разрыву „Времени“ съ „Современникомъ“, а затѣмъ къ общей враждѣ противъ „Времени“ почти всей петербургской журналистики.

Вообще же, для нашей литературы, для общественнаго сознанія, вопросъ о народившемся у насъ отрицаніи былъ ясно поставленъ преимущественно романомъ Тургенева „Отцы и Дѣти“, тѣмъ романомъ, въ которомъ въ первый разъ появилось слово *нигилистъ*, съ котораго начались толькія *о новыхъ людяхъ* и, словомъ, все дѣло получило опредѣленность и общезвѣстность. „Отцы и Дѣти“, конечно, самое замѣчательное произведеніе Тургенева, не въ художественномъ, а въ публицистическомъ отношеніи. Тургеневъ постоянно слѣдилъ за видоизмѣненіями господствовавшихъ у насъ настроеній, за тѣми идеалами *современнаго героя*, которые складывались въ передовыхъ и литературныхъ кружкахъ, и на этотъ разъ совершилъ рѣшительное открытіе, нарисовалъ типъ, котораго прежде почти никто не замѣчалъ и который вдругъ всѣ ясно увидѣли вокругъ себя. Изумленіе было чрезвычайное, и произошла сумятица, такъ какъ изображенные были застигнуты въ распλοхъ и сперва не хотѣли узнавать себя въ романѣ, хотя авторъ вовсе не относился къ нимъ съ рѣшительнымъ несочувствіемъ. Но молодому поколѣнію этого было мало; оно требовало, на оборотъ, безусловнаго сочувствія и съ великимъ шумомъ объявило Тургенева, первое имя въ литературѣ, человекомъ отсталымъ и противникомъ общаго дѣла. Среди тогдашнихъ безпрерывныхъ разговоровъ и споровъ, много разъ мнѣ приходилось доказывать разнымъ нигилистамъ, что, если они хотятъ быть послѣдовательными, то должны держаться именно тѣхъ мнѣній, какія исповѣдуетъ Базаровъ, герой Тургенева. Большинство публики, какъ всегда, очень горячилось, но имѣло сбивчивыя, пестрыя понятія о дѣлѣ, и самые ярые приверженцы нигилистическаго направленія вовсе не подозрѣвали, на примѣръ, что наука и искусство тоже должны быть приносимы въ жертву ихъ идолу.

Во „Времени“ была напечатана (1862 г., апрѣль) моя статья, въ которой превозносился Тургеневъ, какъ чисто-объективный художникъ,

и доказывалась вѣрность изображаемаго имъ типа. Тотчасъ послѣ появленія статьи, пріѣхалъ въ Петербургъ Тургеневъ, по обыкновенію собравшійся проводить лѣто въ Россіи. Онъ навѣстилъ и редакцію „Времени“, засталъ насъ въ сборѣ и пригласилъ Михаила Михайловича, Федора Михайловича и меня къ себѣ обѣдать, въ гостиницу Клея (что нынѣ Европейская). Буря, поднявшаяся противъ него, очевидно, его тревожила. За обѣдомъ онъ говорилъ съ большою живостью и прелестью, и главною темою были отношенія иностранцевъ къ русскимъ, живущимъ за границею. Онъ рассказывалъ съ художественной картинностію, какія хитрыя и подлыя уловки употребляютъ иностранцы, чтобы обирать русскихъ, присвоить себѣ ихъ имущество, добиться завѣщанія въ свою пользу и т. д. Много разъ потомъ мнѣ приходилъ на мысль этотъ разговоръ, и я жалѣлъ, что эти тонкія наблюденія, и конечно множество подобныхъ имъ, собранныхъ во время долгаго житія за границею, остались неразсказанными печатно.

Извѣстно, какъ затѣмъ разыгралось дѣло объ нигилизмѣ. На Тургенева сыпался въ продолженія нѣсколькихъ лѣтъ цѣлый дождь всякихъ упрековъ и брани. Самъ онъ былъ долго смущенъ и цѣлые пять лѣтъ, до „Дыма“ (1867 г.), ничего не писалъ въ родѣ своихъ прежнихъ публицистическихъ романовъ, да и вообще очень мало писалъ. Между тѣмъ въ 1866 году появилось „Преступленіе и Наказаніе“, въ которомъ съ удивительною силою изображено нѣкоторое крайнее и характерное проявленіе нигилизма, и съ этого романа до предсмертной „Легенды объ великомъ инквизиторѣ“ идетъ у Достоевскаго разнообразный и глубокий анализъ нашего нравственнаго и умственнаго шатаванія. Если взглянуть на дѣло съ этой точки зрѣнія, то за Достоевскимъ нужно признать огромную заслугу литературѣ и обществу. Онъ одинъ взялъ задачу во всей глубинѣ и ширинѣ, — захватилъ всѣ виды и крайности той глупости и безнравственности, которая развивается въ русскихъ людяхъ, когда они покидаютъ родную почву, то есть отрекаются отъ покорности Россіи и преданности христіанскому духу. Онъ заглянулъ въ душу этихъ людей и изобразилъ борьбу ихъ заблужденій съ добрыми началами, еще живущими въ ихъ душѣ. Религіозный элементъ, а также складъ народной нравственности, народнаго патріотизма, ясно выступаютъ какъ противовѣсъ, какъ убѣжище и спасеніе отъ хаоса и безсмыслицы вывѣтрившагося слоя общества. Все дѣло взято широко, тонко, глубоко, притомъ съ постояннымъ обращеніемъ къ вѣковѣчнымъ задачамъ души человѣческой, съ художественными попытками уловить и самыя возвышенныя и самыя смрачныя тайны людскихъ сердець. Не мудрено, что такой писатель, такой публи-

чистъ сталь, наконецъ, чрезвычайно занимать читателей, не смотря на то, что по художественнымъ достоинствамъ его произведенія уступали нѣкоторымъ изъ современныхъ имъ произведеній другихъ авторовъ.

При этомъ общемъ очеркѣ отношеній нашей литературы къ нигилизму, я указываю и свою маленькую роль,—прошу читателя вѣрить—не столько для похвалы, сколько для уясненія хода дѣла. Тотчасъ послѣ обѣда у Тургенева вышла апрѣльская книжка „Современника“ съ большою статью „О духѣ Времени“, въ высшей степени рѣзкою и направленною исключительно противъ меня, такъ что по тогдашнимъ литературнымъ понятіямъ я былъ убитъ окончательно. Сперва я принялъ это нападеніе совершенно хладнокровно, но, признаюсь, я потомъ немножко унылъ, когда увидалъ, что многіе добрые мои знакомые, даже изъ числа наиболѣе любившихъ меня, стали посматривать на меня съ сожалѣніемъ и вовсе не хотѣли раздѣлять моей бодрости. Между тѣмъ, судя по всему, а особенно издали, теперь, можно сказать, что статья противъ „Времени“ была, такъ сказать, одною изъ первыхъ *оспичекъ* „Современника“. Онъ тогда былъ въ самомъ воинственномъ духѣ, и съ начала года принялся за казни; въ первой книжкѣ совершена была казнь надъ московскимъ профессоромъ философіи *Юркевичемъ*, во второй—надъ славянофилами, въ третьей—надъ Тургеневымъ, въ четвертой—надъ „Временемъ“, то есть именно надо мною. Въ статьѣ было даже тщательно заявлено, что ея упреки и порицанія не простираются на романъ „Униженные и Оскорбленные“ и на „Записки изъ Мертваго Дома“. Такимъ образомъ мнѣ досталось весьма почетное мѣсто въ числѣ главныхъ враговъ, или, пожалуй, главныхъ жертвъ „Современника“. Эта честь заслужена мною именно тѣмъ анализомъ нигилистическаго направленія, которымъ я съ такимъ усердіемъ занимался. И къ этому-же анализу больше, чѣмъ къ нѣкоторымъ положительнымъ взглядамъ, я отношу то лестное слово, которое мнѣ сказалъ однажды Ѳеодоръ Михайловичъ, уже гораздо позже, когда наша дружба была холоднѣе, во времена редактированія имъ „Гражданина“. Онъ требовалъ отъ меня, чтобы я больше писалъ, и когда я сказалъ, что у меня мало мыслей, для того чтобы такъ много писать, онъ возразилъ: „Какъ мало мыслей? Да половина моихъ взглядовъ—ваши взгляды!“ Понятно, что это замѣчаніе, сказанное сердитымъ тономъ, сохранилось въ моей памяти, какъ большая похвала, и я приписываю ее больше всего моему упорному стоянію противъ нигилизма. Люди съ художественнымъ складомъ ума часто видятъ большое достоинство въ логическомъ развитіи мыслей, къ которому сами они мало расположены, и когда въ основахъ есть совпаденіе, какъ въ боль-

иниствѣ случаевъ было у насъ съ Ѳеодоромъ Михайловичемъ, то художникамъ бываетъ очень пріятна отвлеченная формулировка ихъ идей и чувствъ.

Я отвѣчалъ „Современнику“ въ майской книжкѣ „Времени“. Но „Современнику“ угрожала въ это время гораздо бѣдшая бѣда. Тогда уже шло дѣло Н. Г. Чернышевскаго, подвергшагося подозрѣнію, что онъ участвовалъ въ прокламаціяхъ. И, почти вслѣдъ за самою ярою изъ прокламацій, обѣщавшею *залить улицы кровью и не оставить камня на камнѣ*, начались петербургскіе пожары. Это была самая ужасная минута нашей *воздушной революціи*, броженія, возникшаго въ оторвавшихся отъ почвы умахъ и душахъ. По какой-то связи, по подозрѣнію или обвиненію, „Современникъ“ былъ признанъ вреднымъ изданіемъ и въ іюнѣ былъ закрытъ на восемь мѣсяцевъ.

Это закрытіе истинно огорчило насъ. У насъ былъ отнятъ противникъ, борьбѣ съ которымъ мы приписывали важное значеніе. Мы знали очень хорошо, что, не смотря на его молчаніе, и даже въ силу этого вынужденнаго молчанія, его направленіе продолжаетъ все усиливаться и развиваться; но у насъ не было уже подъ руками самаго авторитетнаго и яснаго представителя этихъ мнѣній. Такимъ образомъ, вмѣшательство власти разрушало наши внутренніе, такъ сказать, домашніе расчеты. Предварительная цензура, подъ которою тогда всѣ писали, конечно, была помѣхою для яснаго выраженія всякихъ взглядовъ и была больше всего благопріятна для ученій отрицательныхъ, для которыхъ достаточно намека, насмѣшливаго оборота рѣчи, фигуры умолчанія, чтобы читатель прочелъ между строками несложную и удобопонятную формулу отрицанія. Вся масса нигилистическихъ ученій со всѣми ихъ видами прошла въ нашу литературу подъ предварительною цензурою. Положительнымъ ученіемъ было труднѣе; но при небольшой литературной ловкости мы мало тяготились цензурою и работали довольно весело, принимая борьбу даже при неравныхъ условіяхъ. Закрытіе-же „Современника“ выбивало насъ совершенно изъ колеи.

Но кромѣ этого домашняго огорченія, общее теченіе дѣлъ было очень тяжелое и грустное. Пожары наводили ужасъ, который трудно описать. Помню, мы вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ Михайловичемъ отправились для развлеченія куда-то на загородное гулянье. Издали, съ парохода, видны были клубы дыма, въ трехъ или четырехъ мѣстахъ подымавшіеся надъ городомъ. Мы пріѣхали въ какой-то садъ, гдѣ играла музыка и пѣли цыгане. Но, какъ мы ни старались позабавиться, тяжелое настроеніе не проходило, и я скоро сталъ проситься домой. Въ поджогахъ трудно

сомнѣваться, но это дѣло, какъ и другія страшныя событія той эпохи, почему-то осталось совершенно покрытымъ мракомъ.

IX.

ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА ЗА ГРАНИЦУ.

Лѣтомъ этого года (1862), 7-го или 8-го іюня, Феодоръ Михайловичъ пустился въ свою первую поѣздку за-границу. Припомню, что могу, изъ этой поѣздки; самъ онъ описалъ ея впечатлѣнія въ статьѣ „Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“. Онъ поѣхалъ въ Парижъ, а потомъ въ Лондонъ, гдѣ видѣлся съ Герценомъ, какъ самъ о томъ упоминаетъ въ „Дневникъ“ „Гражданина“. Къ Герцену онъ тогда относился очень мягко и его „Зимнія замѣтки“ отзываются нѣсколько вліяніемъ этого писателя; но потомъ, въ послѣдніе годы, часто выражалъ на него негодованіе за неспособность понимать русскій народъ и неумѣніе цѣнить черты его быта. Гордость просвѣщеніемъ, безглаголивое пренебреженіе къ простымъ и добродушнымъ нравамъ—эти черты Герцена возмущали Феодора Михайловича, осуждавшаго ихъ даже и въ самомъ Грибоѣдовѣ, а не только въ нашихъ революціонерахъ и мелкихъ обличителяхъ.

Изъ-за границы я получилъ тогда отъ Феодора Михайловича письмо, которое привожу здѣсь вполнѣ, какъ носящее на себѣ слѣды всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствъ.

„Парижъ, 26 іюня (8 іюля) 1862 г.

„Вы въ первыхъ числахъ іюня трогаетесь за границу, дорогой Николай Николаевичъ. Съ Богомъ; ужъ одно то, что къ тому времени вы непременно попадете на прекрасную погоду, такъ какъ теперь она вездѣ, по всей Европѣ северная. Но какъ вспомню: на кого-жъ вы оставите Михаила Михайловича, такъ даже жутко станеть. Голубчикъ Николай Николаевичъ, пора теперь скверная, какъ вы пишете,—пора томительнаго и тоскливаго ожиданія. Но вѣдь журналъ дѣло великое; это такая дѣятельность, которою нельзя рисковать, потому что во что бы ни стало, журналы, какъ выраженіе всѣхъ отдѣльныхъ современныхъ мнѣній, должны остаться. А дѣятельность, т. е. что именно дѣлать, о чемъ говорить и что писать,—всегда найдется! Господи! Какъ подумаешь, сколько еще не сдѣлано и не сказано! И потому сижу здѣсь, а рвусь отсюда, изъ такъ называемаго прекраснаго далека, хоть не тѣломъ, такъ духомъ, къ вамъ

„въ Россію. Всякій, всякій долженъ дѣлать теперь и, главное, попасть на здравый смыслъ. Слишкомъ у насъ перепутались въ обществѣ понятія. Недоумѣніе наступило какое-то. Вы пишете, дорогой Николай Николаевичъ, что хотите съѣздить предварительно въ Москву. Чтوبъ не опутали васъ тамъ сенаторы журналистики! Чего добраго, Катковъ соблазнить васъ какойнибудь разливеванной по безбрежному отвлеченному полю доктриной... Нѣтъ, нѣтъ, я вѣдь шучу. Ахъ, голубчикъ, родной мой, какъ бы хотѣлось съ вами здѣсь увидѣться! И знаете что: мнѣ кажется, это совершенно возможная и должная вещь. Штука въ томъ, чтобъ не сбиться въ адресахъ. Главное дѣло въ томъ, чтобъ помнить числа. 15-го іюля (нашего стиля), но не раньше, я выѣзжаю изъ Парижа въ Кельнъ. День пробуду въ Дюссельдорфѣ, потомъ на пароходѣ вверхъ по Рейну до Майнца, а тамъ въ Oberland, т. е. можетъ быть въ Базель и проч. Значить 18 или 19-го числа нашего стиля я въ Базель, и 20, 21 или 22-го въ Женевѣ. Слѣдственно всякое письмо ваше, откуда-бы то ни было, если придетъ въ Парижъ не позже 15-го іюля, застанетъ меня тамъ, и я буду знать, гдѣ васъ найти. Даже такъ, на примѣръ: вы мнѣ напишете, положимъ, изъ Берлина или Дрездена, что такого-то числа будете тамъ-то (а это вы можете разсчитывать всегда, дней на десять впередъ), тамъ я и буду васъ искать. А если вы сдѣлаете еще такую вещь: купите себѣ guide Рейхарда, такъ что въ каждомъ городѣ будете знать, какія отели (и какія въ нихъ цѣны), то, на примѣръ, будучи въ Берлинѣ и пиша ко мнѣ, напишете: остановлюсь въ Женевѣ такого-то числа и въ такой-то гостинницѣ. Такъ что я и буду ужъ спрашивать о васъ въ этой гостинницѣ. Вы, можетъ быть, пріѣхавъ въ Женеву и не остановитесь въ этой гостинницѣ, найдете ее неудобной и остановитесь въ другой, но это вамъ нисколько не помѣшаетъ оставить въ прежней (условленной) гостинницѣ свой адресъ, для тѣхъ, кто объ васъ спроситъ (т. е. для меня), и дадите за это portier гостинницы какойнибудь франкъ на водку, и такимъ образомъ я васъ непременно найду. Какъ любопытно мнѣ тоже узнать вашъ маршрутъ. Ахъ, Николай Николаевичъ, Парижъ прескучнѣйшій городъ, и еслибъ не было въ немъ очень много дѣйствительно слишкомъ замѣчательныхъ вещей, то право, можно-бы умереть со скуки. Французы, ей Богу, такой народъ, отъ котораго тошнитъ. Вы говорили о самодовольно-наглыхъ и г..... лицахъ, свирѣпствующихъ на нашихъ Минералахъ *). Но клянусь вамъ,

*) Тутъ разумѣются „Минеральныя воды“, загородное гулянье, устроенное Излеромъ и долго бывшее единственнымъ и моднымъ. Н. С.

„что тутъ стоить нашего. Наши—просто плотоядные подлецы и болѣею частью сознательные, а здѣсь онъ вполне увѣренъ, что такъ и надо. Французъ тихъ, честенъ, вѣжливъ, но фальшивъ и деньги у него все. Идеала никакого. Не только убѣжденій, но даже размышленій не спрашивайте. Уровень общаго образованія низокъ до крайности (я не говорю про присяжныхъ ученыхъ. Но вѣдь тѣхъ не много, да и наконецъ развѣ ученость есть образованіе, въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли понимать это слово?). Вы, можетъ быть, посмѣетесь, что я такъ сужу, всего еще только десять дней пробывъ въ Парижѣ. Согласенъ, но 1) то, что я видѣлъ въ эти десять дней подтверждаетъ покажѣсть мою мысль, а во 2-хъ) есть нѣкоторые факты, которыхъ замѣтить и понять достаточно полчаса, но которые ясно обозначаютъ цѣлыя стороны общественнаго состоянія, а именно тѣмъ, что эти факты возможны, существуютъ. Заѣдете-ли вы въ Парижъ? Замѣтите: на три дня въ Парижъ ѣхать не стоитъ, а посвятить ему двѣ недѣли, если вы *только туристъ*, будетъ скучно. За дѣломъ сюда ѣхать можно. Много есть чего посмотреть, изучить. Мнѣ приходится еще нѣкоторое время пробыть въ Парижѣ и потому хочу не теряя времени обозрѣть и изучить его не лѣнясь, сколько возможно для простаго туриста, каковъ я есмь. Не знаю, напишу-ли что нибудь? Если очень захочется, почему не написать и о Парижѣ, но вотъ бѣда. Времени тоже нѣтъ. Для порядочнаго письма изъ за границы нужно все-таки дня три труда, а гдѣ здѣсь взять три дня? Но тамъ что будетъ.

„Еще, голубчикъ Николай Николаевичъ: вы не повѣрите, какъ здѣсь охватываетъ душу одиночество. Тоскливое, тяжелое ощущение. Положимъ, вы одинокій человѣкъ, и вамъ особенно жалѣть будетъ некого. Но опять таки: чувствуешь, что какъ-то отвязался отъ почвы и отсталъ отъ насущной, родной канители, отъ текущихъ собственныхъ семейныхъ вопросовъ. Правда, до сихъ поръ все мнѣ неблагопріятствовало за границей; скверная погода и то, что я все еще толкусь на сѣверѣ Европы и изъ чудесъ природы видѣлъ одинъ только Рейнъ съ его берегами (Николай Николаевичъ! Это дѣйствительно чудо). Что-то будетъ дальше, какъ спущусь съ Альповъ на равнины Италіи. Ахъ, кабы намъ вмѣстѣ! Увидимъ Неаполь, пройдемся по Риму, чего добраго приласкаемъ молодую венеціанку въ гондолѣ (А? Николай Николаевичъ?). Но... „ничего, ничего, молчанье“, какъ говорить, въ этомъ же самомъ случаѣ, „Понприция“.

„До свиданія, Николай Николаевичъ. О заграничныхъ впечатлѣніяхъ моихъ не сообщаю вамъ никакихъ подробностей. Всего не опишешь въ письмѣ, а по частямъ я не могу. Да и какія еще мои впечатлѣнія-то?

„Я еще всего девятнадцать дней за границей. Обнимаю васъ отъ всей души. Передайте мой поклонъ добрѣйшему, милому Тиблену (котораго, я не знаю за что, я какъ-то сталъ любить въ послѣднее время) и милой, безконечно уважаемой Евгеніи Карловнѣ. Какъ ея здоровье? *) Да кстати: если вы поѣдете въ Москву, то пожалуй письмо мое и не застанетъ васъ въ Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ адресую въ редакцію „Времени“.

„Прощайте. Впрочемъ, лучше до свиданія. Быть того не можетъ, чтобъ мы за границей не встрѣтились! Я никогда не простилъ-бы себѣ этого. Крѣпко жму вамъ руку. Поклонитесь отъ меня всѣмъ общимъ нашимъ знакомымъ. Какъ ведетъ себя вашъ неблаговоспитанный котъ? „Addio.

„Вашъ Достоевскій.“

На это письмо я обѣщалъ быть къ сроку въ Женевѣ. Я выѣхалъ въ половинѣ іюля, остановился дня на два, на три въ Берлинѣ, потомъ столько же въ Дрезденѣ и прямо проѣхалъ въ Женеву. Чтобы отыскать Оедора Михайловича, я употребилъ извѣстный способъ: пошелъ гулять по набережной и заходить въ самыя видныя кофейни. Кажется, въ первой-же изъ нихъ я нашелъ его. Мы очень обрадовались другъ другу, какъ люди давно скучавшіе среди чужой толпы, и принялись такъ громко разговаривать и хохотать, что встревожили другихъ посѣтителей, чинно и молчаливо сидѣвшихъ за своими столиками и газетами. Мы поспѣшили уйти на улицу и стали, разумѣется, неразлучны. Оедоръ Михайловичъ не былъ большимъ мастеромъ путешествовать; его не занимали особенно ни природа, ни историческіе памятники, ни произведенія искусства, за исключеніемъ развѣ самыхъ великихъ; все его вниманіе было устремлено на людей, и онъ схватывалъ только ихъ природу и характеры, да развѣ общее впечатлѣніе уличной жизни. Онъ горячо сталъ объяснять мнѣ, что презираетъ обыкновенную, казенную манеру осматривать по путеводителю разныя знаменитыя мѣста. И мы, дѣйствительно, ничего не осматривали, а только гуляли, гдѣ полюдиѣе, и разговаривали. У меня не было опредѣленной цѣли, и я тоже старался уловить только общую фizioномію этой ни разу еще мною не виданной жизни и природы. Женеву Оедоръ Михайловичъ находилъ вообще мрачною и скучною. По моему предложенію,

*) Евгеніи Карловна Тибленъ, жена Николая Львовича Тиблена, извѣстнаго издателя шестидесятихъ годовъ. Его изданія отличались хорошимъ выборомъ и имѣли большой ходъ; имъ изданы Маколей, Бокль, Спенсеръ, Куно-Фиперъ и т. д. Онъ былъ прежде военнымъ и былъ подъ Севастополемъ.

мы съѣздили въ Люцернъ; мнѣ очень хотѣлось видѣть *Озеро Четырехъ Кантоновъ*, и мы дѣлали увеселительную поѣздку на пароходѣ по этому озеру. Погода стояла прекрасная, и мы могли вполне налюбоваться этимъ несравненнымъ видомъ. Потомъ мнѣ хотѣлось быть непременно во Флоренціи, о которой такъ восторженно писалъ и рассказывалъ Ап. Григорьевъ. Мы пустились въ путь черезъ Монсенисъ и Туринъ въ Геную; тамъ сѣли на пароходъ, на которомъ приѣхали въ Ливорно, а оттуда по желѣзной дорогѣ во Флоренцію. Въ Туринѣ мы ночевали, и онъ своими прямыми и плоскими улицами показался Ѳеодору Михайловичу напоминающимъ Петербургъ. Во Флоренціи мы прожили съ недѣлю въ скромной гостинницѣ Pension Suisse (Via Tornabuoni). Жить здѣсь намъ было не дурно, потому что гостинница не только была удобна, но и отличалась патриархальными правами, не имѣла еще тѣхъ противныхъ притязаній на роскошь и тѣхъ приемовъ обирания и наглости, которые уже порядочно въ ней процвѣтали, когда въ 1875 году я опять остановился въ ней по старой и пріятной памяти. И тутъ мы не дѣлали ничего такого, что дѣлають туристы. Кромѣ прогулокъ по улицамъ, здѣсь мы занимались еще чтеніемъ. Тогда только что вышелъ романъ В. Гюго „*Les misérables*“, и Ѳеодоръ Михайловичъ покупалъ его томъ за томомъ. Прочитавши самъ, онъ передавалъ книгу мнѣ, и тома три или четыре было прочитано въ эту недѣлю. Однако мнѣ хотѣлось не упустить случая познакомиться съ великими произведеніями искусства, попробовать при спокойномъ и внимательномъ разсматриваніи угадать и раздѣлить восторгъ, созидавшій эту красоту, и я нѣсколько разъ навѣстилъ *galleria degli Uffizi*. Однажды мы пошли туда вмѣстѣ; но, такъ какъ мы не составили никакого опредѣленнаго плана и ни мало не готовились къ осмотру, то Ѳеодоръ Михайловичъ скоро сталъ скучать и мы ушли, кажется, не добравшись даже до Венеры Медицейской. Зато наши прогулки по городу были очень веселы, хотя Ѳеодоръ Михайловичъ и находилъ иногда, что Арно напоминаетъ Фонтанку, и хотя мы ни разу не навѣстили *Кашинъ*. Но всего пріятнѣе были вечерніе разговоры на сонъ грядущій за стаканомъ краснаго мѣтнаго вина. Упомянувъ о винѣ (которое на этотъ разъ было малымъ чѣмъ крѣпче пива), замѣчу вообще, что Ѳеодоръ Михайловичъ былъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно умѣренъ. Я не помню во всѣ двадцать лѣтъ случая, когда-бы въ немъ замѣтенъ былъ малѣйшій слѣдъ дѣйствія выпитаго вина. Скорѣе онъ обнаруживалъ маленькое пристрастіе къ сладкимъ; но ѣлъ вообще очень умѣренно.

За обѣдомъ въ нашемъ Pension Suisse произошла и та сцена, которая описана въ „Замѣткахъ“ на стр. 423 („Сочиненія“ т. III). Помню до

сикъ поръ крупнаго француза, первенствовавшаго въ разговорѣ и, дѣйствительно, довольно непріятнаго. Но рѣчамъ его придана въ разсказѣ слишкомъ большая рѣзкость; и еще опущена одна подробность: на Оедора Михайловича такъ подѣйствовали эти рѣчи, что онъ въ гнѣвѣ ушелъ изъ столовой, когда всѣ еще сидѣли за кофе.

Изъ „Запѣтокъ“ самого Достоевскаго читатели всего яснѣе увидятъ, на что было направлено его вниманіе за границу, какъ и вездѣ. Его интересовали люди, исключительно люди, съ ихъ душевнымъ складомъ, съ образомъ ихъ жизни, ихъ чувствъ и мыслей.

Во Флоренціи мы разстались; онъ хотѣлъ, если не ошибаюсь, ѣхать въ Римъ (что не состоялось), а мнѣ хотѣлось хоть недѣлю провести въ Парижѣ, гдѣ онъ уже побывалъ. Къ тѣмъ чертамъ бдительности французской полиціи, которыя приводитъ Оедоръ Михайловичъ, прибавлю еще черточку. На пароходѣ, на которомъ я ѣхалъ изъ Генуи въ Марсель, черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда, когда уже совсѣмъ стемнѣло, вдругъ отъ меня потребовали мой видъ, и только отъ меня одного. Помню, какъ это удивило нѣкоторыхъ пассажировъ и какъ кто-то предложилъ мнѣ объясненіе, что во Франціи боятся разныхъ пріѣзжихъ. Можетъ быть, полицію обмануло въ этомъ случаѣ какое нибудь сходство.

X.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ЖУРНАЛА. — Польское дѣло.

Въ сентябрѣ, когда мы вернулись въ Петербургъ, редакція наша оказалась въ полномъ сборѣ: еще въ серединѣ лѣта вернулся изъ Оренбурга Ап. Григорьевъ. Всѣ принялись работать какъ могли и какъ умѣли, и дѣло шло такъ хорошо, что можно было радоваться. Первымъ дѣломъ Оедора Михайловича было написать для сентябрьской книжки то длинное объявленіе объ изданіи „Времени“ въ 1863 году, которое читатели найдутъ въ „Приложеніяхъ“ къ этому тому. Оно очень хорошо написано, съ искренностью и воодушевленіемъ. Главное содержаніе, кромѣ настоящаго повторенія руководящей мысли журнала, состоитъ въ характеристикѣ противниковъ. По терминологіи Ап. Григорьева одни изъ нихъ называются *теоретиками* — это нигилисты; другіе *доктринерами* — это ортодоксальные либералы, напр., тогдашній „Русскій Вѣстникъ“. Почти все объявленіе посвящено именно теоретикамъ и обличителямъ. Есть, однако, и оговорка объ уваженіи, такъ же какъ и въ предъидущемъ объяв-

леніи на 1862 годъ. Объявленіе на 1863 годъ имѣло большой успѣхъ, то есть возбудило литературные толки, большею частію враждебные. Живописное выраженіе объ „кнутѣхъ рутиннаго либерализма“, было подхвачено мелкими журналами, появившимися, что рѣчь идетъ объ нихъ.

Слѣдующій годъ, 1863-й, былъ важною эпохою въ нашемъ общественномъ развитіи. Въ началѣ января вспыхнуло польское возстаніе и привело наше общество въ великое смущеніе, разрѣшившееся крутымъ поворотомъ нѣкоторыхъ мнѣній. При либеральномъ настроеніи не только общества, но и правительственныхъ лицъ, на польскій вопросъ сперва никакъ не умѣли установить правильнаго взгляда. Вопросъ распадался на двѣ части: во первыхъ, чтѣ дѣлать съ Поляками? во вторыхъ, чтѣ такое Западный край? Польша, лишенная самостоятельности, представлялась источникомъ неизбѣжныхъ потрясеній; не мало патріотовъ давно говорили, что, присоединивъ къ Россіи Польшу, мы *приняли ее внутрь*, какъ какое нибудь вредно-дѣйствующее лекарство. Поэтому и въ „Днѣ“ и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, начавшихъ съ этого года выходить подъ нынѣшнею редакціею, сначала было высказано замѣчаніе, что, можетъ быть, лучший способъ развязать узелъ — откинуть отъ себя Польшу, предоставивъ ее своей судьбѣ. Но открылись притязанія поляковъ на Западный край, и эти притязанія съ одной стороны показали невозможность какой-бы то ни было полюбовной развязки дѣла, а съ другой смутили многое множество образованныхъ людей, которые, по своему глубокому невѣжеству въ этомъ дѣлѣ, готовы были сдать на эти притязанія. Двѣ названныя московскія газеты скоро установили правильный взглядъ на дѣло, особенно „День“ былъ тогда чрезвычайно полезенъ своими толкованіями, и также свѣдѣніями съ самаго мѣста событій. Произошелъ рѣзкій переломъ въ обществѣ: патріотизмъ заговорилъ очень горячо; „Московскія Вѣдомости“ своими энергическими статьями поддержали рѣшенія правительства; безпочвенные либералы потеряли вѣсъ, и Герценъ, вздумавшій стоять за поляковъ, навсегда упалъ въ мнѣніи читателей.

Петербургская литература съ самаго начала возстанія почти сплошь молчала, или потому, что не знала чтѣ говорить, или даже потому, что со своихъ отвлеченныхъ точекъ зрѣнія готова была даже прямо сочувствовать притязаніямъ возставшихъ. Это молчаніе очень раздражало московскихъ патріотовъ и людей, настроенныхъ патріотически въ правительственныхъ сферахъ. Они чувствовали, что въ обществѣ существуетъ настроеніе, враждебное государственнымъ интересамъ той минуты, и справедливо пытали гнѣвъ противъ такого настроенія. Этотъ гнѣвъ долженъ былъ обрушиться на первое такое явленіе, которое достаточно ясно обнаруживало-бы тай-

ныя чувства, выражаемыя пока однимъ молчаніемъ. Онъ и обрушился, но, по недоразумѣнію, упалъ не на виновныхъ: неожиданная кара поразила журналъ „Время“.

Нужно прямо сознаться, что этотъ журналъ дурно исполнялъ обязанности, предлежавшія тогда всякому журналу, а особенно патріотическому. „Время“ 1863 было замѣчательно интересно въ литературномъ отношеніи; книжки были не только очень толсты, но и очень разнообразны и наполнены хорошими вещами. Но о польскомъ вопросѣ ничего не было написано. Первою статьею объ этомъ дѣлѣ была моя статья „Рокowej Вопросъ“ въ апрѣльской книжкѣ, и она-то была понята превратно и повела къ закрытію журнала.

Разумѣется, ни у братьевъ Достоевскихъ, ни у меня не было и тѣни полонофильства, или желанія сказать что нибудь непріятное правительству. Мысль статьи была та, что намъ слѣдуетъ бороться съ поляками не однимъ вещественнымъ, но и духовными орудіями, и что окончательное разрѣшеніе дѣла наступитъ лишь тогда, когда мы одержимъ надъ поляками духовную побѣду. Польскій вопросъ, больше чѣмъ всякій другой, требуетъ участія и всѣхъ нашихъ внутреннихъ силъ, напоминаетъ намъ наше различіе отъ Европы, требуетъ уясненія и развитія нашихъ самобытныхъ началъ. На дѣлѣ, въ жизни, мы безконечно превосходимъ поляковъ; нужно привести эту нашу мощь къ сознанію, нужно почерпнуть изъ нея ясныя формы умственного и культурнаго развитія.

Достоевскіе оба были сначала очень довольны моею статьею и хвалились ею. Въ сущности она была продолженіемъ того дѣла, которымъ мы вообще занимались, то есть возведеніемъ вопросовъ въ общую и отвлеченную формулу. Но жизнь со своими конкретными чувствами и фактами шла такъ горячо, что на этотъ разъ не потерпѣла отвлеченности. Эта несчастная статья въ этомъ отношеніи, конечно, была очень дурно написана. Послѣ запрещенія журнала, Ѳедоръ Михайловичъ слегка попрекнулъ меня за сухость и отвлеченность изложенія, и меня тогда слегка обидѣло такое замѣчаніе; но теперь охотно признаю его справедливость. Если самъ И. С. Аксаковъ былъ на минуту введенъ въ недоразумѣніе, то, конечно, я былъ виноватъ.

Мнѣ горько подумать о томъ огорченіи, которое я невольно причинилъ многимъ патріотическимъ людямъ. Но еще великимъ наказаніемъ мнѣ было то, что меня принимали часто за полонофила и по этой причинѣ обращались со мною съ особымъ уваженіемъ. Это мнѣ было больше всѣхъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ и холодностей, которыхъ столько я вынесъ, даже отъ иныхъ близкихъ знакомыхъ, за противоположныя свой-

ства, за то, что былъ въ ихъ глазахъ консерваторомъ и ретроградомъ. Это смутное состояніе умовъ, эта крутая и узкая постановка всѣхъ вопросовъ, эта поразительная скудость категорій для сужденія встрѣчается во всякомъ обществѣ и имѣетъ большую силу въ нашемъ. Конечно, это есть великое зло, мѣшающее развитію мысли и литературы. На цензуру тутъ нельзя особенно жаловаться; она едва-ли можетъ быть выше того общества, среди котораго существуетъ. Напротивъ, справедливѣе укорять тѣхъ, кто вообще не расширяетъ, а обостряетъ вопросы, не раскрываетъ дѣло, а старается его скомкать.

Чтобы пояснить непріятное впечатлѣніе, произведенное тономъ моей статьи, рѣшаюсь прибавить еще нѣсколько строкъ. Съ дѣтства я былъ воспитанъ въ чувствахъ безграничнаго патріотизма; я росъ вдали отъ столицъ, и Россія всегда являлась мнѣ страной, исполненною великихъ силъ, окруженною несравненною славою, первою страной въ мірѣ, такъ что я въ точномъ смыслѣ слова благодарилъ Бога за то, что родился русскимъ. Поэтому я долго потомъ не могъ даже вполне понимать явленій и мыслей, противорѣчившихъ этимъ чувствамъ; когда-же я, наконецъ, сталъ убѣждаться въ презрѣніи къ намъ Европы, въ томъ, что она видитъ въ насъ народъ полуварварскій, и что намъ не только трудно, а просто невозможно заставить ее думать иначе, то это открытіе было мнѣ невыразимо больно, и боль эта отзывается и до сегодня. Но я никогда и не думалъ отказываться отъ своего патріотизма и предпочесть родной землѣ и ея духу — духъ какой бы то ни было страны. Если мнѣ часто казалось, говоря словами Тютчева, что

Умомъ Россіи не понять,

Въ Россію можно только вѣрить,

то, съ другой стороны, я однако же начиналъ все яснѣе уразумѣвать, какъ и почему

Не пойметъ и не замѣтитъ!
Гордый взоръ иноплемennyй,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ ея смиренной.

Презрѣніе европейцевъ было только постояннымъ жаломъ, сильнѣе возбуждавшимъ и преданность родному духу и пониманіе этого духа. Эту-то преданность и это-то пониманіе мнѣ хотѣлось возбудить и у другихъ, и вотъ почему я разговаривалъ о высокоуміи поляковъ, указывая на то, что поставить себя выше ихъ притязаній мы можемъ только твердо вѣрою въ себя, сознаниемъ того духа, который въ себѣ носимъ.

Несчастіе наше пока только въ трудности и неясности этого сознанія,

но это несчастіе гнететъ только насъ, оторвавшихся отъ почвы. А за этимъ исключеніемъ Россія, конечно, есть самая могучая, самая здоровая, самая твердая и спокойная духомъ, а потому и самая счастливая страна въ мірѣ. Кто хочетъ спастись, пусть ищетъ этого духа и направитъ свой умъ на его уразумѣніе.

Польскій аристократизмъ и вообще, и особенно въ приложеніи къ захваченнымъ русскимъ областямъ, отвратителенъ для каждаго русскаго человѣка; да онъ-то больше всего и погубилъ Польшу. Между тѣмъ этотъ аристократизмъ и былъ развитъ и поддерживается давнимъ усвоеніемъ европейской образованности. Изъ этого слѣдуетъ, что зло можетъ заключаться даже въ столь хорошемъ дѣлѣ, какъ просвѣщеніе, что иногда лучше отстать въ культурѣ, но сохранить духовное здоровье и не попасть въ тотъ безвыходный разладъ стремленій и чувствъ, въ которомъ находятся поляки. Вотъ въ какомъ смыслѣ я назвалъ свою статью „Роковымъ вопросомъ“; я готовъ былъ прямо сказать, что полякамъ уже нѣтъ спасенія, что исторія осудила ихъ на гибель.

Повторяю, это было слишкомъ отвлеченно, было неясно написано, не подходило подъ ходячія понятія, и статья была превратно понята.

Когда разнеслись слухи, что журналу угрожаетъ опасность, мы не вдругъ могли этому повѣрить, — совѣсть у насъ была совершенно чиста. Когда слухи стали настойчивѣе, мы только задумывали писать объясненія и возраженія въ слѣдующей книжкѣ „Времени“. Но наконецъ оказалось, что нельзя терять ни одного дня, и тогда Федоръ Михайловичъ составилъ небольшую замѣтку объ этомъ дѣлѣ, чтобы тотчасъ-же напечатать ее въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Замѣтка была принята, набрана, но — цензоръ уже не рѣшился ее пропустить. Вотъ что стояло въ ней:

Отвѣтъ редакціи „Времени“ *) на нападеніе „Московскихъ Вѣдомостей“.

„Въ № 109 „Московскихъ Вѣдомостей“ есть противъ насъ статья

*) „Мы получили эту статью при слѣдующемъ письмѣ:

„Милостивый Государь

„Валентинъ Федоровичъ!

„Въ № 109 „Моск. Вѣд.“ помѣщена противъ насъ статья, требующая немедленнаго отвѣта. Въ ней насъ обвиняютъ въ томъ, что мы стоимъ за польскій интересъ въ ущербъ русскому. Надо быть крайне несвѣдущимъ въ русской журналистикѣ, чтобы взвести на насъ подобное обвиненіе. Скорѣе можно обвинить „Время“ въ ультра-русскомъ народномъ направленіи, и конечно ужъ въ поль-

„но по поводу нашей статьи „Роковой вопросъ“ („Время“ № 4), полная клевета и... намековъ. Подписано Петерсонъ.

Вотъ эта статья отъ слова до слова:

„Такая статья, какъ „Роковой вопросъ“, не должна была явиться безъ подписи автора. Только бандиты наносятъ удары съ маской на лицѣ. Quand on a son opinion, il faut en avoir le courage. Вся статья основана на ложныхъ показаніяхъ, а слѣдовательно и выводы должны быть ложны. Развѣ не ложь сравнивать цивилизацію высшаго класса Польши съ цивилизаціей русскаго народа вообще? Развѣ не ложь говорить, что поляки съ цѣлью распространить цивилизацію завладѣли Украиной и Москвой? Странно, что съ подобною благородною каждой относительно чужихъ народовъ, поляки съ своими собственными крестьянами обращались какъ съ скотами? Неужели поляки считали средствомъ цивилизаціи отдачу на откупъ жидамъ церквей Малороссіи? Никогда Польша вся не возставала; возставала только шляхта и ксендзы, а масса народа, т. е. крестьяне, никогда не сочувствовали панамъ, потому что рабъ своему угнетателю сочувствовать не можетъ. Вся исторія Польши доказываетъ, что этотъ цивилизованный народъ никогда не имѣлъ политическаго такта, а варварская Россія еще въ 1612 году доказала, что въ высшей степени обладаетъ этимъ тактомъ. На чьей же сторонѣ перевѣсъ государственнаго ума? Теперь бунтуетъ только частица Польши и вся Россія единодушно даетъ ей отпоръ. Не можетъ ли другой подумать, что въ подписи статьи словомъ: „Русскій“ таится коварный умыселъ? Разумѣется, поляки поторопятся перевести эту статью на всѣ языки Европы и скажутъ: „Вотъ видите ли, какъ сами русскіе думаютъ. Не правы ли мы?“ Поди потомъ разувѣрай Европу. Она и безъ того закидала насъ грязью и клеветой.

„Редакція журнала „Время“ имѣла полное право напечатать статью „Роковой вопросъ“, но, печатая статью безыменнаго автора, она сдѣлала бы очень хорошо, еслибъ оговорилась: согласна ли она или нѣтъ съ мнѣніемъ автора, имя котораго, еслибъ оно было извѣстно, произносилось бы съ презрѣніемъ каждымъ истинно-русскимъ“.

„Мы бы, разумѣется, не стали отвѣчать г. Петерсону, ни даже „Московскимъ Вѣдомостямъ“. Мы давно уже стараемся ничего не говорить ни о „Русскомъ Вѣстникѣ“, ни о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Но... обстоятельства. Надо предупредить дурныя послѣдствія.

„Итакъ г. Петерсонъ, вы изволите говорить во первыхъ, что статья наша основана на ложныхъ показаніяхъ. Что-же въ ней ложно? Вы не потрудились объяснить, въ чемъ состоятъ эти ложныя показанія. Вы только говорите: „Развѣ не ложь сравнивать цивилизацію высшаго класса Польши съ цивилизаціей русскаго народа вообще?“

„скомъ вопросѣ „Время“ не станетъ противорѣчить своей трехлѣтней дѣятельности.

„Такъ какъ статья „Моск. Вѣд.“ требуетъ немедленнаго отвѣта, а слѣдующій № „Времени“ выйдетъ еще черезъ нѣсколько дней, то Вы меня премного обяжете, помѣстивъ мой отвѣтъ въ Вашей газетѣ.

„Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ искреннемъ къ Вамъ уваженіи.

„М. Достоевскій“.

„Но что-же это означает и какая-жь тутъ можетъ быть ложь? Почему ложь?

„Для насъ, между прочимъ, тѣмъ-то и важенъ этотъ вопросъ, что „поляки со всей своей (безспорной) европейской цивилизаціей „носили „смерть въ самомъ своемъ корнѣ“. Въ статьѣ нашей это сказано ясно, „слишкомъ ясно, и указано, почему это такъ. Именно: потому, „что эта „цивилизация была не народною, не славянскою, что въ ней не было „никакой самобытности, и потому она не могла слитися въ крѣпкое цѣлое „съ народнымъ духомъ“ *). Вотъ тутъ невозможно не сопоставить, что „цивилизация въ Польшѣ была цивилизаціей общества высшего и лишена „была земскихъ элементовъ, удалилась отъ народнаго духа, какъ у насъ „сказано.

„И что-же мы проповѣдывали цѣлые три года въ нашемъ журналѣ? Именно то, что наша (теперешняя русская) заемная европейская цивилизация, въ тѣхъ точкахъ, въ которыхъ она не сходится съ широкимъ „русскимъ духомъ, не идетъ русскому народу. Что это значитъ втискать „взрослаго въ дѣтское платье. Что, наконецъ, у насъ есть свои элементы, „свои начала, народныя начала, которыя требуютъ самостоятельности и „саморазвитія. Что русская земля скажетъ свое новое слово, и это новое „слово, можетъ быть, будетъ новымъ словомъ общечеловѣческой цивилизации и выразить собою цивилизацію всего славянскаго міра. Мы такъ „вѣримъ, мы такъ говорили. Въ элементахъ нашей народной цивилизации мы всегда видѣли признаки земщины, тогда какъ въ европейской — „признаки аристократизма и исключительности. Мало того, мы при- „знаемъ, что мы, т. е. всѣ цивилизованные по европейски русскіе, отор- „вались отъ почвы, чужье русское потеряли, до того, что не вѣримъ въ „собственныя русскія силы, не вѣримъ въ свои особенности, падаемъ „нищъ, какъ рабы, передъ петровской голландіей, смѣемся надъ словомъ „„народныя начала“, считаемъ его ретроградствомъ, мистифицизмомъ.

„Таковы и вы, г. Петерсонъ. Мы въ нашей статьѣ посягнули на то, „на что бы вы и во снѣ не рѣшились, на то, что серьезно и искренно „уважалъ даже императоръ Александръ I, который именно во имя ува- „женія къ польской цивилизации далъ полякамъ высшее устройство, чѣмъ „русскимъ, считая русскихъ гораздо ниже образованными поляковъ.

„Ну такъ вотъ мы даже на это посягнули, на самую ихъ европей- „скую цивилизацію, на самую ихъ образованность, на самую ихъ гордость „и славу. Если для поляковъ и для васъ, г. Петерсонъ, она все еще гор-

*) Слова въ кавычкахъ—изъ „Роковаго вопроса“. Н. С.

„дось и слава, то мы-то ее, эту польскую цивилизацію, въ грошъ не ставимъ. Для того-то и вся статья наша написана. А вы и не догадались? Мы вамъ скажемъ, почему вы не догадались: потому именно, что вы сами благоговѣете передъ польской цивилизаціей, потому что вы ревнуете къ ней, завидуете ей. Вы обидѣлись. „И мы, дескать, тоже обр-зованные“... А почему вы обидѣлись? Да именно потому, что у васъ и въ воображеніи никогда не было другой мѣрки достоинства и развитія русскаго, кромѣ европейской цивилизаціи quand même. Вы ее только одну и признаете. Вы не признаете національнаго развитія, вы не признаете самостоятельности народныхъ началъ въ русскомъ племени и, во имя вашего англизированнаго патріотизма, обижаетесь, что поляки насъ образованнѣе, въ европейскомъ смыслѣ, другими словами, что русскіе упорно хотятъ остаться русскими и не обратились по приказу въ нѣмцевъ или французовъ. Да вѣдь это-то и хорошо; но вѣдь поляковъ-то и сгубила ихъ цивилизація. Не смотря на всю ихъ гордость этой цивилизаціей, до того сгубила, что имъ теперь уже нѣтъ воскресенія, хотя бы они и сдѣлались политически независимыми.

„Европейская цивилизація, которая есть плодъ Европы и въ сущности на своемъ мѣстѣ въ Европѣ,—въ Польшѣ (можетъ быть, именно потому, что поляки славяне) развила антинародный, антигражданственный, антихристіанскій духъ. Она развила у нихъ преимущественно католицизмъ, іезуитизмъ и аристократизмъ, да тѣмъ и порѣшила. Мало того: нигдѣ, можетъ быть, католицизмъ не получалъ такой степени прозелитизма, какъ въ Польшѣ. Что-же вы пишете: „Развѣ не ложь говорить, что поляки, съ цѣлью распространить цивилизацію, завладѣли Украиной и Москвой?“ А то какъ-же? Неужели вы этого не понимали до сихъ поръ? У нихъ вся цивилизація обратилась въ католицизмъ, а мало-ли они жгли, да кжи сдирали съ русскихъ за католицизмъ? Мало-ли они до-нимали насъ, плевали на насъ какъ на хлоповъ и за людей насъ не считали? Изъ-за чего это было, какъ вы думаете? Именно изъ католической пропаганды, изъ ярости уловлять прозелитовъ, изъ ярости ополячить и „окатоличить. Ясное дѣло, что народъ, который за людей не считаетъ людей другой вѣры, не уважаетъ ничего такъ высоко, какъ себя и свою вѣру, а слѣдовательно и способенъ употребить все, чтобъ обратить всѣхъ въ свою вѣру. Обращенные русскіе дворяне становились тотчасъ же панями, а прочіе были только хлопами. Само собою разумѣется, что поляки должны были считать это не только благороднымъ, но даже святѣйшимъ дѣломъ, гордиться имъ, теперь этимъ славятся, а вы и теперь считаете это благороднымъ и прекраснымъ поступкомъ, т. е. пропаганду

„да не съ точки зрѣнія поляковъ, а сами отъ себя считаете. Это ясно въ вашей статьѣ высказано, г. Петерсонъ.

„Мы въ нашей статьѣ „Роковой вопросъ“ стали на точку зрѣнія поляковъ и сказали, что они, страстно преданные и вѣрующіе въ свою (аристократическую и католическую) цивилизацію, должны надмѣваться ею, гордиться ею передъ нами, которыхъ они до сихъ поръ считаютъ за „хлоповъ и варваровъ, и даже тѣмъ болѣе гордиться, чѣмъ болѣе они „принижены передъ нами, считать наше первенство за вопіющую несправедливость судьбы и возставать противъ этой судьбы; чтожь, развѣ это именно не такъ съ ихъ точки зрѣнія? Вѣдь это фактъ, вѣдь факта не спрячешь въ карманъ. Да въ этомъ весь и вопросъ, можетъ быть, заключается, именно весь, весь! Гдѣ-жь имъ понять, допустить и увѣровать, что русская земля, можетъ быть, заключаетъ въ себѣ земскія начала, не низшія началъ западной цивилизаціи? Вѣдь этого и Европа не допускаетъ и насъ постоянно не любитъ, терпѣть даже насъ не можетъ. Мы никогда въ Европѣ не возбуждали симпатіи и она, если можно было, всегда съ охотою на насъ ополчалась. Она не могла не признать только одного: нашу силу, — и эта физическая, матеріальная сила (такъ по крайней мѣрѣ Европа должна была смотрѣть на насъ) всегда возбуждала въ ней негодованіе. Да вѣдь и не одна Европа. Развѣ вы сами не судите о русскихъ точно такъ же, какъ судить о насъ Европа? Мы еще два года назадъ укоряли „Русскій Вѣстникъ“, что онъ русской народности не признаетъ. Теперь московскій теймъ горячится и не замѣчаетъ, что вся эта горячка есть пародія на англійскій теймъ и что самый патріотизмъ его — англизированный патріотизмъ. Какъ хотите, а мы отличаемъ патріотизмъ и, главное, русизмъ „Московскихъ Вѣдомостей“ отъ высокаго и искренняго патріотизма Москвы. Мы никакъ не можемъ ихъ сливать вмѣстѣ. Тотъ патріотизмъ, который въ самостоятельность русскаго развитія не вѣритъ, можетъ быть искренній, но во всякомъ случаѣ смѣшной патріотизмъ. Между прочимъ у васъ вотъ какая логика:

„Поляки не должны славиться своей цивилизаціей, а слѣдственно они и не славятся своей цивилизаціей.

„Развѣ это логика?

„Я-то, положимъ, не нахожу ничего, чѣмъ поляки могутъ славиться — но въ томъ-то и трагедія, что поляки вѣрятъ въ эту ядовитую свою цивилизацію слѣпо. Какъ въ величайшую славу свою вѣрятъ. Вотъ это какъ вы порѣшите?

„Наша статья подписана „Русскій“. Вы изволите говорить:

„Не можетъ-ли другой подумать, что въ подниси статьи словомъ:

„Русскій“ таится коварный умыселъ“. И прибавляете: „Разумѣется, поляки поторопятся перевести и скажутъ: вотъ какъ сами русскіе“ и т. д.

„Отвѣчаемъ: Очень можетъ быть, что поляки поторопятся перевести, тѣмъ болѣе, что они всетаки поляки, а вы русскій, да ничего не поняли въ нашей статьѣ.“

„А что касается до подписи, то писалъ статью дѣйствительно русскій, а именно: Н. Н. Страховъ, нашъ сотрудникъ. Это объявляемъ съ позволенія г. Страхова, а вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляемъ уже собственно отъ себя, что русскій Страховъ стоитъ по крайней мѣрѣ русскаго Петерсона. Это уже наше личное мнѣніе.“

„Само собою, что редакція „Времени“ совершенно и вполнѣ согласна съ статью своего сотрудника. Это мы во всеуслышаніе объявляемъ.“

„Наконецъ, чтобъ заключить:

„Г. Петерсонъ говоритъ: Имя автора, еслибъ оно было извѣстно, произносилось бы съ презрѣніемъ каждымъ истинно русскимъ.“

„Отвѣчаемъ:

„Вашему имени, г. Петерсонъ, мы не придаемъ никакого значенія, да и статья ваша, собственно въ литературномъ смыслѣ, чрезвычайно пустая статья. Мы бы на нее ни за что не стали вамъ отвѣчать, какъ уже и заявили выше. Въ томъ-то и дѣло, что въ другомъ, т. е. не въ литературномъ смыслѣ, ваша статья нехорошая статья, именно тѣмъ, что поневолѣ требуетъ отвѣта. Она даже и не статья. Она просто — дурное дѣло, г. Петерсонъ. Очень дурное дѣло. Вотъ почему мы и посоветуемъ вамъ обратить вниманіе скорѣе на свое имя, г. Петерсонъ, и поберечь его. Право, не худо будетъ, г. Петерсонъ.“

„Редакція „Времени“.“

Цензура не пропустила этой статьи, потому что было уже извѣстно, что дѣло доведено до Государя, и что журналъ положено закрыть. Мы были признаны виноватыми, и намъ не позволялось оправдываться. Журналъ былъ закрытъ безъ всякихъ условій, навсегда. Понятно, что чѣмъ грубѣе была ошибка, тѣмъ неудобнѣе было, послѣ строгой мѣры, раскрыть, что мѣра была принята по недоразумѣнію.

Съ своей стороны, я дѣлалъ все, что можно, и что мнѣ совѣтовали. Я тотчасъ написалъ М. Н. Каткову и И. С. Аксакову, составилъ объяснительную записку для министра внутреннихъ дѣлъ и предполагалъ подать просьбу Государю. Ничего не удавалось, ничего не дѣйствовало. И М. Н. Катковъ, и И. С. Аксаковъ отозвались сейчасъ же и принялись дѣйствовать съ великимъ усердіемъ. Нужно было печатно объяснить не-

доразумѣніе. Но ни тому, ни другому цензура не пропускала ни строчки по этому дѣлу; приходилось обращаться къ министру и настаивать у него. Я написалъ большую статью для „Дня“ — она не была пропущена. О просьбѣ Государю я совѣтовался съ покойнымъ А. В. Никитенко и предполагалъ подать ее черезъ него. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, онъ далъ мнѣ рѣшительный совѣтъ отказаться отъ этого намѣренія.

Положеніе наше было не только въ высшей степени досадно, но отчасти и тяжело. Нѣсколько времени я предполагалъ, что меня вышлютъ куда нибудь изъ Петербурга. Всѣ работавшіе въ журналѣ потеряли мѣсто для своихъ работъ, а редакторъ имѣлъ передъ собою прекращеніе дѣла, на которое имъ возлагались большіе расчеты. Но, не смотря на все это, нельзя сказать, чтобы мы горевали. Никто не унывалъ, и всѣ готовы были смотрѣть на это происшествіе, только какъ на одинъ изъ крупныхъ случаевъ обыкновенныхъ литературныхъ превратностей. До сихъ поръ дѣло у насъ шло очень весело и успѣшно; поэтому мы рассчитывали, что и впередъ мы успѣемъ еще десять разъ поднять его и добиться еще лучшихъ результатовъ. Громъ, который поднялся въ литературныхъ кружкахъ и въ обществѣ, представлялъ и свою выгодную сторону — распространеніе нашей извѣстности въ публикѣ. Этимъ утѣшеніямъ и надеждамъ, однако же, далеко не суждено было сбыться въ такихъ размѣрахъ, какъ мы предполагали.

Рѣшительный поворотъ дѣлу дала наконецъ замѣтка, помѣщенная въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Редакція „Московскихъ Вѣдомостей“, чувствуя себя въ нѣкоторой мѣрѣ виноватою, усиленно хлопотала о томъ, чтобы помочь бѣдѣ, и послѣ вслѣдственныхъ настояній у министра П. А. Валуева, добилась наконецъ того, что ей, но только ей одной, дана была возможность объяснить возникшую путаницу. Это объясненіе явилось въ майской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“; но такъ какъ хлопоты долго тянулись, а редакція не хотѣла выпускать книжки безъ своего объясненія, то эта майская книжка была подписана цензоромъ лишь 28-го іюня, слѣдовательно явилась въ свѣтъ въ началѣ іюля. Замѣтка называлась „По поводу статьи *Роковой вопросъ*“ и отличалась обыкновеннымъ мастерствомъ. Въ ней я былъ осыпанъ упреками очень рѣзкими по формѣ, но мало обидными по содержанію; рѣшительно отвергались и опровергались всѣ положенія моей статьи, но вмѣстѣ столь же рѣшительно утверждалась и доказывалась ея невинность. Такимъ образомъ было сдѣлано полное удовлетвореніе всѣмъ, негодовавшимъ на статью и доведшимъ дѣло до запрещенія журнала, и въ то же время редакція „Времени“ и я были ограждены отъ всякихъ дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій. Только настояні-

ямъ „Русскаго Вѣстника“ и его замѣтъ слѣдуетъ, кажется, приписывать и то, что никого изъ насъ больше не трогали, и то, что черезъ восемь мѣяцевъ Михаилу Михайловичу Достоевскому дозволено было начать новый журналъ.

Однако же я съ этихъ поръ попалъ на замѣчаніе и состоялъ на немъ лѣтъ пятнадцать, такъ что два или три раза, когда издатели журналовъ предлагали мнѣ редакторство, цензура отказывалась утвердить меня въ званіи редактора.

Этотъ случай, какъ и многіе другіе, показываетъ, до какой степени трудно цензурное дѣло. Люди съ чистыми намѣреніями способны бываютъ, по этому самому, впадать въ наивности и неловкости, за что и подвергаются строгостямъ и запрещеніямъ; люди же не совсѣмъ чистые въ правительственномъ смыслѣ, обыкновенно очень ловки и неспособны къ наивностямъ, почему преспокойно процвѣтаютъ, въдобавокъ увѣряя и другихъ и самихъ себя, что они истинные мученики. Въ настоящемъ случаѣ мы, то есть редакція „Времени“, очень горевали особенно потому, что потеряна была возможность выразить наше патріотическое настроеніе. Если бы „Время“ не было запрещено, мы бы подняли горячую полемику съ московскими изданіями, стараясь перещеголять ихъ въ патріотизмъ, споря о томъ, кто лучше и глубже понимаетъ русскіе интересы. Когда же „Время“ замолчало, то потомъ изъ Петербурга не было слышно уже никакого отзыва по польскому дѣлу.

Кстати, приведу здѣсь небольшія выдержки изъ письма ко мнѣ И. С. Аксакова, важныя для характеристики „Времени“ и тогдашней литературы вообще.

Отъ 6-го іюля 1863 г. онъ писалъ:

„...Вы напрасно ссылаетесь на *направленіе* „Времени“. Хотя оно постоянно кричало о томъ, что у него есть направленіе, но никто на это направленіе не обращалъ вниманія. Оно имѣло значеніе какъ хорошій *беллетристическій журналъ*, болѣе чистый и честный, чѣмъ другіе, но претензіи его были всею смѣшны. Тамъ могли быть помѣщаемы и помѣщались и хорошія статьи....., —но все это не давало „Времени“ никакого цвѣта, никакой силы. Ему не доставало высшихъ нравственныхъ основъ, честности высшаго порядка. Оно имѣло безстыдство напечатать въ программѣ, что первое въ русской литературѣ провозгласило и открыло существованіе русской народности! Нѣтъ такого врага славянофиловъ, который бы не возмущился этимъ. Потомъ—это наивное объявленіе, что славянофильство—моментъ отжившій, а пути къ жизни, новое слово теперь у „Времени“! Славянофилы могутъ все умереть до

„одного, но направленіе, данное ими, не умереть,—и я разумѣю направ-
леніе во всей его строгости и неуступчивости, не прилаженное ко вкусу
„петербургской канканирующей публики. Вотъ это волокитство за публи-
кой, это желаніе служить и нашимъ и вашимъ, это трактованіе славя-
нофиловъ *свысока* во „Времени“ и съ презрѣніемъ въ первой программѣ
„Времени“, это уронило журналъ въ общемъ мнѣніи публики, а славяно-
филы, какъ вы знаете, *нигда*, ни единымъ словомъ даже не задѣли
„Времени“, потому что убѣжденія ихъ не вопросъ личнаго самолюбія.
Напр. „Время“ о повѣстяхъ Кохановской объявляетъ, какъ о явле-
ніяхъ прощенныхъ нашей критикой, забывая, что „Русская Бесѣда“
въ статьяхъ моего брата и Гилярова первая опредѣлила ея значеніе въ
„литературѣ“!?! Въ Петербургѣ, впрочемъ, не можетъ издаваться журналъ
съ народнымъ направленіемъ, ибо первое условіе для освобожденія въ
себѣ плѣннаго чувства народности—возненавидѣть Петербургъ всѣмъ
сердцемъ своимъ и всѣми помыслами своими. Да и вообще, нельзя крес-
титься въ христіанскую вѣру (а славянофильство есть ничто иное, какъ
„высшая христіанская проповѣдь“), не отдувшись, не отплевавшись, не
„отрекшись отъ сатаны“.

Чѣмъ горячѣе это письмо и чѣмъ живѣе негодуешь оно на „Время“, тѣмъ больше цѣны имѣютъ сказанныя здѣсь похвалы нашему журналу, что это былъ *хорошій беллетристическій журналъ, болѣе чистый и и честный, чѣмъ другіе*. Упреки-же—нѣкоторые вполнѣ основательны, а другіе преувеличены, впрочемъ не безъ вины самаго „Времени“, именно по неясности того духа, въ которомъ велся журналъ. Объ отношеніяхъ къ славянофильству я уже подробно говорилъ. Очень справедливъ упрекъ въ *волокитствѣ за публику*, но это волокитство имѣло вовсе не злост-
ный, а скорѣе самый чистый характеръ, и подъ нимъ вовсе не скрыва-
лось *желанія служить и нашимъ и вашимъ*. Что касается до *высшихъ нравственныхъ основъ, до христіанской проповѣди*, то эти основы, дѣйствительно, высказывались въ журналѣ всею мѣтѣ и выражались развѣ только однимъ отрицательнымъ образомъ, напр. въ томъ, что въ журналѣ не было ничего ни матеріалистическаго, ни антирелигіознаго. Кру-
гомъ парило такое ярое вольнодумство, что не одно „Время“ приберегало до болѣе удобнаго случая публичное выраженіе своихъ завѣтнѣйшихъ
убѣжденій. Мало того,—изъ нашихъ частныхъ разговоровъ мнѣ не при-
поминается почти ни одного случая, когда бы Федоръ Михайловичъ прямо
высказывалъ то религіозное настроеніе, которое, повидному, не угасало
въ немъ ни въ одинъ періодъ его жизни. Помню, впрочемъ, какъ, говоря
со мной о революціи, онъ съ особенной силой сослался на слова евангелія:

„поднявшіе мечъ, мечемъ и погибнуть“. Но неуваженіе къ религіи, или кощунственныя шутки надъ нею ни мало не были въ ходу во всемъ нашемъ кружкѣ, не смотря на то, что были обыкновеннѣйшимъ явленіемъ у тогдашнихъ просвѣщенныхъ людей и строго относиться къ нимъ было невозможно. Наконецъ, что касается приверженности къ Петербургу, о которой можно было заключить по петербургскому тону и всѣмъ литературнымъ приемамъ „Времени“, то и ея въ сущности не было. Братья Достоевскіе и Ап. Григорьевъ были москвичи по рожденію, я пріѣхалъ въ Петербургъ шестнадцати лѣтъ, да и изъ другихъ сотрудниковъ я не помню чистыхъ Петербуржцевъ, людей, часто дѣйствительно бывающихъ влюбленными въ свою родину и обыкновенно болѣющихъ проказою того особеннаго просвѣщенія, которое въ ней завелось и укоренилось. Провинціалы, постоянно пополняющіе собою петербургское населеніе, бываютъ свободнѣе отъ этой заразы и составляютъ иногда нѣкоторое ей противоядіе.

„Роковой Вопросъ“, по недоразумѣнію, правился не только тѣмъ русскимъ, которые стыдятся патріотизма и не понимаютъ его, но и полякамъ и всякимъ врагамъ Россіи. Въ *Revue de deux mondes*, 1 Août 1863, появилась статья Мазада, въ которой цѣликомъ и очень точно былъ переведенъ „Роковой Вопросъ“. Французскій журналъ находилъ въ немъ подтвержденіе своей мысли, той точки зрѣнія, съ которой онъ самъ смотрѣлъ на польское возстаніе; а онъ утверждалъ, что польское дѣло есть дѣло цивилизаціи и порядка, ибо русскіе распространяютъ-де всюду варварство и коммунизмъ. Статью мою Мазада приписалъ Достоевскому и, по этому случаю, говорилъ объ его ссылкѣ и его сочиненіяхъ. Тамъ было сказано, между прочимъ: *il a écrit des livres navrants sur sa patrie*; Федору Михайловичу доставило маленькое удовольствіе то, что онъ извѣстенъ за границу. Смѣясь, онъ замѣчалъ однако, что слово *navrants* напоминаетъ ему русское слово *навражь* *).

*) Вотъ отрывокъ изъ моего письма къ Федору Михайловичу за границу, отъ 18 сентября 1863 г.

„Вѣроятно вы читали (*Revue de deux mondes*, 1 Août) ссылку на мою статью, которая приписана вамъ. Статейка Мазада дурно написана, но въ ней есть „доля правды“. Я слышалъ отъ пріѣзжихъ изъ за границы, что моя статья служила для тамошнихъ русскихъ патріотовъ орудіемъ противъ увлеченія польскимъ дѣломъ, что на нее указывали, какъ на истинно-патріотическій взглядъ... „Это странное извѣстіе меня порадовало. Нашлись-же понимающіе люди!“

XI.

ВТОРАЯ ПОѢЗДКА ЗА ГРАНИЦУ.

Лѣтомъ 1863 года, вѣроятно къ концу лѣта, Оедоръ Михайловичъ уѣхалъ за границу. Предыдущая поѣздка была такъ полезна для его здоровья, что онъ, съ тѣхъ поръ, постоянно стремился за границу, когда чувствовалъ нужду поправиться и освѣжиться. Какая тутъ была причина, — перемѣна-ли воздуха, или перемѣна его изнурительнаго образа жизни, но только эти поѣздки были для него спасеніемъ; польза ихъ доказывалась мѣриломъ, въ которомъ не могло быть никакого сомнѣнія, — быстрымъ уменьшеніемъ числа припадковъ.

Судя по всему, что могу припомнить, и по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, Оедоръ Михайловичъ взялъ съ собою достаточно денегъ для поѣздки. но за границую попробовалъ поиграть въ рулетку и проигрался. Онъ познакомился съ рулеткой еще въ первую поѣздку, прежде чѣмъ доѣхалъ до Парижа, и тогда выигралъ тысячъ одиннадцать франковъ, что, разумѣется, было очень кстати для путешественника. Но эта первая удача уже больше не повторялась, а развѣ только вводила его въ соблазнъ. Въ рулеткѣ онъ не видѣлъ для себя ничего дурнаго, такъ какъ романисту было не лишнее испытать эту забаву и познакомиться съ нравами тѣхъ мѣстъ и людей, гдѣ она происходитъ. Дѣйствительно, благодаря этому знакомству, мы имѣемъ повѣсть „Игрокъ“, гдѣ дѣло изображено съ совершенною живостью.

Какъ-бы то ни было, въ концѣ сентября я получилъ отъ него слѣдующее письмо, которое привожу вполнѣ, такъ какъ оно рпсуетъ почти всѣ тогдашнія обстоятельства и характеризуетъ его собственные пріемы и обычаи *).

„Римъ, 18 (30) сентября.

„Любезнѣйшій и дорогой Никѡлай Николаевичъ, братъ въ послѣд-
„немъ письмѣ своемъ, которое я получилъ дней 9 тому назадъ въ Ту-
„ринѣ, писалъ мнѣ, что вы будто-бы хотите мнѣ написать письмо. Но
„вотъ уже я два дня въ Римѣ, а письма отъ васъ нѣтъ. Буду ожидать

*) Письма свои Оедоръ Михайловичъ почти безъ исключенія писалъ очень разборчиво, отчетливо, не пропуская ни одной буквы, ни единаго знака препинанія. А адресъ всегда отличался особенною красотою почерка, полнотою и точностью.

„съ нетерпѣніемъ *). Теперь-же я самъ пишу къ вамъ, но не для изліянія „какихъ нибудь вояжёрскихъ ощущеній, не для сообщенія кой-какихъ „идей, во весь этотъ промежутокъ, пришедшихъ въ голову. Все это будетъ, когда я самъ прїѣду и когда мы, нѣтъ-нѣтъ да и поговоримъ, какъ „между нами часто бывало. Нѣтъ; теперь я обращаюсь къ вамъ съ огромной просьбой и впередъ предупреждаю, что имѣю нужду во всемъ расположеніи вашемъ ко мнѣ и во всѣхъ тѣхъ дружескихъ чувствахъ (вы мнѣ позвольте такъ выразиться), которыя, какъ мнѣ показалось, вы ко мнѣ не разъ высказывали.

„Дѣло въ томъ, что, исполнивъ просьбу мою, вы, буквально, спасете „меня отъ многого до невѣроятности непріятнаго.

„Вотъ дѣло въ чемъ:

„Изъ Рима я поѣду въ Неаполь. Изъ Неаполя (дней черезъ 12 отъ „сего числа) я возвращусь въ Туринъ, т. е. буду въ немъ дней черезъ „пятнадцать. Въ Туринѣ у меня изсякнутъ всѣ мои деньги, и я прїѣду „въ него буквально безъ гроша.

„Я не думаю, чтобъ въ настоящую минуту было разрѣшено „Время“. „Да и во всякомъ случаѣ имѣю основаніе думать, что братъ ничѣмъ не „въ состояніи мнѣ теперь помочь.

„Безъ денегъ-же нельзя, и, прїѣхавъ въ Туринъ, надо-бы, чтобы я „нашелъ въ немъ непремѣнно деньги на почтѣ. Иначе, повторяю, я пропалъ. Кромѣ того, что воротиться будетъ не на что, у меня есть и другія обстоятельства, т. е. другія здѣсь траты, безъ которыхъ мнѣ совершенно невозможно обойтись.

„И потому прошу васъ Христомъ и Богомъ, сдѣлайте для меня то, „что вы уже разъ для меня дѣлали, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ.

„Вы тогда ходили къ Боборыкину („Библіотека для Чтенія“). Боборыкинъ, по запрещеніи „Времени“, самъ письменно звалъ меня въ со- „трудники. Слѣдственно обращаться къ нему можно. Но въ іюлѣ вы обращались къ нему съ просьбой о 1,500 рублѣхъ, и онъ вамъ не далъ, „потому что іюль для издателей время тяжелое. Впрочемъ, помнится, онъ „вамъ что-то говорилъ объ осени. Теперь-же конецъ сентября. Время „подписное и деньги должны быть. И не 1.500 рублей я прошу, а всего „только 300 (триста руб.)

„НВ. Пусть знаетъ Боборыкинъ, также какъ это знаютъ „Современники“ и „Отечественныя Записки“, что я еще (кромѣ „Вѣднѣхъ Людей“) „во всю жизнь мою ни разу не продавалъ сочиненій, не бравъ впередъ

*) Относится къ письму, изъ котораго я привелъ выше выдержку. Н. С.

„деньги. Я литераторъ пролетарій и если кто захочетъ моей работы, то
 „долженъ меня впередъ обезпечить. Порядокъ этотъ я самъ проклиная.
 „Но такъ завелось и, кажется, никогда не выведется. Но продолжаю:

„*Теперь* готового у меня нѣтъ ничего. Но составилъ довольно сча-
 „стливый (какъ самъ сушу) планъ одного разсказа. Большею частію онъ
 „записанъ на клочкахъ. Я было даже началъ писать, — но невозможно
 „здѣсь. Жарко и, во 2-хъ, пріѣхалъ въ такое мѣсто, какъ Римъ, *на недѣлю*;
 „развѣ въ эту недѣлю, *при Римѣ*, можно писать? Да и устаю я очень отъ
 „ходьбы. Сюжетъ разсказа слѣдующій: — одинъ типъ заграничнаго рус-
 „скаго. Замѣтите: о заграничныхъ русскихъ былъ большой вопросъ лѣтомъ
 „въ журналахъ. Все это отразится въ моемъ разсказѣ. Да и вообще отра-
 „зится современная минута (по возможности, разумѣется) нашей внутрен-
 „ней жизни. Я беру натуру непосредственную, человѣка однако же много-
 „развитаго, во всемъ недоконченнаго, извѣрившагося и *не смѣющаго не*
 „*открыть*, возстающаго на авторитеты и боящагося ихъ. Онъ успокаиваетъ
 „себя тѣмъ, что ему нечего дѣлать въ Россіи, и потому — жестокая кри-
 „тика на людей, зовущихъ изъ Россіи нашихъ заграничныхъ русскихъ.
 „Но всего не разскажешь. Это лицо живое — (весь какъ будто стоитъ
 „передо мною) — и его надо прочесть, когда онъ напишется. Главная же
 „штука въ томъ, что всѣ его жизненные сови, силы, буйство, смѣлость —
 „пошли на *рулетку*. Онъ — игрокъ, и не простой игрокъ — также, какъ
 „скупой рыцарь Пушкина не простой скупецъ. (Это вовсе не сравненіе
 „меня съ Пушкинымъ. Говорю лишь для ясности)*. Онъ поэтъ въ своемъ
 „родѣ, но дѣло въ томъ, что онъ самъ стыдится этой поэзіи, ибо глубоко
 „чувствуетъ ея низость, хотя потребность *риска* и облагораживаетъ его
 „въ глазахъ самого себя. Весь разсказъ — разсказъ о томъ, какъ онъ тре-
 „тій годъ играетъ по игорнымъ домамъ на рулеткѣ.

„Если „Мертвый Домъ“ обратилъ на себя вниманіе публики, какъ
 „изображеніе каторжныхъ, которыхъ никто не изображалъ *наглядно* до
 „„Мертваго Дома“, то этотъ разсказъ обратитъ непремѣнно на себя вни-
 „маніе какъ *наглядное* и подробнѣйшее изображеніе рулеточной игры.
 „Кромѣ того, что подобныя статьи читаются у насъ съ чрезвычайнымъ
 „любопытствомъ, игра на водахъ, собственно относительно заграничныхъ
 „русскихъ, имѣетъ нѣкоторое (можетъ быть, немаловажное) значеніе.

„Наконецъ, я имѣю надежду думать, что изображу всѣ эти чрезвы-
 „чайно любопытные предметы съ чувствомъ, съ толкомъ и безъ большихъ
 „разстановокъ.

*) Слова въ скобкахъ приписаны послѣ, между строками.

„Объемъ разсказа будетъ minimum 1 1/2 печатныхъ листа, но, кажется, навѣрно два, и очень можетъ быть, что больше.

„Срокъ доставки въ журналъ 10-го ноября, это крайній срокъ, но *можетъ быть и раньше*. Во всякомъ случаѣ никакъ не позже десятаго, такъ что журналъ можетъ напечатать его въ ноябрьской книжкѣ. Въ этомъ даю *честное слово*, а я имѣю увѣренность, что въ честномъ моемъ словѣ еще никто не имѣетъ основанія сомнѣваться.

„Плата 200 руб. съ листа. (Въ крайнемъ случаѣ 150). Но никакъ не хотѣлось бы сбавлять цѣну. И потому лучше настаивать на двухъ стахъ. Вещь можетъ быть весьма недурная. Вѣдь былъ же любопытенъ „Мертвый Домъ“.

„А это—описаніе своего рода ада, своего рода каторжной „бани“. Хочу и постараюсь сдѣлать картину.

„Теперь вотъ чтѣ:

„Простите, многоуважаемый и дорогой Николай Николаевичъ, что прямо и безцеремонно васъ беспокою. Я понимаю, что это—беспокойство. Но чтѣжь мнѣ дѣлать? Если я, пріѣхавъ дней черезъ 15 или 17 (maximum) въ Туринъ, не найду въ немъ денегъ, то я буквально пропалъ. Вы не знаете всѣхъ моихъ обстоятельствъ, а мнѣ слишкомъ долго ихъ теперь описывать. Къ тому же вы были ужъ разъ слишкомъ добры ко мнѣ; а потому کنید меня еще разъ:

„Вотъ чтѣ надо:

„По полученіи этого письма прошу васъ (какъ послѣднюю надежду), сходите немедленно къ Боборыкину. Скажите, что я васъ уполномочилъ. Покажите часть моего письма, если надо; сдѣлайте предложеніе. (Разумѣется, такъ, чтобы мнѣ было не очень унижительно, хотя за границею очень можно зануждаться. Да къ тому же вы не можете повести дѣло безъ достоинства). Получите деньги и тотчасъ же вышлите ихъ мнѣ, т. е. выдайте брату. Онъ ужъ знаетъ, какъ послать.

„Если нельзя кончить дѣло съ Боборыкинымъ, то хоть въ газеты, хоть въ „Якорь“ (покалуйте за меня Ап. Григорьева*), хоть во всякій другой журналъ. (Разумѣется, не въ „Русскій Вѣстникъ“, и по возможности избѣгая „Отечественныхъ Записокъ“. Ради Бога избѣгите. Даже лучше и не надо денегъ. Даже можно въ „Современникъ“, хотя можетъ быть тамъ Салтыковъ и Елисеѣвъ не пустятъ. (А почему знать, я, можетъ быть, грѣшу). Статья „Современника“ навѣрно не изуродуетъ.

*) „Якорь“ была еженедѣльная газета, съ приложеніемъ каррикатурнаго листка „Оса“. Издателемъ былъ Стелловскій, редакторомъ Ап. Григорьевъ. „Якорь“ сталъ выходить въ 1863 г. и существовалъ года полтора.

„Во всякомъ случаѣ можно обратиться прямо къ Некрасову. Это *sine qua non*. И съ нимъ рѣшить дѣло. Это бы даже очень не дурно. Даже лучше „Библіотеки“. Некрасовъ, можетъ быть, не очень на меня сердитъ. Да „и человѣкъ онъ, по преимуществу, *дѣловой*. Разумѣется, голубчикъ Николай Николаевичъ, все дѣло надо-бы было окончить дня въ два, много въ три. Я пропалъ, пропалъ буквально, если не найду въ Туринѣ денегъ. Въ Неаполь мнѣ не пишите, а пишите прямо въ Туринъ, и умоляю васъ написать *во всякомъ случаѣ*.—Мнѣ собственно надо 200, но никакъ не меньше, сто же рублей остальныхъ брать отошлетъ Марья Дмитріевнѣ. Итакъ, достать надо триста. Теперь все написалъ. Вѣрю в мѣ себя „и почти судьбу мою. Такъ это для меня важно. Можетъ быть, я вамъ потомъ расскажу. Но теперь умоляю васъ, затѣмъ обнимаю отъ всего сердца и остаюсь вашъ Д.

(Приписка на 1-й страницѣ). „Странно: пишу изъ *Рима* и ни слова о Римѣ! Но чтѣ-бы я могъ написать вамъ? Боже мой! Да развѣ это можно описывать въ письмахъ? Приѣхалъ третьяго дня ночью. Вчера утромъ осматривалъ св. Петра. Впечатлѣніе сильное, Николай Николаевичъ, съ холодомъ по спицѣ. Сегодня осматривалъ *Forum* и всѣ его развалины. Затѣмъ *Коллизей*! Ну, чтѣжь я вамъ скажу?..

(Приписка на 2-й страницѣ). „Поклонитесь отъ меня всѣмъ: Григорьеву и всѣмъ. Брату вашему особенно. Да еще прошу васъ очень, непременно передайте мой привѣтъ и поклонъ отъ всей души Юліи Петровнѣ. Сдѣлайте это при первомъ же свиданіи.

„Славянофилы, разумѣется, сказали *новое слово*, даже такое, которое можетъ быть, и избранными-то не совсѣмъ еще разжевано. Но какая-то удивительная *аристократическая сытость* при рѣшеніи общественныхъ вопросовъ.

(Приписка на 3-й страницѣ). „Не поможетъ-ли вамъ въ чемъ нибудь Тибленъ, разумѣется въ самомъ крайнемъ случаѣ. Ему и *Евгению Карловичу* мой поклонъ. Передайте ей при первомъ свиданіи.

Въ этомъ письмѣ отражаются и обыкновенныя затрудненія, среди которыхъ жилъ Федоръ Михайловичъ, и его манера кабалить себя для добыванія средствъ, и приемы его просьбъ, излагаемыхъ съ волненіемъ и настойчивостію, съ повтореніями, подробными поясненіями и вариациями. Изъ письма видно также, что наша редакція была въ дурномъ положеніи. Дѣло въ томъ, что Михаилъ Михайловичъ, какъ и многое множество нашихъ дворянъ, имѣлъ очень мало свойствъ *дѣловаго*

человѣка. Жизнь онъ велъ скромную и былъ гораздо осмотрительнѣе Оедора Михайловича; но онъ имѣлъ большое семейство и фабрика его давно уже шла въ убытокъ, давая ему только опору для поддержанія кредита и постепеннаго нарощенія долговъ. Когда журналъ пошелъ съ чрезвычайнымъ успѣхомъ, онъ постарался развязаться съ невыгоднымъ дѣломъ, уплатилъ долги и продалъ фабрику. Въ началѣ 1863 года я помню, какъ онъ похвалился этимъ, показывая кипу разорванныхъ векселей. Расчетъ его былъ очень хорошій, но, когда неожиданно стряслось запрещеніе журнала, онъ оказался вдругъ и безъ денегъ, и безъ всякаго торговаго дѣла. Ударъ для него былъ страшный; между тѣмъ, мы, сотрудники, не зная его дѣлъ и занятые нашими литературными мечтаніями, не догадывались объ его бѣдѣ и даже сердились на него, рассчитывая, что деньги четырехъ тысячъ подписчиковъ не могли же всѣ уйти на первые четыре книжки журнала, и что слѣдовательно онъ напрасно охаетъ и жалуется.

Получивъ приведенное письмо, я сейчасъ же отправился къ П. Д. Боборыкину, и онъ объявилъ мнѣ, что дѣло самое подходящее и что онъ можетъ дать денегъ. Онъ былъ въ это время редакторомъ „Библіотеки для Чтенія“ и съ великимъ усердіемъ старался *поднять* этотъ журналъ. Къ 1863 году, знаменитая „Библіотека“ такъ упала, что у нея оказалось только нѣсколько сотенъ подписчиковъ. Если не ошибаюсь, съ третьей книжки редакторство принялъ на себя Петръ Дмитріевичъ. Поднимать падающее и начинать дѣло совершенно не во время было въ высшей степени не расчетливо; и дѣйствительно, много денегъ и трудовъ были погублены въ этомъ дѣлѣ. Но работа шла тогда горячо, и редакторъ постарался не упустить такого сотрудника, какъ Оедоръ Михайловичъ.

На другой день зашелъ ко мнѣ Михайло Михайловичъ и вывѣдалъ у меня и данное порученіе, и мои переговоры. Онъ просилъ меня пріостановиться, говоря, что, можетъ быть, успеетъ самъ найти деньги. Разумѣется, ему жаль было и брата, и повѣсти, которая безъ этого пошла-бы въ его собственный, ожидаемый имъ журналъ. Я имѣлъ жестокость отвѣчать, что не могу ждать, и вечеромъ-же сказалъ П. Д. Боборыкину, чтобы онъ не медлилъ. На третій день дѣло было кончено; Михайло Михайловичъ отказался отъ соперничества и послалъ брату чужія деньги.

Этой запроданной повѣсти однако не суждено было явиться въ „Библіотекъ для Чтенія“. Редакторъ долго ея ждалъ, наконецъ, когда началась „Эпоха“, сталъ требовать денегъ назадъ и не скоро ихъ получилъ. Такой ходъ дѣла былъ очень непріятенъ, и, по невѣдѣнію, я винилъ тутъ все бѣднаго Михайла Михайловича. Что касается до Оедора Михайловича,

то исполнить обѣщаніе ему помѣшали самыя уважительныя причины. Его жена, Марья Дмитріевна, умирала, и онъ долженъ былъ находиться при ней, т. е. въ Москвѣ, куда доктора посовѣтовали перевезти ее. Вопросъ былъ уже не объ излеченіи, а только объ облеченіи болѣзни; чахотка достигла послѣдней степени.

XII.

РАЗРѢШЕНІЕ НОВАГО ЖУРНАЛА.

Не могу сказать, когда именно Федоръ Михайловичъ вернулся изъ за границы и переѣхалъ въ Москву къ Марьѣ Дмитріевнѣ. Но сохранилось его письмо къ Михаилу Михайловичу, изъ первыхъ дней этого времени. Вотъ оно:

„19 ноября 1863 г., Москва.

„Я очень хорошо знаю, любезный братъ, что у тебя хлопотъ и заботъ „теперь по горло, да чтожь мнѣ-то дѣлать: столько навалилось заботъ „и на меня, что и конца не вижу. Ты пишешь, что послѣ 20-го пріѣдешь „въ Москву. Когда-же? *Послѣ 25-го, разумѣется.* Если раньше, то мы „можемъ разѣѣхаться, потому, что всетаки я надѣюсь 25-го быть въ Петербургѣ. А намъ о многомъ и какъ можно скорѣе надо другъ съ другомъ переговорить. Главное, чтобъ не обманывали обѣщаніями и *днѣ- „ствительно* позволили-бы поскорѣе „Правду“. Я признаюсь тебѣ, что „не очень въ отчаяніи, что совершенно нельзя воскресить „Время“. „Правда“ можетъ произвести такой-же эффектъ, если не больше, разумѣется, при благопріятныхъ обстоятельствахъ,—это главное. Что-же „касается до названія „Правда“, то, по моему, оно превосходно, удивительно и можно чести приписать выдуму названія. Это прямо въ точку. „И мысль *наиболѣе подходящую* заключаетъ, и къ обстоятельствамъ „идетъ, а главное — въ немъ есть нѣкоторая *наивность, въра*, которая „именно какъ разъ къ духу и къ направленію нашему, потому, что нашъ „журналъ („Время“) былъ во все время до крайности наивенъ и, чортъ „знаетъ, можетъ быть и взялъ наивностью и вѣрой. Однимъ словомъ, названіе превосходное. Обертку можно ту же, какъ и у „Времени“, чтобы „напомнить собою „Время“; раздѣлъ въ журналѣ одинъ какъ въ *Revue „des deux Mondes*, а въ объявленіи о журналѣ, на 1-й строчкѣ, въ началѣ фразы напечатать что-нибудь въ родѣ: „Время требуетъ правды... „вызываетъ на свѣтѣ правду...“ и т. д.; такъ, чтобы ясно было, что это „намекъ, что „Время“ и „Правда“ одно и то же. — За одно боюсь, за

„объявленіе. Другъ мой, тутъ нужно не искусство даже, не умъ, а просто вдохновеніе. Самое первое—избѣжать рутинны, такъ свойственной въ этихъ случаяхъ всѣмъ разумнымъ и талантливымъ людямъ. Напишутъ умно, кажется ни къ чему нельзя подкопаться, а выходитъ вяло, плачевно, а главное похоже на всѣ другія объявленія. *Оригинальность* и приличная, т. е. натуральная эксцентричность—теперь для насъ первое дѣло. Пишешь, что уже сѣлъ писать объявленіе. Знаешь, какая моя идея? Написать лаконически, отрывочно, гордо, даже не усиливаясь дѣлать ни единого намека,—однимъ словомъ выказать полнѣйшую самоувѣренность. Само объявленіе (о духѣ журнала и проч.) должно состоять изъ 4—5 строкъ. А тамъ расчетъ съ подписчиками, то же крайне лаконическій. Надобно поразить благородной самоувѣренностію *). *—у *—у не поправилось названіе „Правда“. Но вѣдь это страшный рутинѣръ, и даже добрый знакъ, что не понравилось. Эти господа сначала завопятъ: не такъ, не хорошо, а потомъ вдругъ, смотришь, всѣ разомъ и начинаютъ пощелкивать языкомъ: хорошо, дескать, прекрасно. Это жрецы минутнаго. Что Страхову и Разину понравилось—это я понимаю. Люди съ толкомъ и главное—съ нѣкоторымъ чутьемъ. Но остальные должны забраковать“.

„.....“ Мы здѣсь нанимаемъ квартиру, и какъ только переѣду, какъ только устроимся,—тотчасъ-же я и въ Петербургъ.хлопоты не даютъ мнѣ ровно ни капли времени писать. Припадковъ было у меня здѣсь уже два, изъ которыхъ одинъ (послѣдній) сильный. Другая фирма журнала („Правда“) не будетъ имѣть никакого вліянія на *передовую статью*. Разборъ Чернышевскаго романа и Писемскаго произвелъ-бы большой эффектъ и, главное, подходилъ-бы къ дѣлу. Двѣ противоположныя идеи, и обѣимъ по носу. Значить правда. Я думаю, что всѣ эти три статьи (если только хоть 2 недѣли будетъ работы спокойной) я напишу. Здѣсь я никого не видалъ, кромѣ Писемскаго, котораго случайно вчера встрѣтилъ на улицѣ и который обратился ко мнѣ съ большимъ радушіемъ. Вчера-же вечеромъ шла его „Горькая Судбина“ въ 1-й разъ. Я не былъ, объ участіи драмы—не знаю. Онъ говорилъ, что англійскій клубъ и вся помѣщичья партія собираетъ кабалу. Прихвастнулъ, должно быть. Прощай, обнимаю тебя. Во всякомъ случаѣ, скоро увидимся. Кланяйся всѣмъ, кому слѣдуетъ. О раздѣлѣ наслѣдства здѣсь ничего не знаютъ, кромѣ того, что въ концѣ ноября“.

О хлопотахъ по журналу, которыя упоминаются въ этомъ письмѣ,

*) Въ такомъ духѣ, какъ увидимъ дальше, и было написано объявленіе. Н. С.

память сохранила мнѣ мало подробностей. Помню только, что цензурное вѣдомство оказалось необыкновенно тугимъ. Случай съ „Роговымъ Вопросомъ“, очевидно, сбилъ цензуру съ толку. Такъ какъ промахъ оказался тамъ, гдѣ она вовсе не ожидала (статья была процензурована, какъ все, что тогда печаталось, и не встрѣтила ни малѣйшаго затрудненія), то цензура уже не знала, что ей останавливать и что запрещать, и удесятирила свою строгость. Названіе „Правда“ показалось прямымъ намекомъ и не было допущено; точно такъ было признано опаснымъ названіе „Дѣло“ и другія подобныя; послѣ долгихъ переговоровъ, редакція, скрѣпя сердце, остановилась на неудачномъ названіи „Эпоха“, въ которомъ, наконецъ, цензура не нашла ничего неудобнаго. Не-русское названіе было очень непріятно; насъ сердило, когда попадались читатели, которые съ трудомъ его запоминали, произносили „Эпохъ“, смѣшивали съ „Эхо“ и т. д.

Кромѣ того помню, что разрѣшеніе журнала все оттягивалось и оттягивалось. Почему-то принять былъ срокъ *восьми мѣсяцевъ* со времени запрещенія. По этому счету новому журналу позволено было выходить съ января 1864 года; но за разными проволочками, измучившими всѣхъ насъ, объявленіе объ изданіи „Эпохи“ могло появиться въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ только 31 января 1864 года. Послѣ указанія объема книжекъ, срока выхода, программы, цѣны и пр., въ объявленіи было сказано:

„Въ заключеніе М. Достоевскій считаетъ долгомъ заявить слѣдующее“.

„Во первыхъ, онъ приноситъ искреннюю благодарность своимъ прежнимъ подписчикамъ. Не смотря на то, что съ его стороны до сихъ поръ не было никакихъ объявленій, къ нему поступило не болѣе сотни писемъ отъ подписчиковъ „Времени“ съ требованіемъ расчета“.

„Во вторыхъ, мы уже слишкомъ долго толковали о почвѣ, о соединеніи общества съ чисто-народными, естественными его интересами *), чтобы объяснять теперь еще разъ направленіе нашего новаго журнала. Великія событія послѣдняго времени, заявившія собой первые признаки (послѣ эпохи двѣнадцатаго года) соединенія общества съ земствомъ, такъ что та и другая сторона начали почти понимать другъ друга—составляютъ наглядный примѣръ того, чего мы всегда желали и къ чему стремилось наше направленіе. Прійдетъ-же, наконецъ, время, когда направленіе всѣхъ истинно-русскихъ будетъ слишкомъ ясно безъ всякихъ разъясненій, безъ всякихъ печальныхъ недоразумѣній“.

Объявленіе мастерское, именно такое, о какомъ питалъ замыслы

*) Эта нескладная фраза отзывается цензурными поправками, о которыхъ у меня сохранилось смутное воспоминаніе. Н. С.

Федоръ Михайловичъ. Ничего яснѣ нельзя было желать, особенно когда вверху стояло крупными буквами: *О подпискѣ на журналъ „Эпоха“ и о расчетѣ съ подписчиками „Времени“*. Но тутъ-же видна и ошибка, сдѣланная прежде. Если только сто подписчиковъ требовали возвращенія денегъ, то тысячи другихъ, не писавшихъ писемъ въ редакцію, навѣрное ждали, однако, отъ нея какого нибудь удовлетворенія, или хоть отзыва, и, конечно, сердились, не находя въ газетахъ никакого обращенія къ себѣ. За этимъ послѣдоваль цѣлый рядъ другихъ ошибокъ и несчастій и дѣло стало идти все хуже и хуже.

Постараюсь перечислить этотъ рядъ несчастій и неудачъ, отчасти потому, что они имѣли большое значеніе для Федора Михайловича, отчасти для того, чтобы указать черты тогдашняго хода литературы, и даже вообще черты паденія журналовъ, — дѣла, какъ извѣстно, очень обыкновеннаго у насъ.

Братья Достоевскіе принадлежали къ числу людей *непрактичныхъ*, или мало практичныхъ. Можетъ быть, есть лучшее слово для обозначенія свойствъ, о которыхъ хочу говорить, но, кажется, годится и это. Непрактичность очень часто встрѣчается у русскихъ людей, не только у однихъ дворянъ, у которыхъ она стала какъ будто наслѣдственною. Это свойство часто очень милое, достойное зависти и могущее имѣть въ основѣ высокія душевныя настроенія. Оно состоитъ въ томъ, что люди *живутъ минутою*, что для нихъ можетъ исчезать все ихъ прошедшее и все ихъ будущее. Такіе люди никакъ не могутъ завести правильнаго порядка въ своей жизни. Они принимаютъ свои рѣшенія, или дѣлаютъ обѣщанія съ величайшей искренностію, но рѣдко могутъ ихъ выполнить. Въ случаѣ неисполненія обязательствъ, принятыхъ въ отношеніи къ себѣ или къ другимъ, они или вдругъ находятъ для этого тысячи самыхъ ясныхъ основаній, или-же горько мучатся и упрекаютъ себя; но прошла тяжелая минута и они опять готовы — искренно рѣшаться и обѣщать, и столь-же искренно не сдерживать своего намѣренія. Они часто составляютъ прекрасные планы, и очень живо воодушевляются этими планами, но потомъ забываютъ дѣлать что нужно для ихъ выполненія. Они непритворно каются въ своихъ ошибкахъ и промахахъ, и потомъ впадаютъ въ нихъ при первомъ-же искушеніи. Они безпрестанно падаютъ и воскресаютъ духомъ; спойкая и свѣтлая минута сейчасъ-же изглаживаетъ изъ ихъ памяти все прошлое, а будущее для нихъ почти не существуетъ.

Такіе люди, если они умны, добры, талантливы, бываютъ чрезвычайно привлекательны, и мнѣ думается, что способность жить минутою

даже не можетъ быть свойственна совершенно дурному человѣку. Но такіе люди не могутъ быть практичными, не могутъ соблюдать условій, требующихся каждымъ сложнымъ и долговременнымъ дѣломъ. Съ ними можно иногда жить съ большимъ наслажденіемъ, но приходится смотрѣть и ухаживать за ними какъ за дѣтьми; ихъ можно любить и можетъ быть крѣпче чѣмъ всякихъ другихъ, но вести съ ними дѣло, то-есть дѣлать — невозможно.

Распространяюсь объ этой непрактичности не только потому, что она въ нѣкоторой мѣрѣ отзывалась у братьевъ Достоевскихъ, но что она вообще часто встрѣчается на литературномъ поприщѣ и что отъ нея погибло на моихъ глазахъ не одно журнальное дѣло, и не одна семья дошла до раззоренія, не имѣвшего часто никакой другой причины. Что касается до Достоевскихъ, то Михайла Михайловича нельзя было считать человѣкомъ вполне непрактичнымъ; онъ былъ довольно осмотрителенъ и предусмотрителенъ. Федоръ-же Михайловичъ, не смотря на свой быстрый умъ, не смотря на возвышенныя цѣли, которыхъ всегда держался въ своей дѣятельности и въ своемъ поведеніи, или скорѣе — именно по причинѣ этихъ возвышенныхъ цѣлей, — чрезвычайно страдалъ непрактичностью; когда онъ велъ дѣло, онъ велъ его очень хорошо; но онъ дѣлалъ это порывами, очень короткими, легко утѣшался и останавливался, и хаосъ возрасталъ вокругъ него ежеминутно. „Эпоха“ была начата *ни съ чѣмъ*; черезъ годъ, когда она кончилась (второю книжкою 1865), на нее была убита не только вся подписка, но и та доля наслѣдства, которая приходилась братьямъ отъ богатой московской родственницы (кажется, по 10,000 руб. на каждого) и которую они выпросили впередъ, и сверхъ того 15,000 руб. долга, съ которымъ остался Федоръ Михайловичъ послѣ прекращенія журнала.

XIII.

„Эпоха“ и ея паденіе.

Началась „Эпоха“ въ очень неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Федоръ Михайловичъ былъ въ Москвѣ, у постели умирающей жены, и самъ больной, такъ что не успѣлъ ничего написать. Мою статью „Переломъ“ запретила напуганная цензура, вообще очень подозрительно слѣдившая за „Эпохою“, а меня считавшая чрезвычайно опаснымъ, такъ что не пропускала тѣхъ самыхъ моихъ статей, въ которыхъ я рвался заявить свой патріотизмъ и снять съ себя обидное обвиненіе. Всѣ сотрудники были въ

какомъ-то разбродѣ. Но главное переѣнилось настроеніе публики и литературы.

Въ 1863 году совершился глубокий переломъ общественнаго настроенія, самый глубокий и важный изъ всѣхъ подобныхъ поворотовъ, происходившихъ въ прошлое царствованіе. Въ этомъ году простодушная публика въ первый разъ замѣтила, куда ее ведетъ извѣстная партія литературы, и отшатнулась отъ этой партіи, а потому и вообще отъ литературы. Герценъ совершенно упалъ; „Московскія Вѣдомости“, начавшія выходить съ 1-го января подъ нынѣшнею редакціею, скоро заявили то патріотическое и руководительное направленіе, которое такъ блистательно развиваютъ до сихъ поръ; словомъ, послѣ величайшаго прогрессивнаго опьяненія, наступило рѣзкое отрезвленіе и какая-то растерянность. По всей Россіи въ первый разъ въ то царствованіе заговорилъ тотъ патріотизмъ, которымъ такъ безконечно сильна наша земля. И такъ какъ литература была не очень патріотична, то она потеряла вкусъ для читателей. Въ Петербургѣ значительно затихла та болтовня, тѣ противуправительственныя пересуды и затѣи, которыя составляютъ главную забаву многата множества, и стало скучно. Начался даже отливъ населенія изъ Петербурга, продолжавшійся всѣ шестидесятыя годы. Общій упадокъ этого безцѣльнаго движенія отразился вездѣ, и точно также на „Эпохѣ“. Редакціонныя собранія ея не походили на собранія „Времени“; они были малолюдны и неоживленны.

При такихъ обстоятельствахъ требовалась особенная энергія со стороны редакціи. Между тѣмъ Михайло Михайловичъ дѣйствовалъ вяло, можетъ быть измученный предшествовавшими волненіями, а можетъ быть уже носившій въ себѣ ту болѣзнь, которая скоро должна была свести его въ могилу. Тутъ очень повредило дѣлу и воспоминаніе о блестящемъ успѣхѣ „Времени“. Во все продолженіе „Эпохи“ оба Достоевскіе никакъ не хотѣли вѣрить, чтобы ихъ могла постигнуть неудача, и были поэтому часто очень небрежны. Какъ-бы то ни было, первая книжка „Эпохи“, которая могла-бы явиться уже въ февралѣ, особенно если-бы была заранее подготовлена, не явилась и въ первой половинѣ марта; вмѣсто того рѣшено было издать двойную книжку за январь и за февраль, но и эта двойная книжка явилась лишь къ началу апрѣля. Объявленіе объ ея выходѣ напечатано въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ 24 марта 1864 г. Разумѣется, тогда подписка на журналы давно состоялась, и публика, выбитая изъ старой колеи, не обратила никакого вниманія на новое литературное явленіе.

Чтобы дать понятіе объ этой книжкѣ и о тогдашнемъ ходѣ дѣлъ,

сдѣлаю выдержку изъ письма Федора Михайловича изъ Москвы отъ 26 марта.

„Любезный братъ, у Черенина я досталъ 3-го дня „Эпоху“, которую онъ неизвѣстно какъ получилъ такъ скоро, и 1^{1/2} дня читалъ я ее и пересматривалъ. Вотъ мое впечатлѣніе: изданіе могло-бы быть понарядише, опечатки безчисленныя, до *крайняго* неряшества, ни одной руководящей, вводной, хотя-бы намекающей на направленіе статьи, кромѣ статьи Косицы (хотя и хорошей, даже очень, но для 1-го номера новаго журнала—недостаточной). Знаю, что все это отъ запрещенія ряда статей. Но мнѣ-то тѣмъ нестершимѣ, потому что эти 2 номера рѣшительно имѣютъ теперь видъ сборника. Есть и ерничество, совершенно, впрочемъ, извинительное, когда издаешь 2 номера на скорую рубу, а именно: романъ Шпильгагена, процессъ и „Записки помѣщика“; всѣ три статьи занимаютъ цѣлую половину 2-хъ книгъ. Жаль, что не читалъ Ержинскаго. Если хорошо, то все спасено, а если не хорошо, то очень плохо. Теперь о хорошей сторонѣ: всѣ статьи, которыя я прочелъ, занимательны (Шпильгагена я не читалъ: можетъ и хорошо. Я говорю только объ ужасномъ объемѣ). Обертка пестра, и названія статей завлекательны. Нѣкоторыя статьи очень порядочны, т. е. „Призраки“, статьи Страхова, Ап. Григорьева, Аверкіева, „Что такое польскія возстанія“, компіляція изъ Смита, „Ерши“ и „Бѣдные жильцы“. Горскаго мнѣ очень понравилась. Въ защиту, на всѣ нападенія на Горскаго можно сказать, что это совсѣмъ не литература, и съ этой точки глупо разсматривать, а просто *факты* и полезные. Не читалъ еще „Савонароллы“. Очень-бы желалъ знать, какого рода эта статья. Но все это меркнетъ оттого, что запрещенъ рядъ статей. Ради Бога, проси Страхова выправить свою статью въ цензурномъ отношеніи для слѣдующаго №, или написать новый рядъ статей. Какъ можно скорѣй статью руководящую!

„Пожалуюсь и за мою статью: опечатки ужасныя, и ужъ лучше было совсѣмъ не печатать предпоследней главы (самой главной, гдѣ самая-то мысль и высказывается), чѣмъ напечатать такъ, какъ оно есть, то есть съ надерганными фразами и противорѣча самой себѣ. *) Но чтожь дѣлать! С... и цензоръ, тамъ, гдѣ я глумился надъ всѣмъ и иногда богохульствовалъ *для виду*—то пропущено, а гдѣ пзъ всего этого я вывелъ „потребность вѣры во Христа“—то запрещено. Да что они, цензора-то въ разговорѣ противъ правительства, что-ли?“

Изъ этого отрывка ясно видны и жалкій видъ нашего двойнаго по-

*) Дѣло идетъ о первой части „Записокъ изъ подполья“.

иера, и одна изъ причинъ этого жалкаго вида — строгость и растерянность цензуры. Но другая причина была небрежность редакціи: и дурная обертка, и избитый шрифтъ, и плохая бумага, и обиліе опечатокъ — все было до крайности непріятно и ничѣмъ не извинялось. Подобныхъ неисправностей никогда не допускали журналы, умѣвшіе пользоваться успѣхомъ и поддерживать его. Напримѣръ, „Современникъ“, какія-бы слабыя и пустыя книжки ни случалось ему выпускать, всегда отличался блестящею наружностію и по части корректуры былъ замѣчательно исправенъ.

Такъ потянулась „Эпоха“ и дальше: вяло, неопратно, запаздывая книжками. Она велась собственно такъ же, какъ и „Время“; но прежде все *само собою* шло хорошо, а теперь точно такъ же все *само собою* шло дурно. Между тѣмъ послѣдовалъ рядъ смертей: Марьи Дмитріевны, Михаила Михайловича и Ан. Григорьева. Марья Дмитріевна умерла 16-го апрѣля и Ѳеодоръ Михайловичъ сейчасъ-же переѣхалъ въ Петербургъ. 10-го іюня неожиданно умеръ Михайло Михайловичъ, хворавшій очень недолго и бывшій почти все время болѣзни на ногахъ.

Это было жестокимъ ударомъ. Журналъ, и безъ того запоздавшій, остановился на два мѣсяца, — пока былъ найденъ и утвержденъ новый редакторъ и приведены дѣла въ порядокъ. Задержка со стороны цензуры, неимѣвшей никакой причины торопиться, была очень значительна по времени. Подходящія литературныя имена состояли въ подозрѣніи у цензуры, и потому, редакторомъ попросили стать Александра Устиновича Порѣцкаго, служившаго въ Лѣсномъ департаментѣ, челоуѣка неизвѣстнаго въ литературѣ, но очень умнаго и образованнаго, отличавшагося сверхъ того рѣдкими душевными качествами, безукоризненной добротою и чистотою сердца. Сочувствуя всею душою направленію „Эпохи“, онъ взялъ на себя официальное редакторство, тогда какъ всѣмъ дѣломъ заправлялъ, разумѣется, Ѳеодоръ Михайловичъ. Кстати: въ публикѣ, не слишкомъ внимательной къ именамъ, произошла путаница, и многіе считали тогда умершимъ Ѳеодора Михайловича, то есть *знаменитаго* Достоевскаго. Поэтому Ѳеодоръ Михайловичъ долженъ былъ употреблять даже особыя старанія, всячески давая знать, что онъ, извѣстный писатель, живъ, а умеръ его братъ.

Въ рывахъ Ѳеодора Михайловича дѣло тотчасъ пошло иначе; онъ повелъ его довольно энергически, съ тою заботливостію, которою онъ отличался въ этого рода работахъ. Къ сожалѣнію, эта энергія должна была устремиться на цѣли несущественныя для дѣла и была потрачена по напрасну. Предполагалось, что главная задача состоитъ въ томъ, чтобы додать книжки за начатый годъ и, войдя въ сроки, собрать новую под-

писку, то есть, судя по прежнему, получить тысячи четыре подписчиковъ, или больше. Тогда все дѣло пошло-бы опять хорошо, и всѣ затраты и хлопоты были-бы вознаграждены. И вотъ книжки выходили за книжками; въ послѣдніе мѣсяцы 1864 года редакція выпускала по двѣ книжки въ мѣсяць, такъ что январь 1865 г. вышелъ уже 13 февраля, а февраль — въ мартъ. Типографія и бумага были также измѣнены; корректура была исправная; мало того — книжки очевидно росли въ объемѣ и январская книга 1864 года дошла чуть не до 40 печатныхъ листовъ вмѣсто общающихся 25-ти *).

Но, чѣмъ старательнѣе были выполнены внѣшнія условія изданія, тѣмъ меньше имѣла редакція времени и силъ для выполненія внутреннихъ его условій, и публика не могла этого не замѣтить, особенно при такихъ огромныхъ размѣрахъ всего этого литературнаго явленія. Книжки составлялись съ большимъ толкомъ и вкусомъ; Федоръ Михайловичъ не могъ помѣстить какой-нибудь вполне негодной вещи; но и ничего выдающагося въ нихъ не было, — самъ онъ не могъ писать, и неоткуда было взять замѣчательныхъ вещей для столькихъ номеровъ. Главное-же, — эти книжки не представляли никакой современности, ничего важнаго для текущей минуты; это были простые сборники, хотя и возможные для чтенія, но ничѣмъ къ себѣ не привлекающіе. Чѣмъ чаще они выходили, чѣмъ толще были, тѣмъ яснѣе это становилось. Публика не могла чувствовать къ нимъ расположенія, такъ какъ она въ значительной мѣрѣ читаетъ *по обязанности*, для того, чтобы имѣть понятіе объ авторѣ или книгѣ, чтобы слѣдить за вопросами, чтобы имѣть возможность говорить и судить и т. д. Слѣдовательно книга не будетъ читаться, если у читателя нѣтъ заранѣе никакихъ побужденій для ея чтенія. И вотъ такихъ-то восемь или десять книгъ было издано редакціею „Эпохи“. Частое появленіе ихъ только утомляло вниманіе публики и литературы, котораго ни одна изъ нихъ и не могла и не успѣвала остановить на себѣ.

Содержанію книжекъ вредили не только совершенно ненужная строгость цензуры и отсутствіе статей самого Федора Михайловича. Въ сентябрѣ 1864 года умеръ Ап. Григорьевъ, статьи котораго были такъ важны

*) Приведу здѣсь время цензурныхъ разрѣшеній, какъ оно помѣчено на книжкахъ. Мартовская книжка разрѣшена 23 апрѣля, майская — 7 іюля, іюньская — 20 августа, іюльская — 19 сент., августовская — 22 октября, сентябрьская — 22 ноября, октябрьская — 24 октября (!), ноябрьская — 24 декабря, декабрьская — 25 января 1865 г. Эти помѣтки не могутъ, однако, точно указывать времени, потому что дѣлались то при началѣ печатанія книжки (на первомъ ея листѣ), то при концѣ (на послѣднемъ листѣ). Безпорядокъ былъ такъ великъ, что на октябрьской книжкѣ поставлено: 24 октября, очевидно вмѣсто 24 ноября; на оберткѣ іюньской книжки стояло: № 6, *іюль*, и выше: журналъ, издаваемый *семействомъ* М. М. Достоевскаго.

для журнала. Правда, публика почти не читала ихъ, какъ не читаетъ и до сихъ поръ; но въ нашихъ глазахъ и для серьезныхъ литераторовъ они придавали вѣсъ и цвѣтъ журналу. Два ряда его писемъ, напечатанные мною послѣ его смерти, принадлежатъ конечно къ истиннымъ украшеніямъ „Эпохи“.

Наконецъ, была еще сторона, необыкновенно вредившая ходу дѣла, — именно безпорядокъ въ хозяйственной части, въ разсылкѣ журнала, въ скоромъ и точномъ удовлетвореніи подписчиковъ. Дѣло шло такъ плохо, что пришлось публично извиниться передъ подписчиками. Въ объявленіи о подпискѣ на 1865 годъ („Эпоха“, 1864, № 8) мы читаемъ:

„Редакція обратитъ особенное вниманіе на разсылку своего журнала въ губерніи и доставку его подписчикамъ. Хотя жалобъ на неправильную доставку книгъ получалось въ редакціи не болѣе, чѣмъ въ прежнее время, но тѣмъ не менѣе редакція сознается, что должны быть произведены улучшенія, и она непремѣнно займется ими“.

Въ этихъ сдержанныхъ выраженіяхъ слышится большое горе. Зло, которымъ страдала редакція, очевидно досталось Федору Михайловичу по наслѣдству, и при немъ оно не только не исцѣлилось, а увеличилось. Хозяйство не было непосредственно въ его рукахъ, и онъ не хотѣлъ брать его крѣпче въ свои руки, не чувствуя къ нему охоты и считая литературную сторону важнѣе. Касса редакціи въ это время была очень скудна, часто совсѣмъ пуста; слѣдовательно, всякое движеніе въ хозяйствѣ задерживалось. Подъ конецъ, въ самую важную минуту новой подписки, было много случаевъ, что требованія подписчиковъ, поступавшія въ редакцію, вовсе не доходили до редактора.

И при всемъ этомъ — дѣло удивительное! — на „Эпоху“ 1865 года всетаки набралось 1,300 подписчиковъ, т. е. число, съ которымъ могъ бы съ нѣкоторымъ трудомъ начинать и вести изданіе новый журналъ. Но старый журналъ, обремененный сдѣланными затратами, не могъ выдержать. Послѣ февральской книжки въ редакціи не обазалось ни копейки денегъ, никакой возможности платить сотрудникамъ, за бумагу, въ типографію. Все разсыпалось и разлетѣлось; семейство Михаила Михайловича осталось безъ всякихъ средствъ, и Федоръ Михайловичъ остался съ огромнымъ долгомъ въ 15 тысячъ.

Такъ погибла „Эпоха“. Рассказывая ея исторію, я не уномянулъ объ одномъ обстоятельстве, имѣвшемъ тоже свое значеніе, — именно объ отношеніи къ журналу остальной литературы, то есть главнымъ образомъ петербургскихъ изданій, составлявшихъ, какъ и до сихъ поръ, огромное большинство періодической печати. Отношеніе это съ начала и до конца

было враждебное, и, вслѣдствіе стараній самой „Эпохи“, вражда эта возрастала и разгаралась съ каждымъ мѣсяцемъ. Во „Времени“, не смотря на бывшую полемику съ „Современникомъ“, въ концѣ 1862 года (въ сентябрьской книжкѣ) была еще помѣщена статья Щедрина, а въ первой книжкѣ 1863 года явилось стихотвореніе Некрасова „Смерть Прокла“. Но „Эпоха“ уже не имѣла ничего общаго съ „Современникомъ“. Направленіе ея было уже сознательно славянофильскимъ; припоминаю, какъ однажды Ѳедоръ Михайловичъ, по поводу какой-то статьи въ защиту „Дня“, прямо сказалъ: „это хорошо; нужно помогать ему сколько можемъ“. Разрывъ съ нигилистическимъ направленіемъ былъ полный и противъ него исключительно направилась полемика, до которой Ѳедоръ Михайловичъ вообще былъ большой охотникъ. Онъ имѣлъ даръ язвительности, иногда очень веселой, и еще въ послѣднихъ книжкахъ „Времени“ очень остроумно задѣлъ Щедрина, хотя не по вопросу, касавшемуся направленія. Между тѣмъ, не только Щедринъ, бывший съ 1863 года присяжнымъ сотрудникомъ „Современника“, внесъ въ него свое остроуміе и глумленіе, но въ 1864 году этотъ журналъ вообще сталъ заниматься полемикою въ неслыханныхъ дотолѣ и неповторявшихся потомъ размѣрахъ. Поднялась ужасная война, которую „Эпоха“ сперва весело поддерживала, но въ которой, наконецъ, принуждена была остаться позади своихъ противниковъ, такъ какъ не могла поровняться съ ними ни въ задорѣ и рѣзкости выраженій, ни во множествѣ печатныхъ листовъ, усыпанныхъ этими выраженіями. За „Современникомъ“ тянули въ ту же сторону другія изданія. Для людей, исполненныхъ гражданскихъ порывовъ и не имѣющихъ ни умѣнья, ни возможности въ чемъ нибудь ихъ выразить, ничего не могло быть удобнѣе, какъ отыскать себѣ врага въ собственной сферѣ и приняться всячески его казнить. Poleмика становится такимъ образомъ гражданскимъ занятіемъ, и вотъ благороднѣйшая причина, по которой она иногда такъ разрастается. Въ этой чернильной войнѣ „Эпоха“ вела себя почти безукоризненно, оставаясь на чисто-литературной почвѣ и имѣя въ виду всегда принципы, и потому, конечно, была слабѣе противниковъ, которымъ не было счета и которые разрѣшали себѣ не только всякое глумленіе и ругательство, напримѣръ называли своихъ оппонентовъ *ракаліями*, *буттербродами*, *стрижками* и т. п., но и позволяли себѣ намеки на то, что мы не честны, угодники правительства, доносчики и т. д. Помню, какъ бѣдный Михаилъ Михайловичъ былъ огорченъ, когда его „разсчесть съ подписчиками“ былъ гдѣ-то продернутъ и доказывалось, что онъ об- считалъ своихъ подписчиковъ.

И эти крайности—дѣло естественное, потому что нравственное до-

стоипство есть высшая цѣна людей и ихъ дѣлъ, такъ что только въ этой оцѣнѣ можно найти послѣднее основаніе, окончательное оправданіе и своей любви, и своей злобы. Вся эта буря въ стаканѣ воды очень мало насъ волновала и, при другихъ заботахъ, мы не придавали ей значенія. Понятно, что она имѣла свое дѣйствіе на читателей, но мы знали, что она же содѣйствовала и извѣстности журнала. Вотъ почему, рассказавши о паденіи „Эпохи“ и его причинахъ, какъ свидѣтель и участникъ дѣла, я не внесъ въ число этихъ причинъ полемики, поднявшейся противъ этого изданія, хотя найдутся, можетъ быть, люди, которые увидятъ въ этомъ паденіи побѣду петербургской журналистики надъ органомъ, имѣвшимъ несогласное съ нею направленіе.

Послѣ многихъ опытовъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и судьба „Времени“ и „Эпохи“, во мнѣ составилось твердое убѣжденіе, что въ Петербургѣ можетъ имѣть полный успѣхъ самый консервативный и патріотическій журналъ. Публики для него довольно; конечно, въ публику часто набивается по дорогѣ всякій соръ выраженій и понятій, но этотъ соръ не крѣпко въ ней держится и легко выскакиваетъ при первомъ слабомъ встряхиваніи. Одного нельзя найти для такого журнала — редактора, хозяина, то есть человѣка, не только душевно преданнаго добрымъ началамъ, но и практическаго, дѣятельнаго. Наши патріоты и консерваторы, кажется, чѣмъ прекраснѣе и достойнѣе любви, тѣмъ менѣе годны для какого нибудь дѣла.

Какъ поучительный примѣръ успѣха, можно привести „Дневникъ“ Ѳедора Михайловича. Это изданіе было вовсе не по сердцу Петербургу, но шло превосходно. Правда, хозяйственная часть на этотъ разъ лежала не на редакторѣ, а на его женѣ. И редакторъ, какъ мнѣ приводилось самому быть свидѣтелемъ, не разъ упрекалъ свою жену, что она слишкомъ мелочна въ своихъ хлопотахъ и расчетахъ, что у нея недостаетъ широкаго взгляда на дѣло, размаха... Эти недостатки, однако, оказались очень полезными для этого прекраснаго изданія.

XIV.

Разсказъ Ѳедора Михайловича о дѣлахъ „Времени“ и „Эпохи“.

Въ подтвержденіе и дополненіе своего разсказа о дѣлахъ „Времени“ и „Эпохи“, приведу свидѣтельство Ѳедора Михайловича. Сохранилось драгоценное письмо, въ которомъ онъ излагаетъ по порядку всѣ эти событія.

Оно писано къ Александру Егоровичу Врангелю, бывшему тогда секретаремъ русскаго посольства въ Копенгагенѣ.

Петербургъ, 31 марта 1865 г.

„Милый, добрый другъ мой, Александръ Егоровичъ, я понимаю, что „вы должны были очень удивиться и конечно, судя по чувствамъ вашимъ „ко мнѣ, оскорбиться моимъ молчаніемъ въ отвѣтъ на оба ваши задушевные добрѣйшія письма. Не удивляйтесь и не оскорбляйтесь. Я вамъ „тотчасъ же хотѣлъ тогда отвѣтить и *не могъ*. Почему? прочтете ниже. „Но васъ, друга моего, въ то время, когда у меня не было друзей, свидѣтеля и моего безконечнаго счастья, и моего страшнаго горя (помните „ту ночь въ лѣсу, подъ Семипалатинскомъ, когда мы ихъ провожали?), — „друга моего и потомъ здѣсь, въ Петербургѣ, ходатая за меня — васъ „могъ-ли бы я забыть? Напротивъ, во всѣ эти годы много разъ я объ „васъ думалъ и воспоминалъ. Но, что была моя жизнь въ это время! Я „вамъ обязанъ объясненіемъ и даже отчетомъ, чтобы разяснить мое не- „давнее молчаніе на ваши письма. Слушайте же: напишу вамъ всю мою „исторію за это время, — впрочемъ не *всю*, этого нельзя, потому что въ „подобныхъ случаяхъ въ письмахъ главнѣйшаго никогда не расскажешь. „Иное просто не могу рассказывать. А потому расскажу вамъ лучше, по „возможности вкратцѣ, послѣдній годъ моей жизни.

„Вы знаете вѣроятно, что братъ затѣялъ четыре года назадъ жур- „наль. Я ему сотрудничалъ. Все шло прекрасно. Мой „Мертвый Домъ“ „сдѣлалъ буквально фуроръ, и я возобновилъ имъ свою литературную „репутацию. У брата были огромные долги при началѣ журнала, и тѣ „стали оплачиваться, — какъ вдругъ въ 1863 году, въ маѣ, журналъ „былъ запрещенъ за одну самую горячую и патріотическую статью, кото- „рую ошибкой приняли за самую возмутительную — противъ правитель- „ственныхъ дѣйствій и общественнаго тогдашняго настроенія. Правда, и „писатель былъ отчасти виноватъ (одинъ изъ нашихъ ближайшихъ со- „трудниковъ); слишкомъ перетонилъ, и его поняли обратно. Дѣло скоро „поняли какъ надо, но ужъ журналъ былъ запрещенъ. Съ этой минуты, „дѣла брата приняли крайнее разстройство, кредитъ его пропалъ, долги „обнаружились, а заплатить было нечѣмъ. Братъ выхлопоталъ себѣ позво- „леніе продолжать журналъ, подъ новымъ названіемъ „Эпоха“. Позво- „леніе вышло только въ концѣ февраля 1864 г.; 1-й номеръ не могъ „появиться раньше 20 марта *). Журналъ значитъ опоздалъ, подписка

*) Эти указанія не точны; они очевидно сдѣланы по памяти. Н. С.

„уже повсемѣстно кончилась, потому что публика подписывается на всѣ
„журналы по старой привычкѣ только въ 3 мѣсяца, въ декабрѣ, январѣ
„и февралѣ. Надо было удовлетворить прежнихъ подписчиковъ, которые
„не получили расчета при прекращеніи „Времени“. Имъ объявлено было,
„чтобы они досылали по шести рублей за „Эпоху“ 1864 года. Такъ какъ
„новыхъ подписчиковъ почти не было, а были все старыя, досылавшіе по
„шести рублей, то стало быть брать долженъ былъ издавать журналъ
„себѣ въ убытокъ. Это окончательно его разстроило и доканало. Онъ на-
„чалъ дѣлать долги, здоровье-же его стало разстраиваться. Меня подлѣ
„него въ это время не было. Я былъ въ Москвѣ, подлѣ умиравшей жены
„моей. Да, Александръ Егоровичъ, да, мой безцѣнный другъ, вы пишете
„и соболѣзнуете о моей роковой потерѣ, о смерти моего ангела брата
„Миши, а не знаете, до какой степени судьба меня задавила! Другое
„существо, любившее меня и которое я любилъ безъ мѣры, жена моя
„умерла въ Москвѣ, куда переѣхала за годъ до смерти своей, отъ чахотки.
„Я переѣхалъ—вслѣдъ за нею, не отходилъ отъ ея постели всю зиму
„1864 года, и 16 апрѣля прошлаго года она скончалась, въ полной памяти,
„и, прощаясь, вспоминая всѣхъ, кому хотѣла въ послѣдній разъ отъ себя
„поклониться, вспомнила и объ васъ. Передаю вамъ ея поклонъ, старый,
„добрый другъ мой. Помяните ее хорошимъ, добрымъ воспоминаньемъ. О,
„другъ мой, она любила меня безпредѣльно, я любилъ ее тоже безъ мѣры,
„но мы не жили съ ней счастливо. Все расскажу вамъ при свиданіи,—те-
„перь-же скажу только то, что, не смотря на то, что мы были съ ней по-
„ложительно несчастны вмѣстѣ (по ея странному, мнительному и болѣзнен-
„но-фантастическому характеру)—мы не могли перестать любить другъ
„друга; даже чѣмъ несчастнѣе были, тѣмъ болѣе привязывались другъ къ
„другу. Какъ ни странно это, а это было такъ. Это была самая честнѣй-
„шая, самая благороднѣйшая и великодушнѣйшая женщина изъ всѣхъ,
„которыхъ я зналъ во всю жизнь. Когда она умерла,—я, хоть мучился,
„видя (весь годъ), какъ она умираетъ, хоть и цѣнилъ и мучительно чув-
„ствовалъ, чтѣ я хороню съ нею,—но никакъ не могъ вообразить, до ка-
„кой степени стало больно и пусто въ моей жизни, когда ее засыпали зем-
„лею. И вотъ ужъ годъ, а чувство все тоже, не уменьшается... Бросился
„я, схоронивъ ее, въ Петербургъ, къ брату,—онъ одинъ у меня оставался;
„черезъ три мѣсяца умеръ и онъ, прохворавъ всего мѣсяцъ и слегка,
„такъ что кризисъ, перешедшій въ смерть, случился почти неожиданно,
„въ три дня.

„И вотъ я остался вдругъ одинъ и стало мнѣ просто страшно. Вся
„жизнь переломилась на-двое. Въ одной половинѣ, которую я перешелъ,

„было все, для чего я жилъ, а въ другой, неизвѣстной еще половинѣ, все чуждое, все новое, и ни одного сердца, которое-бы могло мнѣ замѣнить тѣхъ обоихъ. Буквально, мнѣ не для чего оставалось жить. Новыя связи дѣлать, новую жизнь выдумывать? Мнѣ противна была даже и мысль объ этомъ. Я тутъ *въ первый разъ* почувствовалъ, что *ихъ* нехѣтъ замѣнить, что я *ихъ только* и любилъ на свѣтѣ и что новой любви не только не наживешь, да и не надо наживать. Стало все вокругъ меня холодно и пустынно. И вотъ, когда я три мѣсяца назадъ получилъ ваше горячее, доброе письмо, полное прежнихъ воспоминаній, мнѣ стало такъ грустно, что и не знаю, какъ вамъ выразить. Но слушайте далѣе“.

„9 апрѣля, 1865 г. Девять дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ я началъ къ вамъ письмо, и *буквально* въ эти девять дней я не имѣлъ ни минуты времени, чтобы его окончить. Можете-ли вы мнѣ повѣрить, Александръ Егоровичъ, что въ эти три мѣсяца, послѣ вашихъ обоихъ писемъ, и особенно послѣ втораго, при которомъ мнѣ больно стало отъ мысли: чтѣ вы обо мнѣ подумаете,—можете-ли вы мнѣ повѣрить, что я *ни одной минуты*, буквально, не могъ удѣлять, чтобы отвѣчать вамъ, и оттого молчалъ до сихъ поръ? Вѣрьте—не вѣрьте, и однакоже это было такъ, это — истина. А почему это такъ? сейчасъ узнаете. Продолжаю прежде:

„Послѣ брата осталось всего триста рублей, и на эти деньги его и похоронили. Кромѣ того, до двадцати пяти тысячъ долгу, изъ которыхъ десять тысячъ долгу отдаленнаго, который не могъ обезпокоить его семейство, но пятнадцать тысячъ по векселямъ, требовавшимъ уплаты. Вы спросите, какими-же средствами могъ-бы онъ добавить шесть книгъ журнала за остальную половину года (онъ умеръ въ іюлѣ 1864 года)? Но у него былъ чрезвычайный и огромный кредитъ; сверхъ того, онъ вполне могъ занять, и заемъ уже былъ въ ходу, но онъ умеръ и весь кредитъ журнала рушился. Ни копейки денегъ, чтобы издавать его, а добавить надо было шесть книгъ, чтѣ стоило 18,000 *минимум*, да сверхъ того удовлетворить кредиторовъ, на чтѣ надо было 15,000, — и того надо было 33,000, чтобы кончить годъ и добиться до новой подписки журнала. Семейство его осталось буквально безъ всякихъ средствъ, — хоть ступай по міру. Я у нихъ остался единой надеждой, и они всѣ, и вдова и дѣти, сбились въ кучу около меня, ожидая отъ меня спасенія. Брата моего я любилъ безконечно, — могъ-ли я ихъ оставить? Предстояло двѣ дороги: 1) прекратить журналъ, предоставить журналъ (такъ какъ журналъ все-таки имѣнье и чего нибудь стоитъ) кредиторамъ вмѣ-

„стѣ съ мебелью и домашнимъ хламомъ и взять семейство къ себѣ. За-
„тѣмъ работать, литературствовать, писать романы и содержать вдову и
„сиротъ брата. 2-й случай) Достать денегъ и продолжать изданіе во что
„бы ни стало. Какъ жалъ, что я не рѣшился на первый. Кредиторы, ко-
„нечно, не получили-бы и 20 на сто. Но семейство, отказавшись отъ на-
„слѣдства, по закону не обязано было-бы ничего и платить. Я-же во всѣ
„эти пять лѣтъ, работая у брата и въ журналахъ, зарабатывалъ отъ
„восьми до десяти тысячъ въ годъ. Слѣдственно, могъ-бы прокоринить и
„ихъ и себя,—конечно, работая съ утра до ночи всю жизнь. Но я пред-
„почелъ второе, т. е. продолжать изданіе журнала. Не я, впрочемъ, одинъ
„предпочелъ это. Всѣ друзья мои и прежніе сотрудники были того-же
„мнѣнія.“

„14 апрѣля. Опять перерывъ былъ. Еслибъ только вы могли знать,
„Александръ Егоровичъ, въ какихъ ужасныхъ и давящихъ меня заня-
„тіяхъ проходить все мое время! Продолжаю прежнее:

„Къ тому-же, надо было отдать долги брата: я не хотѣлъ, чтобы на
„его имя легла дурная память. Средство было: дойти до годовой под-
„писки, оплатить часть долгу, стараться, чтобы журналъ былъ годъ отъ
„году лучше, и года черезъ три-четыре, заплатить долги, сдать кому ни-
„будь журналъ, обезпечивъ семейство брата. Тогда-бы я отдохнулъ, тог-
„да-бы я опять сталъ писать то, что давно хочется высказать. Я рѣ-
„шился. Поѣхалъ въ Москву, выпросивъ у старой и богатой моей тетки
„10,000, которые она назначила на мою долю въ своемъ завѣщаніи и,
„воротившись въ Петербургъ, сталъ додавать журналъ. Но дѣло было
„уже сильно испорчено; требовалось выпросить разрѣшеніе цензурное из-
„давать журналъ. Дѣло протянули такъ, что только въ концѣ августа
„могла появиться іюньская книжка журнала. Подписчики, которымъ ни
„до чего нѣтъ дѣла, стали негодовать. Имени моего не позволила мнѣ
„цензура поставить на журналѣ, ни какъ редактора, ни какъ издателя.
„Надобно было рѣшиться на мѣры энергическія. Я сталъ печатать ра-
„зомъ въ трехъ типографіяхъ, не жалѣлъ денегъ, не жалѣлъ здоровья
„и силъ. Редакторомъ былъ одинъ я, читалъ корректуры, возился съ
„авторами, съ цензурой, поправлялъ статьи, доставалъ деньги, просижи-
„валъ до шести часовъ утра и спалъ по 5 часовъ въ сутки, и хотъ
„ввелъ въ журналъ порядокъ, но уже было поздно. Вѣрите-ли: 28 ноя-
„бря вышла сентябрьская книжка, а 13 февраля генварьская книга
„1865 года, значитъ по 16 дней на книгу, и каждая книга въ 35 ли-
„стовъ. Чего-же мнѣ это стоило! Но главное, при всей этой каторжной
„и черной работѣ, я самъ не могъ написать и напечатать въ журналѣ ни

„строчки своего. Моего имени публика не встрѣчала и даже въ Петербургѣ, не только въ провинціи, не знала, что я редактирую журналъ.

„И вдругъ послѣдовалъ у насъ всеобщій журнальный кризисъ. Во всѣхъ журналахъ разомъ подписка не состоялась. „Современникъ“, имѣвшій постоянныхъ 5,000 подписчиковъ, очутился съ 2,300. Всѣ остальные журналы упали. У насъ осталось только 1,300 подписчиковъ.

„Много причинъ этого журнальнаго нашего во всей Россіи кризиса. Главное, онѣ ясны, хотя и сложны. Но объ немъ послѣ. Посудите, каково положеніе наше. Каково, главное, мое положеніе! Чтобъ старые братнины долги не беспокоили хода дѣла, я перевелъ ихъ тысячъ на десять на себя. Я рассчитывалъ, что еслибъ журналъ имѣлъ въ этомъ году, при несчастіи, хотя-бы только 2,500 подписчиковъ вмѣсто прежнихъ четырехъ, то и тутъ все-бы уладилось. По крайней мѣрѣ, свои долги расплатили-бы. Я рассчитывалъ вѣрно. Никогда еще не бывало съ самаго начала нашего журнализма, съ тридцатыхъ годовъ, чтобы число подписчиковъ убавилось въ одинъ годъ болѣе, чѣмъ на 25 процентовъ. Приписывать худому веденію дѣла я не могу. Вѣдь и „Время“ я началъ, а не братъ, я его направлялъ и я редактировалъ. Однимъ словомъ съ нами случилось тоже самое, какъ если-бы у владѣльца, или купца сгорѣлъ-бы домъ, или его фабрика, и онъ изъ достаточнаго человѣка обратился-бы въ банкрота.

„Въ началѣ подписки, долги, преимущественно еще покойнаго брата, потребовали уплаты. Мы платили изъ подписныхъ денегъ, рассчитывая, что за уплатою всетаки останется чѣмъ издавать журналъ. Но подписка пресѣклась и, выдавъ два номера журнала, мы остались безъ ничего.

„Въ такое-то время и застали меня ваши письма. Я ѣздилъ въ Москву доставать денегъ, искалъ компаньона въ журналъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, но, кромѣ журнальнаго кризиса, у насъ въ Россіи денежный кризисъ. Теперь мы не можемъ, за неимѣніемъ денегъ, издавать журналъ далѣе и должны объявить временное банкротство, а на мнѣ, кромѣ того, до 10,000 вексельнаго долгу и 5,000 на честное слово.

„Изъ нихъ три тысячи надо заплатить во что-бы то ни стало. Кромѣ того 2,000 нужно для того, чтобы выкупить право на изданіе моихъ сочиненій, которыя въ закладѣ, и приступить къ изданію ихъ самому. Книгопродавцы даютъ мнѣ за это право 5,000 рублей. Но это мнѣ невыгодно. Если я буду издавать ихъ самъ,—будетъ выгодноѣе. Теперь, чтобы заплатить долги, хочу издавать новый романъ мой выпусками,

„какъ дѣлается въ Англіи. Кромѣ того, хочу издавать „Мертвый Домъ“
„тоже выпусками и съ иллюстраціей, роскошнымъ изданіемъ, и наконецъ,
„въ будущемъ году, полное собраніе моихъ сочиненій. Все это, надѣюсь,
„дастъ тысячъ пятнадцать,—но какова каторжная работа!

„О, другъ мой, я охотно-бы пошелъ опять въ каторгу на столько-же
„лѣтъ, чтобы только уплатить долги и почувствовать себя опять свобод-
„нымъ. Теперь опять начну писать романъ изъ-подъ палки, то-есть изъ
„нужды, на скоро. Онъ выйдетъ эффектенъ, но того-ли мнѣ надобно!
„Работа изъ нужды, изъ-за денегъ задавила и съѣла меня.

„И всетаки для начала мнѣ нужно теперь три тысячи. Бьюсь по
„всѣмъ угламъ, чтобы ихъ достать,—иначе погибну! Чувствую, что
„только случай можетъ спасти меня. Изъ всего запаса моихъ силъ и
„энергій осталось у меня въ душѣ что-то тревожное и смутное, что-то
„близкое къ отчаянью. Тревога, горечь, самая холодная суетня, самое
„ненормальное для меня состояніе, и въ добавокъ—одинъ,—прежнихъ и
„прежняго, сорокалѣтняго, нѣтъ уже при мнѣ. А между тѣмъ все мнѣ
„кажется, что я только что собираюсь жить. Смѣшно, не правда-ли?
„Кошачья живучесть!

„Описалъ я вамъ все, и вижу, что главнаго,—моей духовной, сер-
„дечной жизни я не высказалъ и даже понятія о ней не далъ. Такъ
„будетъ и всегда, пока мы въ письмахъ. Я письма не умѣю писать, и
„объ себѣ не умѣю *отъ мѣру* писать. Впрочемъ, оно и трудно: много лѣтъ
„легло между нами, да и какихъ лѣтъ!

„И какъ кстати вы теперь отозвались мнѣ. Все вы мнѣ напомнили
„прежнее. Я люблю васъ прежняго, молодаго, добраго, и такимъ васъ
„буду представлять себѣ всю мою жизнь. Кстати: я васъ еще совсѣмъ не
„знаю *какъ семьянина*. Кажется мнѣ (припоминая прежнее), что вы
„теперь должны быть счастливы. Но очень хочу угадать, какой новый
„оттѣнокъ, мнѣ неизвѣстный, положила семейная жизнь на вашу душу.

„Благодарю васъ за фотографіи вашего семейства. Я долго разма-
„тривалъ карточки, вглядывался и угадывалъ.

„Заграницей я былъ два раза—лѣтомъ 1862 и 1863 года. Каждый
„разъ ѣздилъ на три мѣсяца, былъ въ Германіи (почти во всей), въ
„Швейцаріи, Франціи и въ Италіи (тоже во всей). Здоровье мое за-
„границей, въ оба раза, воскресало съ быстротою удивительной. Я поло-
„жилъ ѣздить каждый годъ на три мѣсяца, тѣмъ болѣе, что это ничего
„не значить въ денежномъ отношеніи, при дороговизнѣ нашей здѣшней
„жизни. Ѣздить-же я хотѣлъ для поправки здоровья, чтобы отдыхать,
„поправляться и тѣмъ удобнѣе работать остальные 9 мѣсяцевъ года въ

„Россіи. Но въ прошломъ году смерть брата заставила меня остаться, а нынѣшніе долги и занятія доконають меня здѣсь окончательно. А какъ-бы хотѣлось хоть на мѣсяцъ съѣздить провѣтрить голову, освѣжиться, воскреснуть. Къ вамъ-бы заѣхалъ непремѣнно. И кто знаетъ: можетъ быть это случится. Изданіе „Мертваго Дома“ можетъ идти безъ меня, а заграницей я постоянно пишу, потому что тамъ времени и спокойствія больше, чѣмъ здѣсь, особенно если жить на одномъ мѣстѣ. Къ вамъ-бы заѣхалъ непремѣнно.

„Карточку пришлю непремѣнно, если скоро отвѣтите—не сердясь за долгое молчаніе. Да и за что-же, Боже мой, сердиться, развѣ я виноватъ.

„Я живу одинъ, при мнѣ Паша, мой пасынокъ. Ему уже семнадцатый годъ, учится, васъ очень помнитъ и вамъ очень кланяется.

„А многое-бы я вамъ поразказалъ, если-бы мы свидѣлись.

„Прощайте, добрый другъ мой, обнимаю васъ отъ всей души, горячо. Будьте счастливы. Теперь буду аккуратно отвѣчать. Пишите скорѣй.

„Боюсь, застанетъ-ли васъ письмо это въ Копенгагенѣ.

„Вашъ весь прежній и всегдашній

„Федоръ Достоевскій“.

Этимъ письмомъ можно заключить очеркъ отдѣльнаго періода въ жизни Федора Михайловича, именно періода отъ возвращенія въ Петербургъ изъ ссылки до той минуты одиночества, когда онъ остался безъ жены, безъ брата и безъ журнала. Чувство живучести, о которомъ онъ говоритъ, не обмануло его. Отсюда начинается лучшая половина его жизни; его ожидали впереди величайшіе труды и затрудненія, но вмѣстѣ съ тѣмъ новыя, высшія созданія его таланта, новая прекрасная семейная жизнь, непрерывные литературные успѣхи, возрастающая извѣстность и, наконецъ, въ послѣдніе годы, уплата всѣхъ долговъ, достатокъ и порядокъ въ денежныхъ дѣлахъ.

Когда мы видимъ, что въ 1866 году является „Преступленіе и Наказаніе“, въ 1868 „Идіотъ“, въ 1870 „Бѣсы“, то невольно приходитъ на мысль, что паденіе „Эпохи“ было счастливымъ событіемъ для литературы, что Федоръ Михайловичъ, поставленный въ необходимость писать какъ можно больше и какъ можно лучше, достигъ въ этихъ произведеніяхъ наибольшаго напряженія своихъ силъ. Если-бы „Эпоха“ существовала, эти силы пошли-бы на нее.

Всю остальную жизнь Федора Михайловича можно раздѣлить на два періода. Первый (1865—1871), когда созданы были эти романы, очень

трудный, наиболѣе плодотворный и проведенный большею частію заграницею. Послѣдній, начинающійся съ возвращенія въ Петербургъ (1872—1881), представляетъ новыя журнальныя попытки, въ видѣ редактированія — „Гражданина“, „Дневника“; но это — періодъ менѣе трудный, относительно спокойный и все болѣе и болѣе счастливый съ внѣшней стороны, по порядку въ дѣлахъ и по успѣхамъ въ публикѣ.

XV.

Тяжелый годъ. „Преступленіе и Наказаніе“.

Лѣтомъ 1865 года, въ концѣ іюля, Оедоръ Михайловичъ уѣхалъ за границу. Въ сентябрѣ и октябрѣ онъ жилъ въ Висбаденѣ (см. письма къ Врангелю). Въ ноябрѣ онъ уже опять былъ въ Петербургѣ и оставался здѣсь весь 1866 годъ. Этотъ годъ имѣлъ въ его жизни большое значеніе. Съ января сталъ появляться въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ романъ „Преступленіе и Наказаніе“, а осенью, 4-го октября 1866 года Оедоръ Михайловичъ познакомился съ Анной Григорьевной Сняткиной, своею будущею женою.

Въ продолженіе всего этого времени мы съ нимъ не видались. У насъ вышла первая размолвка, о которой не стану разсказывать. Отчасти, но лишь въ самой ничтожной части, тутъ участвовали и тѣ неудовольствія и затрудненія, которыя бывають при паденіи общаго дѣла. Приходится дѣлать общее несчастіе, и каждый изъ участниковъ естественно старается, чтобы его доля была какъ можно меньше. Грустно вспоминать черты эгоизма, которыя такимъ образомъ обнаруживаются. Но повторяю, *доля* не имѣли при нашей размолвкѣ никакого существеннаго значенія. Нечего и говорить, что Оедоръ Михайловичъ былъ очень внимателенъ къ своимъ сотрудникамъ, такъ что всѣ они сохранили къ нему уваженіе и расположеніе. Но онъ самъ былъ въ тискахъ, и невольно раздражался. Эта тѣнь неудовольствія, однако-же, быстро прошла. Д. В. Аверкіевъ и я были свидѣтелями со стороны Оедора Михайловича на его свадьбѣ, и много другихъ сошлись въ церкви и у него на дому послѣ совершенія таинства.

Впрочемъ, всего лучше привести ту записку, которая когда-то такъ тронула и обрадовала меня.

„Добрѣйшій и многоуважаемый

„Николай Николаевичъ!

„Въ воскресенье, 12-го февраля, если не произойдетъ чего нибудь

„слишкомъ необычайнаго, будетъ моя свадьба, вечеромъ, въ 8-мъ часу, въ Троицкомъ (Измайловскомъ) соборѣ. — Если вы, добрыйшій Николай Николаевичъ, захотите припомнить многіе годы нашихъ близкихъ и пріятельскихъ отношеній, то, вѣроятно, не подивитесь тому, что я въ счастливую (хотя и хлопотливую) минуту моей жизни припомнилъ объ васъ и пожелалъ сердцемъ видѣть васъ въ числѣ моихъ свидѣтелей и потомъ въ числѣ гостей моихъ по возвращеніи *молодыхъ домой*.

„Я имѣлъ твердое (и давнишнее) намѣреніе просить васъ лично; но въ настоящую минуту я, во первыхъ, захворалъ, а во вторыхъ — столько хлопотъ, столько еще не сдѣланныхъ и не исполненныхъ мелочей, покупокъ, распоряженій, что, при скверной моей памяти, просто растерялся, и потому простите великодушно, что приглашаю васъ запиской. Къ тому-же я до того одичалъ въ послѣдній годъ затворнической жизни и отупѣлъ отъ 44-хъ печатныхъ, написанныхъ мною въ одинъ годъ, листовъ, что даже и записочку-то эту написалъ съ чрезвычайнымъ трудомъ, не смотря на то, что чувствую искренно и о слогѣ не старался.

„А давненько-таки мы не видались! До свиданія-же. Крѣпко жму вашу руку.

„Вашъ искренній Федоръ Достоевскій“.

По болѣзни Федора Михайловича свадьба была отложена и происходила только 15-го февраля, въ среду.

Изъ этой записки уже видно, какъ тяжелы были для Федора Михайловича эти два года, 1865 и 1866. И нельзя не удивляться той энергіи, которую онъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ. Больной, одинокій, притѣняемый кредиторами, обремененный заботами о семьѣ покойнаго брата, онъ успѣваетъ справиться со всѣмъ этими тягостями и пишетъ лучшее свое произведеніе „Преступленіе и Наказаніе“. Какъ будто всѣ эти потери и гнетущія обстоятельства только давали ему болѣе глубокой взглядъ, только усиливали строгость и силу его творчества. Чрезвычайно характерны его слова (въ предъидущемъ письмѣ къ Врангелю): „А между тѣмъ все мнѣ кажется, что я только что собираюсь жить. Смѣшно, не правда-ли? Кошачья живучесть!“ И дѣйствительно, его ждала новая жизнь — новый періодъ дѣятельности и извѣстности, новая семья. Можетъ быть приведенныя слова даже прямо относятся къ его мечтамъ о женитьбѣ. Ставши вдовцомъ, онъ иногда, не смотря на всю тяжесть своихъ обстоятельствъ, дѣйствительно смотрѣлъ женихомъ — такъ, по крайней мѣрѣ, замѣчали зорыіе въ этомъ отношеніи женскіе глаза. Эта энергія и эти жизненные стремленія достигли своей цѣли. Новая женитьба скоро

доставила ему въ полной и даже необычайной мѣрѣ то семейное счастье, котораго онъ такъ желалъ; тогда стала легче и успѣшнѣе и жестокая борьба съ нуждою и долгами, борьба, однако же, долго тянувшаяся и кончившаяся побѣдою развѣ лишь за два, за три года до смерти неутомимаго борца. Чтобы дать ясное понятіе о трудахъ и успіяхъ Федора Михайловича, приведемъ опять его письмо, писанное въ этотъ трудный періодъ его жизни къ тому же А. Е. Врангелю.

„Петербургъ, 18 февраля 1866 г.

„Добрѣйшій и старый другъ мой, Александръ Егоровичъ, — я передъ
„вами виноватъ въ долгомъ молчаніи, но виноватъ безъ вины. Трудно
„было-бы мнѣ теперь описать вамъ всю мою теперешнюю жизнь и всѣ
„обстоятельства, чтобы дать вамъ ясно понять всѣ причины моего долгаго
„молчанія. Причины сложныя и многочисленныя, и потому ихъ не опи-
„сываю, но кой-что упомяну. Во 1-хъ, сижу надъ работой какъ каторж-
„никъ. Это тотъ романъ въ „Русскій Вѣстникъ“. Романъ большой въ
„6 частей. Въ концѣ ноября было много написано и готово; я все съегъ;
„теперь въ этомъ можно признаться. Мнѣ не понравилось самому. Новая
„форма, новый планъ меня увлекъ, и я началъ съзнава. Работаю я дни
„и ночи и всетаки работаю мало. По расчету выходить, что каждый
„мѣсяцъ мнѣ надо доставить въ „Русскій Вѣстникъ“ до 6-ти печатныхъ
„листовъ. Это ужасно, но я-бы доставилъ, если-бы была свобода духа.
„Романъ есть дѣло поэтическое, требуетъ для исполненія спокойствія
„духа и воображенія. А меня мучать кредиторы, т. е. грозятъ посадить
„въ тюрьму. До сихъ поръ не уладилъ съ ними, и еще не знаю на-
„вѣрно, — улажу-ли? — хотя многіе изъ нихъ благоразумны и принимаютъ
„предложеніе мое разсрочить имъ уплату на 5 лѣтъ; но съ нѣкоторыми
„не могъ еще до сихъ поръ сладить. Поймите, каково мое безпокойство.
„Это надрываетъ духъ и сердце, разстраиваетъ на нѣсколько дней, а
„тутъ садись и пиши. Иногда это невозможно. Вотъ почему и трудно
„найти минуту спокойную, чтобы поговорить съ старымъ другомъ. Ей-
„Богу! Наконецъ, болѣзни. Сначала, по пріѣздѣ, страшно безпокоила
„падучая; казалось она хотѣла наверстать мои три мѣсяца заграницей,
„когда ее не было. А теперь вотъ ужъ мѣсяцъ замучилъ меня геморой.
„Вы объ этой болѣзни, вѣроятно, не имѣете и понятія и каковы могутъ
„быть ея припадки. Вотъ уже третій годъ сряду она повадилась мучить
„меня два мѣсяца въ году, въ февралѣ и въ мартѣ. И каково-же: *пят-
„надцатъ дней* (!) долженъ былъ я пролежать на моемъ диванѣ и 15
„дней не могъ взять пера въ руки. Теперь въ остальные 15 дней мнѣ

„предстоитъ написать 5 листовъ! И лежать совершенно здоровому всѣмъ „организмомъ потому собственно, что ни стоять, ни сидѣть не могъ отъ „судорогъ, которыя сейчасъ начинались только что я вставалъ съ дивана! „Теперь дня три какъ мнѣ гораздо легче. Лечилъ меня Besser. Бросаюсь „на свободную минуту, чтобъ поговорить съ друзьями. Какъ меня мучило, „что я вамъ не отвѣчалъ! Но я и не вамъ, я и другимъ, которые имѣютъ „право на мое сердце, не отвѣчалъ. Упомянувъ вамъ о моихъ хлопотли- „выхъ дрязгахъ, я ни слова не сказалъ о непріятностяхъ семейныхъ, о „хлопотахъ безчисленныхъ по дѣламъ покойнаго брата и его семейства и „по дѣламъ покойнаго нашего журнала. Я сталъ нервнѣе, раздражите- „ленъ, характеръ мой испортился. Я не знаю до чего это дойдетъ. Всю „зиму я ни къ кому не ходилъ, никого и ничего не видалъ, въ театрѣ „былъ только разъ, на первомъ представленіи „Рогнеды“. И такъ про- „должится до окончанія романа, — если не посадятъ въ долговое отдѣле- „ніе. Не знаю, что буду дѣлать, когда кончу романъ. Главное, тогда „подновится мое литературное имя, и можно будетъ къ осени что нибудь „предпринять. У меня есть планъ, но надо быть благоразумнымъ. Вотъ „вамъ еще фактъ. Страшно усиливается подписка на всѣ журналы и „книжная торговля. Это послѣднія свѣдѣнія отъ книгопродавцевъ, да и „самъ имѣю факты.

„Теперь отвѣтъ на ваши слова. Вы пишете, что мнѣ лучше служить „въ коронной службѣ; врядъ-ли? Мнѣ выгоднѣе тамъ, гдѣ денегъ больше „можно достать. Я въ литературѣ имѣю уже такое имя, что вѣрный ку- „сокъ хлѣба (кабы не долги) — всегда бы у меня былъ, да еще сладкій, „богатый кусокъ, какъ и было вплоть до послѣдняго года. Кстати раз- „скажу вамъ о теперешнихъ моихъ литературныхъ занятіяхъ, и изъ этого „вы узнаете, въ чемъ тутъ дѣло. Изъ заграницы, будучи придавленъ „обстоятельствами, я послалъ Каткову предложеніе за самую низкую для „меня плату 125 р. съ листа ихняго, т. е. 150 р. съ листа „Современ- „ника“. Они согласились. Потомъ я узналъ, что согласились съ радостію, „потому что у нихъ изъ беллетристики на этотъ годъ ничего не было: „Тургеневъ не пишетъ ничего, а съ Львомъ Толстымъ они поссорились. „Я явился на выручку (все это я знаю изъ вѣрныхъ рукъ). Но они страшно „со мной осторожничали и политиковали. Дѣло въ томъ, что они страш- „ные скряги. Романъ имъ казался великъ. Платить за 25 листовъ (а мо- „жетъ быть и за 30) по 125 р. ихъ пугало. Однимъ словомъ, вся ихъ „политика въ томъ (ужъ ко мнѣ засылали), чтобъ сбавить плату съ ли- „ста, а у меня въ томъ, чтобъ набавить. И теперь у насъ идетъ глухая „борьба. Имъ очевидно хочется, чтобъ я пріѣхалъ въ Москву. Я-же вы-

„жду, и вотъ въ чемъ моя цѣль: если Богъ поможетъ, то романъ этотъ
 „можетъ быть великолѣпнѣйшею вещью. Мнѣ хочется, чтобъ не менѣе
 „3-хъ частей (т. е. половина всего) была напечатана, эффектъ въ пуб-
 „ликѣ будетъ произведенъ, и тогда я поѣду въ Москву и посмотрю, какъ
 „они тогда мнѣ сбавятъ? Напротивъ, можетъ быть, прибавятъ. Это бу-
 „детъ въ Свѣтѣ. И кромѣ того стараюсь не забирать тамъ денегъ впе-
 „редъ, жмусь и живу нищенски. Мое отъ меня не уйдетъ, а если заби-
 „рать впередъ, то я уже нравственно не свободенъ, когда буду впоследъ-
 „ствіи окончательно говорить съ ними объ уплатѣ. Недѣли двѣ тому на-
 „задъ вышла первая часть моего романа въ первой январской книгѣ
 „Русскаго Вѣстника“. Называется: „Преступленіе и Наказаніе“. Я уже
 „слышалъ много восторженныхъ отзывовъ. Тамъ есть смѣлыя и новыя
 „вещи. Какъ жаль мнѣ, что я вамъ не могу послать! Неужели у васъ ни-
 „кто не получаетъ „Русскаго Вѣстника“?

„Теперь слушайте: предположите, что мнѣ удастся хорошо окончить,
 „такъ, какъ-бы я желалъ; вѣдь я мечтаю, знаете, объ чемъ: продать его
 „нынешняго-же года книгопродавцу вторымъ изданіемъ, и я возьму еще
 „тысячи *девѣ* или *три* даже. Вѣдь этого не дастъ коронная служба? А
 „продамъ-то я вторымъ изданіемъ навѣрно, потому что ни одно мое сочи-
 „неніе не обходилось безъ этого. Но вотъ въ чемъ бѣда. Я могу испортить
 „романъ, и я это предчувствую. Если посадятъ въ тюрьму за долги, то
 „навѣрно испорчу и даже не dokonчу; тогда все лопнетъ. Но я слишкомъ
 „много разболтался о себѣ. Не считите за эгоизмъ! Это бываетъ со всѣми,
 „которые слишкомъ долго сидятъ въ своемъ углу и молчатъ. Вы пишете,
 „что вы и все ваше семейство перехворали. Это тяжело: хотъ здоровьемъ-
 „то заграничная жизнь должна-бы васъ была вознаградить! Чтѣ было-бы
 „съ вами и съ вашимъ семействомъ эту зиму въ Петербургѣ! Это ужасъ,
 „что у насъ было, а лѣтомъ еще пожалуй холера пожалуетъ. Передайте
 „вашей женѣ мои искреннія чувства уваженія и желаніе всевозможнаго
 „ей счастья, а главное—пусть начнется съ здоровья! Добрый другъ мой,
 „вы по крайней мѣрѣ счастливы въ семействѣ, а мнѣ отказала судьба въ
 „этомъ великомъ и *единственномъ* человѣческомъ счастьѣ. Да, для се-
 „мейства вы многимъ обязаны. Вы мнѣ пишете о предложеніи вашего
 „отца и что вы отказались. Я не имѣю права ничего вамъ тутъ совѣто-
 „вать, собственно потому, что въ *полнотѣ* дѣла не знаю. Но вотъ въ
 „чемъ примите совѣтъ друга: не рѣшайтесь поспѣшно, не говорите по-
 „слѣдняго слова и оставьте окончательное рѣшеніе до лѣта, когда сами
 „пріѣдете. Эти рѣшенія дѣлаются на всю жизнь; тутъ переворотъ всей
 „жизни. Даже, еслибъ вы и порѣшили лѣтомъ продолжать службу, то

„всетаки не говорите окончательнаго слова и оставьте разрѣшить впослѣдствіи обстоятельствамъ.“

„Лѣтомъ, я думаю, навѣрно буду въ Петербургѣ; стало быть мы увидимся. Тогда поговоримъ о многомъ. Кстати, я очень радъ, что васъ такъ интересуетъ наша внутренняя, русская, умственная и гражданская жизнь. Мнѣ, какъ другу, очень пріятно, что вы такой, хотя не во всемъ съ вами согласенъ. На многое смотрите вы нѣсколько исключительно. Не черпаете-ли вы извѣстія изъ иностранныхъ газетъ? Тамъ систематически искажаютъ все, что касается Россіи. Но это обширный вопросъ. По моему, живя за границей, дѣйствительно подпадаешь подъ вліяніе иностранной прессы. Я это даже на себѣ испыталъ. Но однакожь во многомъ, и очень даже, я предчувствую, что съ вами согласенъ.— „Вѣсть“ издается двумя издателями-редакторами: *Скарятинымъ* и *Юматовымъ*. Прощайте, добрый другъ мой, до свиданія! Надѣюсь, въ будущемъ письмѣ обмѣняться съ вами болѣе счастливыми извѣстіями. Далъ-бы Богъ! А теперь

„Вашъ весь *О. Достоевскій*.“

„Почалуйте милыхъ дѣтокъ вашихъ.“

(Приписка съ боку). „Всѣ ваши оставшіяся у меня вещи въ цѣлости и лежать въ комодѣ. Другъ мой, я вамъ долженъ. Подождите нѣсколько; отдамъ. Теперь же скряжничая, а если-бы вы знали, сколько уже долженъ былъ истратить денегъ!“

Это письмо лучше всякихъ разсказовъ изображаетъ и денежные дѣла, и литературные труды, и состояніе духа и тѣла Федора Михайловича. Прибавлю нѣсколько подробностей, сохранившихся въ моей памяти. Впечатлѣніе, произведенное романомъ „Преступленіе и Наказаніе“, было необычайное. Только его и читали въ этомъ 1866 году, только объ немъ и говорили охотники до чтенія, говорили, обыкновенно жалуясь на подавляющую силу романа, на тяжелое впечатлѣніе, отъ котораго люди съ здоровыми нервами почти заболѣвали, а люди съ слабыми нервами принуждены были оставлять чтеніе. Но всего поразительнѣе было случившееся при этомъ совпаденіе романа съ дѣйствительностію. Въ то самое время, когда вышла книжка „Русскаго Вѣстника“ съ описаніемъ преступленія Раскольникова, въ газетахъ появилось извѣстіе о совершенно подобномъ преступленіи, происшедшемъ въ Москвѣ. Какой-то студентъ убилъ и ограбилъ ростовщика и, по всѣмъ признакамъ, сдѣлалъ это изъ

нигилистическаго убѣжденія, что дозволены все средства, чтобы исправить неразумное положеніе дѣлъ. Убіѣство было совершено, если не ошибаюсь, дня за два или за три до появленія „Преступленія и Наказанія“. Не знаю, были-ли поражены этимъ читатели, но Ө. М. очень это замѣтилъ, часто говорилъ объ этомъ и гордился такимъ подвигомъ художественной проницательности. Припоминаю я также, что покойный М. П. Покровскій, много лѣтъ спустя, рассказывалъ, какъ сильно подѣйствовалъ этотъ романъ на молодыхъ людей, бывшихъ въ ссыльѣ въ одномъ изъ городовъ Европейской Россіи. Нашелся даже юноша, который сталъ на сторону Раскольникова и нѣкоторое время носился съ мыслью совершить нѣчто подобное его преступленію, и лишь потомъ одумался. Такъ вѣрно была схвачена авторомъ эта логика людей, оторвавшихся отъ основъ и дерзко идущихъ противъ собственной совѣсти.

Успѣхъ былъ чрезвычайный, но не безъ сопротивленія. Въ началѣ 1867 года, я помѣстилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ разборъ „Преступленія и Наказанія“, разборъ, писанный очень сдержаннымъ и сухимъ тономъ. Эта статья памятна мнѣ въ двухъ отношеніяхъ. Ө. М., прочитавши ее, сказалъ мнѣ очень лестное слово: „вы одни меня поняли“. Но редакція была недовольна и прямо меня упрекнула, что я расхвалилъ романъ *попріятельски*. Я же, напротивъ, былъ виноватъ именно въ томъ, что холодно и вяло говорилъ о такомъ поразительномъ литературномъ явленіи.

XVI.

ЖЕНИТЬБА.

Съ Анной Григорьевной Өедоръ Михайловичъ познакомился по тому поводу, что вздумалъ прибѣгнуть къ стенографіи. Осенью 1866 года, ему нужно было къ сроку исполнить одно обязательство. Именно, — онъ продалъ Стелловскому право на изданіе своихъ сочиненій, съ условіемъ, что въ это изданіе войдетъ повѣсть нигдѣ не напечатанная. Срокъ доставки повѣсти былъ обозначенъ въ контрактѣ; Өедоръ Михайловичъ началъ писать „Игрока“, но видя, что не поспѣетъ, если будетъ писать обыкновеннымъ порядкомъ, пригласилъ къ себѣ стенографку; къ нему явилась незнакомая дѣвушка, — которой суждено было стать его женою. Въ послѣдствіи Анна Григорьевна постоянно продолжала ему помогать. Именно, когда у него были приготовлены черновые наброски со всевозможными поправками, пометками, вставками и т. д., онъ диктовалъ ей съ этихъ

набросковъ. Она записывала стенографически, а потомъ переписывала свою стенографію; получался четкій и отчетливый списокъ.

Подробности о дѣлахъ того времени, приведшихъ къ такому счастливому событію, сохранились въ одномъ письмѣ Ѳеодора Михайловича (къ Василю Ивановичу Губину, изъ Дрездена, отъ 8-го мая 1871 года), изъ котораго мы приведемъ здѣсь выдержки.

„Стелловскій купилъ у меня сочиненія лѣтомъ 1865 года, слѣдующимъ образомъ: я былъ въ обстоятельствахъ ужасныхъ. По смерти брата въ 1864 году, я взялъ многіе изъ его долговъ на себя, и 10,000 руб., „собственныхъ денегъ (доставшихся мнѣ отъ тетки) употребилъ на про- „долженіе изданія „Эпохи“, братняго журнала, въ пользу его семейства, „не имѣя въ этомъ журналѣ ни малѣйшей доли и даже не имѣя права по- „ставить на оберткѣ мое имя, какъ редактора. Но журналъ лопнулъ, „пришлось оставить. Затѣмъ, я продолжалъ платить долги брата и жур- „нальные, чѣмъ могъ. Много я надавалъ векселей, между прочимъ (сей- „часъ послѣ смерти брата) одному Д....у; этотъ Д....ъ пришелъ ко мнѣ „и умолялъ переписать векселя брата (онъ доставлялъ брату бумагу) на „мое имя и давалъ честное слово, что онъ будетъ ждать сколько угодно. „Я сдуру переписалъ. Лѣтомъ 1865 года, меня начинаютъ преслѣдовать „по векселямъ Д....а и еще какимъ-то (не помню). Съ другой стороны, „служащій въ типографіи (тогда у Праца) Гавриловъ предъявилъ тоже „свой вексель въ 1,000 рублей, который я ему выдалъ, нуждался въ день- „гахъ по продолженію чужаго журнала. . . . И вотъ въ тоже самое „время Стелловскій вдругъ присылаетъ съ предложеніемъ: не продамъ ли „я ему сочиненія за три тысячи, съ написаніемъ особаго романа и проч. „и проч.—то есть на самыхъ унижительныхъ условіяхъ. Подождать бы, „такъ я бы взялъ съ книгопродавцевъ за право изданія по крайней мѣрѣ „вдвое, а если бы подождать годъ, то конечно втрое, ибо черезъ годъ одно „„Преступленіе и Наказаніе“ продано было вторымъ изданіемъ за „7,000 руб. долгу (все по журналу, — Базунову, Працу и одному бумаж- „ному поставщику). Такимъ образомъ, я на братняй журналъ и на его „долги истратилъ 22 или 24 тысячи, т. е. уплатилъ своими силами, и „теперь еще на мнѣ долгу тысячъ до пяти. Стелловскій далъ мнѣ тогда „10 или 12 дней сроку думать. Это же былъ срокъ описи и ареста по „долгамъ. Замѣтьте, что Д....нъ векселя предъявилъ нѣкто надворный „совѣтникъ Б. (когда-то самъ пописывалъ, переводилъ Гёте; нынѣ же, „кажется, мировымъ судьей на Васильевскомъ Островѣ. . . .). Въ эти „десять дней я толкался вездѣ, чтобы достать денегъ для уплаты вексе- „лей, чтобы избавиться продавать сочиненія Стелловскому на такихъ

„ужасныхъ условіяхъ. Былъ и у Б. разъ 8 и никогда не заставлялъ его дома. Наконецъ узналъ (отъ квартальнаго, съ которымъ сблизился „и котораго фамилію теперь забылъ), что Б. другъ Стелловскаго „давнишній, ходитъ по его дѣламъ и пр. Тогда я согласился и мы написали этотъ контрактъ, копія котораго у васъ въ рукахъ. Я расплатился съ Д.....ъ, съ Гавриловымъ и съ другими, и съ оставшимися „35 полумперіалами поѣхалъ за границу.

„Я воротился въ октябрѣ, съ начатымъ за границей романомъ „Преступленіе и Наказаніе“ и войдя въ сношеніе съ „Русскимъ Вѣстникомъ“, „отъ котораго и получилъ нѣсколько денегъ впередъ. По написаніи лѣтомъ контракта съ Стелловскимъ, я прямо сказалъ Стелловскому, что я „не поспѣю написать ему романъ къ 1 ноября 1865 года. Онъ отвѣчалъ „мнѣ, что онъ и не претендуетъ, что онъ и издавать не думаетъ раньше „какъ черезъ годъ, но просилъ меня, чтобъ я къ 1 ноября 1866 года „былъ акуратнѣе. Все это было на словахъ и между четырехъ глазъ, но „страшныя неустойки, если я манѣирую къ 1 ноября 1866 года, остались „въ контрактѣ“.

Вотъ обстоятельства, по которымъ никакія отсрочки въ писаніи романа оказывались невозможными и нужно было прибѣгнуть къ стенографіи. Анну Григорьевну Сниткину рекомендовалъ Ѳеодору Михайловичу Павелъ Матвѣевичъ Ольхинъ, извѣстный преподаватель стенографіи. Онъ въ 1866 г. въ мартѣ мѣсяцѣ открылъ въ зданіи шестой гимназіи курсъ стенографіи, на который сначала явилось множество желающихъ приобрести средство къ независимому заработку, и въ числѣ ихъ Анна Григорьевна. Записалось сперва до 150 человекъ, но быстро стали отставать, такъ что къ маю осталась едва-ли половина начавшихъ курсъ, а въ сентябрѣ всѣхъ желавшихъ продолжать было не болѣе 12-ти. Самую успѣшною ученицею была Анна Григорьевна. Она незадолго передъ этими курсами кончила курсъ въ Маріинской гимназіи и въ этомъ-же году (28 апрѣля) потеряла отца; поэтому, занятія были для нея и средствомъ заглушить горе и надеждою на возможность что-нибудь зарабатывать.

На предложеніе П. М. Ольхина — взять работу у Ѳеодора Михайловича Анна Григорьевна согласилась съ радостью. Достоевскій былъ однимъ изъ любимыхъ писателей ея покойнаго отца, — да и вся семья читала его съ жадностію. У другихъ своихъ родственниковъ Анна Григорьевна даже получила названіе „Нечочки Незвановой“, на томъ основаніи, что приходила къ нимъ иногда незваная.

Повѣсть „Игрокъ“ была уже начата, но только начата Ѳеодоромъ Михайловичемъ, и онъ сталъ диктовать Аннѣ Григорьевнѣ продолженіе.

Нужно было написать не менѣ 7 печатныхъ листовъ. Названіе было первоначально „Рулетенбургъ“, но потомъ, по просьбѣ Стелловскаго, переименовано на „Игрокъ“. Повѣсть эта появилась въ изданіи: „Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ“, въ которое вошли сочиненія А. О. Писемскаго, Вс. Вл. Крестовскаго, гр. Л. Н. Толстаго и наконецъ О. М. Достоевскаго. Большіе томы въ два столбца.

Анна Григорьевна обыкновенно приходила къ Ѳедору Михайловичу около полудня, и они работали до 2-хъ или 3-хъ часовъ. Сначала Ѳедоръ Михайловичъ прочитывалъ то, что было имъ продиктовано наканунѣ и теперь было принесено уже переписанное, а потомъ диктовалъ дальше. Такъ продолжалось съ 4-го по 30-е октября, когда повѣсть была кончена. Этому окончанію очень радовался Ѳедоръ Михайловичъ и даже затѣвалъ по этому поводу обѣдъ съ близкими пріятиями. 31-го октября онъ повезъ рукопись къ Стелловскому, но не засталъ его дома и даже не могъ узнать, гдѣ онъ находится. Тогда Ѳедоръ Михайловичъ поѣхалъ въ магазинъ Стелловскаго (на Б. Морской) и хотѣлъ сдать рукопись подъ росписку приказчику, но тотъ отказался принять ее, говоря, что хозяинъ на это его не уполномочивалъ. Затрудненіе было не малое, и изъ него вывелъ Ѳедора Михайловича одинъ изъ знакомыхъ, посоветовавъ ему отвезти рукопись въ ту часть, гдѣ проживалъ Стелловскій, и вручить приставу подъ росписку для передачи Стелловскому. Такъ и сдѣлано было.

Свадьба Ѳедора Михайловича и Анны Григорьевны состоялась 15 февраля 1867 года.

Отъ этого брака было четверо дѣтей. Первымъ ребенкомъ была дочь, Софья, родившаяся въ Женевѣ 22 февраля 1868 и тамъ же скончавшаяся 12 мая того же года. Второе дитя, дочь Любовь, родилась въ Дрезденѣ 14 сентября 1869 г. Третье, сынъ Ѳедоръ, родился въ Петербургѣ 16 іюля 1871 года. Послѣдній ребенокъ, Алексѣй, родился въ Старой Руссѣ 12 августа 1875 года и умеръ въ Петербургѣ 16 мая 1878 года.

ХVII.

Годы за границую.

Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, именно 14-го апрѣля 1867 года, молодые уѣхали за границу, гдѣ имъ суждено было пробыть гораздо дольше, чѣмъ они предполагали и желали. Они вернулись въ Петербургъ только 8-го іюля 1871 года, слѣдовательно, провели въ Россіи *четыре* года съ большимъ лишкомъ. За это время у меня не можетъ быть ника-

бихъ воспоминаній, кромѣ заочныхъ. Но зато къ этому времени относятся два длинные ряда писемъ, одинъ къ А. Н. Майкову, другой ко мнѣ. Читатель найдетъ эти письма въ приложеніи и изъ нихъ всего лучше можетъ познакомиться со многими чертами и виѣшней и внутренней жизни Федора Михайловича.

Скажу нѣсколько словъ вообще объ этихъ письмахъ. Въ нихъ постоянно слышится чистота намѣреній, искренность, прямота. Не забудемъ, что авторъ ихъ былъ человѣкъ, въ которомъ непрерывно совершались очень сильныя и сложныя душевныя движенія; но изъ писемъ ясно, что онъ легко становился выше этихъ движеній и съ этой высоты умѣлъ судить свои дѣла и отношенія, себя и другихъ, судить безпристрастнымъ, великодушнымъ судомъ. Онъ рассказываетъ свои слабости и затрудненія, онъ волнуется и проситъ, жалуется и кается, но вездѣ видно, что онъ никогда не теряетъ совершенно ни твердости, ни правильного взгляда на обстоятельства и людей.

Письма эти составляли большую отраду тѣхъ, къ кому они были писаны. Скажу, по крайней мѣрѣ, про себя, что чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ наши заочныя отношенія становились все лучше и теплѣе, тѣмъ оживленнѣе шла переписка. Всякія мелочи, случайности, постороннія чувства отбрасываются въ сторону, когда мы обращаемся къ отсутствующему, и потому тутъ люди сближаются лучшими своими сторонами, и сближаются иногда тѣснѣе, чѣмъ при свиданіяхъ и разговорахъ. Но, кромѣ того, я совершенно убѣжденъ, что эти четыре съ лишнимъ года, проведенные Федоромъ Михайловичемъ за границею, были лучшимъ временемъ его жизни, т. е. такимъ, которое принесло ему всего больше глубокихъ и чистыхъ мыслей и чувствъ. Онъ очень усиленно работалъ и часто нуждался; но онъ имѣлъ покой и радость счастливой семейной жизни, и почти все время жилъ въ совершенномъ уединеніи, то есть вдали отъ всякихъ значительныхъ поводовъ оставлять прямой путь развитія своихъ мыслей и глубокой душевной работы. Рожденіе дѣтей, забота объ нихъ, участіе одного супруга въ страданіяхъ другаго, даже самая смерть перваго ребенка,—все это чистыя, иногда высокія впечатлѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что именно за границей, при этой обстановкѣ и этихъ долгихъ и спокойныхъ размышленіяхъ, въ немъ совершилось особенное раскрытіе того христіанскаго духа, который всегда жилъ въ немъ. Въ его письмахъ подъ конецъ вдругъ раздались звуки этой струны; она стала звучать въ немъ такъ сильно, что онъ не могъ оставлять эти звуки для себя одного, какъ это дѣлалъ прежде. Объ этой существенной перемѣнѣ однако-же, письма, не даютъ полного понятія. Но она очень ясно обнаружилась для всѣхъ знакомыхъ, когда

Федоръ Михайловичъ вернулся изъ заграницы. Онъ сталъ безпрестанно сводить разговоръ на религіозныя темы. Мало того; онъ перемѣнился въ обращеніи, получившемъ большую мягкость и впадшемъ иногда въ полную кротость. Даже черты лица его носили слѣдъ этого настроенія и на губахъ появлялась нѣжная улыбка. Помню маленькую сцену въ Славянскомъ Комитетѣ. Мы входили вмѣстѣ и съ нами поздоровался И. И. Петровъ. „Кто это?“ спросилъ меня Федоръ Михайловичъ, или незнавшій его, или забывшій, какъ онъ безпрестанно забывалъ людей, съ которыми даже часто встрѣчался. Я сказалъ ему и прибавилъ: „какой чудесный, чудеснѣйшій человѣкъ!“ Глаза Федора Михайловича ласково заблестѣли, онъ съ большою любовью поглядѣлъ на другихъ присутствовавшихъ и потихоньку сказалъ мнѣ: „да всѣ люди — существа прекрасныя!“ Искренность и теплота такъ и свѣтились въ немъ при этихъ словахъ.

Лучшія христіанскія чувства, очевидно, жили въ немъ, тѣ чувства, которыя все чаще и яснѣе выражались и въ его сочиненіяхъ. Такимъ онъ вернулся изъ заграницы.

Указавши общій характеръ этого заграничнаго житія и его внутреннее значеніе, приведу теперь внѣшнія обстоятельства и подробности, чтобы читатель имѣлъ руководящую нить при чтеніи писемъ.

Въ 1867 году (14 апрѣля), выѣхавши за границу, Достоевскіе черезъ Берлинъ проѣхали въ Дрезденъ и пробыли здѣсь два мѣсяца. Федоръ Михайловичъ принялся тутъ за статью „Мои воспоминанія о Бѣлинскомъ“. Эта статья по условію готовилась имъ для литературнаго сборника „Чаша“, который затѣянъ былъ въ Москвѣ покойнымъ К. И. Бабиковымъ, однимъ изъ молодыхъ сотрудниковъ „Времени“ и „Эпохи“, авторомъ романа „Глухая Улица“ и другихъ произведеній, имѣвшихъ нѣкоторый успѣхъ и исполнивъ его стоившихъ. Статья эта была кончена только въ Женевѣ, уже въ половинѣ сентября, была отослана А. Н. Майкову, имъ передана А. О. Вазунову и затѣмъ пропала безъ вѣсти, какъ и другія статьи, приготовленные для „Чаши“. Этому сборнику не суждено было явиться въ свѣтъ.

Въ Дрезденѣ Анна Григорьевна принялась усердно изучать „Галерею“. Федоръ Михайловичъ также любилъ ходить туда, но останавливался преимущественно на своихъ любимыхъ картинахъ. Это были: „Сикстинская Мадонна“, „Ночь“ Корреджіо, „Христосъ съ монетою“ Тиціана, „Голова Христа“ Аннибала Караччи и „Abendlandschaft“ Клодъ Лоррена. О послѣдней картинѣ съ большимъ одушевленіемъ говорится въ „Подросткѣ“. Кромѣ того, онъ полюбилъ картины Рюсдаля, особенно его „Охоту“.

Въ половинѣ іюня 1867 года Достоевскіе выѣхали изъ Дрездена въ Швейцарію, по дорогѣ остановились въ Баденъ-Баденъ и вынуждены были прожить здѣсь полтора мѣсяца. Ѳедоръ Михайловичъ увлекся рулеткою, сперва выигралъ, потомъ проигрался, и только благодаря деньгамъ, полученнымъ отъ М. Н. Каткова, могъ выѣхать изъ Баденъ-Бадена. Въ Женеву они пріѣхали съ 30-ю франками; но душевное настроеніе Ѳедора Михайловича сейчасъ-же поправилось, когда онъ избавился, наконецъ, отъ душившаго его два мѣсяца кошмара—мечты выиграть на рулеткѣ.

Въ Женевѣ проведена была зима 1867—68 года. Ѳедоръ Михайловичъ писалъ въ это время „Идіота“, который сталъ появляться въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ съ января 1868 г. Жизнь Достоевскіе вели уединенную и однообразную. Ѳедоръ Михайловичъ вставалъ въ 11 или 12 часовъ, пилъ кофе, садился за работу и работалъ до 3-хъ; потомъ со своей черновой диктовалъ Аннѣ Григорьевнѣ. Въ четыре часа они шли обѣдать въ какой нибудь ресторанъ; послѣ обѣда Ѳедоръ Михайловичъ шелъ читать русскія газеты. Вечеромъ передъ чаемъ шли гулять; потомъ въ 10 часовъ Ѳедоръ Михайловичъ снова садился за работу и занимался до 4 или 5 часовъ утра.

Знакомыхъ въ Женевѣ не было никого, кромѣ Огарева, который иногда заходилъ и даже выручалъ Достоевскихъ въ случаѣ, крайней нужды, давая въ займы пять или десять франковъ. Рожденіе дочери (22 февраля 1868) было большимъ счастьемъ для обоихъ супруговъ и очень оживило Ѳедора Михайловича. Всѣ свободныя минуты онъ проводилъ у ея колысочки и радовался каждому ея движенію. Но это продолжалось менѣе трехъ мѣсяцевъ. Смерть ея была страшнымъ и неожиданнымъ ударомъ. Ѳедоръ Михайловичъ всю жизнь не могъ забыть свою первую дѣвочку и всегда вспоминалъ о ней съ сердечной болью. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Эмсъ онъ нарочно съѣздилъ въ Женеву, чтобы побывать на ея могилѣ.

Въ Женевѣ, кромѣ того, что все напоминало Достоевскимъ объ ихъ потерѣ, было вообще неудобно и непріятно. Въ концѣ мая 1868 года имъ удалось, наконецъ, изъ нея выбраться, и они поселились въ Vevey, на Женевскомъ озерѣ, и тутъ провели лѣто. Въ началѣ сентября переебрались черезъ Симплонъ въ Италію, пробыли два мѣсяца въ Миланѣ и поселились на зиму (1868—69) во Флоренціи. Все это время продолжалось писаніе „Идіота“, окончаніе котораго появилось отдѣльнымъ приложеніемъ къ „Русскому Вѣстнику“ 1869 (къ январской или февральской книжкѣ).

Жизнь во Флоренціи была такъ же однообразна, какъ въ Женевѣ. Но

здѣсь были знаменитыя галереи, и не только Анна Григорьевна, но и Ѳеодоръ Михайловичъ часто посѣщали Uffizi и Palazzo Pitti. Любимыя его картины были: „Madonna della sedia“ и „Іоаннъ Креститель“ Рафаэля. Посѣщались также, разумѣется всегда вдвоемъ, различныя церкви и монастыри. Ѳеодоръ Михайловичъ особенно восхищался колокольною (campanile) собора Maria del Fiore, а также удивительными дверями Battisterio, porta Ghiberti. Восхищеніе его доходило до того, что онъ не разъ мечталъ, какъ хорошо-бы имѣть столько денегъ, чтобы купить фотографію этихъ дверей въ натуральную величину.

Во Флоренціи была читальня, гдѣ получались и русскіе газеты и журналы. Кромѣ того, Ѳеодоръ Михайловичъ пересчитывалъ здѣсь писателей сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, особенно Бальзака и Жоржа Занда. Знакомыхъ и во Флоренціи нѣкого не было, такъ что въ теченіе десяти мѣсяцевъ житія въ Италіи Достоевскимъ не пришлось ни разу говорить съ кѣмъ-нибудь по-русски. Ѳеодоръ Михайловичъ всегда впрочемъ съ чрезвычайной симпатіей относился къ итальянцамъ, находилъ ихъ простыми и добродушными, а людей изъ простаго народа похожими на русскихъ мужиковъ и бабъ.

Иногда Достоевскіе ходили и въ театръ, но очень рѣдко, такъ какъ постоянно нуждались въ деньгахъ.

Въ іюль 1869 г., они оставили Флоренцію и черезъ Венецію, Триестъ, Вѣну и Прагу вернулись въ Дрезденъ.

Венеція произвела на Ѳеодора Михайловича чарующее впечатлѣніе; часто онъ говорилъ потомъ, какъ о любимой мечтѣ, о желаніи поѣхать опять въ Венецію, а потомъ на востокъ, въ Константинополь и Іерусалимъ.

Сначала рѣшено было поселиться въ Прагѣ; Ѳеодоръ Михайловичъ очень интересовался тогда славянами и хотѣлъ познакомиться съ Ригромъ и Палацкимъ. По несчастію, въ Прагѣ невозможно было найти меблированной квартиры, а покупать мебель было не на что. Пришлось поселиться въ Дрезденѣ. Здѣсь 14 сентября родилась вторая дочь и наполнила жизнь скитающихся супруговъ новыми заботами и радостями. Ѳеодоръ Михайловичъ былъ очень счастливъ, что родилась дѣвочка, какъ онъ этого постоянно желалъ послѣ смерти первой дочери. Онъ былъ занятъ новымъ дитятею безпрестанно, и первый вопросъ его по пробужденіи былъ: „что Лилиа“? Онъ угадывалъ и исполнялъ всѣ ея малѣйшія желанія.

Въ концѣ 1869 г., писалась повѣсть „Вѣчный Мужъ“, а весь 1870 г. романъ „Вѣсы“, который „Русскій Вѣстникъ“ сталъ печатать съ начала 1871 года.

Знакомыхъ и въ Дрезденѣ было очень мало; Ѳеодоръ Михайловичъ

вообще не любилъ сближаться съ русскими за границую. Газеты читались по прежнему; Ѳеодоръ Михайловичъ, какъ и вся Россія, живо интересовался военными дѣйствіями во время франко-прусской войны и приходилъ въ отчаяніе отъ пораженія французовъ, на сторонѣ которыхъ были всѣ его симпатіи.

Ѳеодоръ Михайловичъ во все время пребыванія за границую получалъ „Русскій Вѣстникъ“, а съ 1869 года и „Зарю“. Но кромѣ того онъ читалъ и другія русскія книги. Нѣкоторыя были взяты имъ съ собою, напр. „Странствія Инока Паренія“, „Сочиненія Бѣлинскаго“, „Исторія Россіи Соловьева“; другія онъ выписывалъ, напр., „Войну и Миръ“ Л. Н. Толстаго. Но постояннымъ чтеніемъ его было Евангеліе; онъ читалъ его по той самой книгѣ, которую имѣлъ въ каторгѣ и съ которою никогда не разставался.

Въ Дрезденѣ пришлось пробыть почти два года и, по свидѣтельству Анны Григорьевны, которой мы обязаны многими изъ предъидущихъ подробностей, житье за границую стало особенно тяжело въ эти годы для Ѳеодора Михайловича. Онъ все больше тяготился мыслью, что отсталъ отъ Россіи, не знаетъ ея. Въ своихъ письмахъ онъ часто выражаетъ эту мысль и тоску по Россіи. Но воротиться было трудно, потому что нужно было сразу имѣть поридочныя деньги; приходилось бы не только расплатиться на мѣстѣ, не только обзаводиться въ Петербургѣ, но и платить по векселямъ и долгамъ, оставшимся отъ „Эпохи“. Долго Достоевскіе поджидали благопріятныхъ обстоятельствъ; но собрать сколько нибудь денегъ имъ не удавалось. Не смотря на чрезвычайно скромную жизнь, всѣ получавшіяся деньги уходили; значительная часть ихъ шла на поддержку вдовы покойнаго брата, а также пасынка, кромѣ того на уплату процентовъ за заложенные при отъѣздѣ вещи (которыя въ концѣ концовъ все-таки пропали). Не видя выхода изъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ и въ то же время чувствуя, что имъ стало совершенно невыносимо долѣе оставаться за границею, Достоевскіе рѣшили наконецъ принять всѣ тяжелыя послѣдствія своего пріѣзда и вернулись въ Петербургъ 8-го іюля 1871 г. Здѣсь 16-го іюля у нихъ родился первый ихъ сынъ, Ѳеодоръ.

XVIII.

Жизнь въ Петербургѣ.

Послѣднее десятилѣтіе своей жизни Ѳеодоръ Михайловичъ провелъ въ Петербургѣ, дѣлая конечно нѣкоторыя поѣздки, особенно лѣтомъ.

Характеръ этого періода—болѣе и болѣе порядка и опредѣленности всѣхъ вѣдшихъ обстоятельствъ, отсутствіе всякихъ передрыгъ и переворотовъ, лучшее и лучшее денежное положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, все шире и шире развертывающаяся дѣятельность и все быстрѣе и быстрѣе возрастающая популярность.

Особенные эпизоды этого періода составляютъ редактированіе „Гражданина“ въ 1873 году и изданіе „Дневника Писателя“ въ 1876 и 1877 годахъ.

Редакція „Гражданина“ была предложена Ѳедору Михайловичу княземъ Вл. П. Мещерскимъ, который, познакомившись съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, почувствовалъ къ нему чрезвычайное расположеніе, охотно и искренно поддавался его вліянію. За редактированіе Ѳедоръ Михайловичъ получалъ 250 р. въ мѣсяцъ, сверхъ платы за статьи. Читатели, которые вздумаютъ перечестъ „Гражданинъ“ за этотъ годъ, тотчасъ увидятъ, какъ много старанія и труда положено было на журналъ его редакторомъ. Заботливость была величайшая. Съ своей стороны, не смотря на нѣсколько охладившіяся отношенія, я считалъ долгомъ усердно писать тогда въ „Гражданинѣ“, въ которомъ впрочемъ былъ сотрудникомъ съ самаго его начала; только въ первыхъ мѣсяцахъ 1873 года мнѣ не пришлось участвовать въ журналѣ, потому что меня не было въ Петербургѣ. Около Святой, мнѣ помнится, произошла въ кружкѣ „Гражданина“ большая тревога; говорили, что изданіе невозможно продолжать и Ѳедоръ Михайловичъ былъ нѣкоторое время въ большомъ безпокойствѣ. Но все кончилось благополучно, и журналъ до конца года издавался подъ тою же редакціею и съ тою же заботливостію. Не могу ничего сказать о томъ, какой успѣхъ имѣлъ „Гражданинъ“ въ этомъ году и по какимъ поводамъ и соображеніямъ Ѳедоръ Михайловичъ отказался потомъ отъ его редакціи.

„Дневникъ Писателя“, который сталъ выходить съ 1876 года, имѣлъ величайшій успѣхъ и былъ истинно счастливой мыслью, вполне соотвѣтствовалъ потребностямъ и пріемамъ писанія Ѳедора Михайловича. Это былъ собственно рядъ фельетоновъ, касавшихся всевозможныхъ предметовъ, но преимущественно посвященныхъ общественнымъ вопросамъ и литературѣ. Достоевскій получалъ такимъ образомъ возможность высказывать въ совершенно вольной формѣ тѣ мысли, которыя постоянно въ немъ кипѣли и были возбуждаемы его всегдашнимъ пристальнымъ вниманіемъ къ совершающейся вокругъ него жизни. Тонъ этихъ фельетоновъ былъ необыкновенно живой и горячій, но подъ ихъ волненіемъ слышалась полная твердость убѣжденій и взглядовъ. Ѳедоръ Михайловичъ говорилъ здѣсь съ

авторитетомъ, и его рѣчи иногда достигали удивительнаго мастерства, соединяя серьезность съ шутливостью, важность мысли съ простотою и легкостію болтовни. Нигдѣ, мнѣ кажется, душевная бодрость и энергія Достоевскаго не выражается такъ ясно, какъ въ „Дневникѣ“.

При этихъ общихъ достоинствахъ, читатели были еще поражаемы и увлекаемы особымъ направленіемъ изданія. Это направленіе рѣзко противорѣчило ходячимъ вкусамъ и мнѣніямъ петербургской публики, было очевиднымъ протестомъ противъ господствующихъ умственныхъ теченій. Можно себѣ представить, какъ такое изданіе должно было обрадовать всѣхъ тѣхъ, кто негодовалъ на господствующее направленіе и нигдѣ не находилъ въ литературѣ выраженія своего протеста и своихъ любимыхъ мыслей. Такихъ людей много у насъ и они принадлежатъ къ тѣмъ, которые очень рѣдко расположены сами пускаться въ литературу.

Успѣхъ „Дневника“ былъ чрезвычайный. Приведемъ цифры, которыя всего яснѣе укажутъ этотъ успѣхъ:

„Дневникъ Писателя“ на 1876 годъ имѣлъ 1,982 подписчика и кромѣ того въ розничной продажѣ каждый номеръ расходился въ 2,000—2,500 экземплярахъ. Нѣкоторые номера потребовали 2-го и даже 3-го изданія, напр. январскій.

Въ 1877 году было около 3,000 подписчиковъ и столько же расходилось въ розничной продажѣ.

Одинъ номеръ, выпущенный въ 1880 году (августъ) и содержавшій въ себѣ рѣчь о Пушкинѣ, былъ напечатанъ въ 4,000 экземплярахъ и разошелся въ нѣсколько дней. Было сдѣлано новое изданіе въ 2,000 экз. и разошлось безъ остатка.

„Дневникъ“ на 1881 г. печатался въ 8,000 экземплярахъ и имѣлъ въ январѣ, прежде выхода перваго номера, 1,074 подписчика. Всѣ 8,000 были распроданы въ дни выноса и погребенія. Сдѣлано было второе изданіе въ 6,000 экземплярахъ и разошлось безъ остатка.

За три года, когда былъ веденъ „Дневникъ“, за 1873 г. (въ „Гражданинѣ“) и за 1876 и 1877 гг. (въ особомъ изданіи), Достоевскій, можно сказать, самъ написалъ свою біографію, указалъ и объяснилъ то, чѣмъ онъ былъ занятъ, что думалъ и чувствовалъ въ каждый изъ двѣнадцати мѣсяцевъ этихъ трехъ годовъ. Тутъ выразилось главное содержаніе его жизни. Что же касается до внѣшнихъ обстоятельствъ и до событій чисто личной жизни, то мы постараемся дать здѣсь канву или рамку, которая вѣроятно еще долго можетъ наполняться воспоминаніями знавшихъ его лю-

дей, или вновь найденными письмами, записками и другими подобными матеріалами.

Всѣ зимы, кромѣ одной (1874—75 гг.) были проведены въ Петербургѣ. Первую зиму (1871—72 гг.) Ѳедоръ Михайловичъ квартировалъ въ Серпуховской улицѣ Семеновскаго полка, въ домѣ г-жи Архангельской. Въ 1872 году переѣхалъ во 2-ю роту Измайловскаго полка, въ д. Мебеса. Зиму 1873—74 гг. жилъ на Лиговкѣ, № 27, въ домѣ Сливчанскаго (томъ самомъ, гдѣ дѣлается это изданіе его сочиненій). Три года, съ сентября 1875 по май 1878 г., жилъ въ домѣ Струбинскаго, противъ Греческой церкви, и три послѣдніе года, 1878—1881, въ Кузнечномъ переулкѣ, д. № 5, тамъ, гдѣ умеръ.

Первое лѣто по возвращеніи изъ-за границы, лѣто 1872 года, Достоевскіе проводили въ Старой Руссѣ, и съ тѣхъ поръ не только стали проводить тамъ каждое лѣто, но въ 1874—75 годахъ прожили тамъ и всю зиму. Это была та зима, въ которую Ѳедоръ Михайловичъ писалъ „Подростка“. Когда дѣла поправились, Достоевскіе нашли удобнымъ даже купить себѣ въ Старой Руссѣ домъ, куда регулярно и переѣзжали вмѣсто дачи. Исключеніе составляетъ лѣто 1877 года, проведенное въ Курской губерніи, въ имѣніи Ивана Григорьевича Сниткина, брата Анны Григорьевны (Суджанскаго уѣзда, деревня Малый Приколъ). Домъ въ Старой Руссѣ былъ купленъ въ 1876 году, весной. При немъ есть старый большой садъ и заплачено за все 1,150 рублей.

Оставляя въ сторонѣ переѣзды съ квартиры на квартиру, — дѣло общераспространенное въ Петербургѣ, мы видимъ, такимъ образомъ, что жизнь Ѳедора Михайловича принимала подъ конецъ полную правильность и опредѣленность, изъ скитальческой превратилась въ совершенно осѣдлую.

Былъ еще у Ѳедора Михайловича рядъ отлучекъ изъ дома, регулярно повторявшихся; это — его поѣздки въ Эмсъ для леченія, ради котораго онъ долженъ былъ покидать семью и навѣщать немилую ему Европу. Такихъ поѣздокъ было пять, въ 1874, 1875, 1876, 1878 и 1879 годахъ. Вмѣстѣ съ проѣздомъ на это требовалось не менѣе семи недѣль и не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Обыкновенно Ѳедоръ Михайловичъ уѣзжалъ въ началѣ іюля и возвращался къ концу августа. Сверхъ того, въ 1879 году, въ іюнѣ мѣсяцъ была сдѣлана вмѣстѣ съ Вл. С. Соловьевымъ поѣздка въ Оптину Пустынь, гдѣ они оставались почти недѣлю. Отраженіе этой поѣздки читатели найдутъ въ описаніи монастыря въ „Братяхъ Карамазовыхъ“.

XIX.

Изданія. Доходы.

Весь этотъ порядокъ, правильный уходъ за своимъ здоровьемъ и свобода въ выборѣ мѣста и времени стали возможны только потому, что поправились дѣла. А поправились они всего больше потому, что Анна Григорьевна взяла на себя дѣлать новыя изданія прежнихъ сочиненій Федора Михайловича. Эти изданія, дѣлаемые на собственный счетъ и потому доставлявшія наибольшую выгоду самому автору, начались съ 1873 года и шли въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ 1873 г. 24-го января вышли „Бѣсы“ въ 3,500 экземплярахъ.

Въ 1874 г., 24-го января „Идіотъ“ въ 2,000 экз., а 21-го декабря 1875 г. „Записки изъ Мертваго Дома“ въ 2,000 экз.

Въ 1876 г. 18-го декабря „Преступленіе и Наказаніе“ въ 2,000 экз.

Въ 1879 г., 10-го ноября „Униженные и Оскорбленные“ въ 2,400 экземплярахъ.

Въ концѣ 1880 года „Братья Карамазовы“ въ 4,000 экзеплярахъ.

Федоръ Михайловичъ необыкновенно радовался поправленію своихъ денежныхъ дѣлъ. Онъ истинно гордился не только успѣхомъ своихъ сочиненій, но и тѣмъ, что они даютъ ему хорошій доходъ, позволили ему расплатиться съ долгами и принесли ему достатокъ. Вспоминая о тѣхъ трудахъ, въ которыхъ онъ прожилъ свою жизнь, онъ иногда горько жаловался на свою судьбу и особенно мучился мыслью, что, если скоро умретъ (а плохое здоровье часто наводило на эти мысли), то оставитъ семью въ бѣдности. Поэтому всякій успѣхъ въ денежныхъ дѣлахъ былъ ему истинною отрадою, давалъ ему надежду на лучшую судьбу дорогихъ ему существъ, утѣшалъ и оправдывалъ его въ собственныхъ его глазахъ. Въ одной изъ его записныхъ книгъ сохранился листокъ, на которомъ онъ тщательно подводилъ итогъ *чистаго дохода*, выручавшагося со всѣхъ его изданій. Вотъ эта записка:

въ 1877 г.

„Преступленіе и Наказаніе“ продано на	487 р. 12 к.
Переплетенныхъ экз. „Дневника“ 1876 г.	497 „ 80 „
„Бѣсы“, „Идіотъ“ „Записки изъ Мертваго Дома“	561 „ 63 „
Отъ 1876 года	+ (295) „ 40 „
Итого	1,841 р. 95 к.

въ 1878 г.

„Бѣсы“, „Идіотъ“ и „Записки изъ Мертваго Дома“	1,199	„	50	„
„Преступленіе и Наказаніе“	548	„	98	„
Переплетенныхъ экз. 1877 года	346	„	50	„
Переплетенныхъ экз. 1876 года	281	„	68	„
Итого.	2,376	р.	66	к.

въ 1879 г.

„Бѣсы“, „Идіотъ“ и „Записки изъ Мертваго Дома“	1,271	„	99	„
„Преступленіе и Наказаніе“	797	„	16	„
Переплетенныхъ „Дневника“ 1877 года	121	„	2	„
Переплетенныхъ „Дневника“ 1876 года	98	„	61	„
+ „Униженные и Оскорбленные“	227	„	24	„
Итого.	2,516	р.	2	к.

въ 1880 г.

„Бѣсы“, „Идіотъ“ и „Записки изъ Мертваго Дома“	1,287	„	20	„
„Преступленіе и Наказаніе“	933	„	99	„
„Дневникъ“ 1877 года	219	„	14	„
„Дневникъ“ 1876 года	247	„	6	„
Итого.	2,687	р.	39	к.
+ „Униженные и Оскорбленные“ . . .	548	„	51	„
+ „Дневникъ“ 1880 года	893	„	87	„
Итого.	4,129	р.	77	к.
„Бр. Карамазовы“	3,681	„	50	„
	7,811	р.	27	к.

Прибавимъ къ этому для полнаго понятія о дѣлахъ Ѳедора Михайловича тѣ суммы, какія получались за новые романы, печатавшіеся въ журналахъ. За „Подростка“, печатавшагося, въ „Отечественныхъ Запискахъ“, получалось по 250 р. съ печатнаго листа; за „Братьевъ Карамазовыхъ“ по 300 р.

Въ 1878 году, Ѳедоръ Михайловичъ въ послѣдній разъ обращался

съ просьбой о деньгахъ къ редакціи „Русскаго Вѣстника“, такъ долго и радушно поддерживавшей своего сотрудника и большими и малыми ссудами. Послѣ 1878 года уже никакихъ займовъ не дѣлалось и началось собираніе небольшого капитала.

XX.

ПУШКИНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ (1880).

Какъ свидѣтель торжества, которое выпало на долю Ѳедора Михайловича на пушкинскомъ праздникѣ, той „пальмы первенства“, которую онъ получилъ на этомъ мирномъ состязаніи, постараюсь рассказать это событіе со всѣми подробностями, какія успѣлъ замѣтить. Я не принималъ никакого дѣятельнаго участія въ этомъ чествованіи памяти Пушкина, былъ лишь простымъ зрителемъ, но оно глубоко меня интересовало; поэтому для меня была яснѣе, чѣмъ для многихъ другихъ, та внутренняя драма, которая разыгралась на этомъ праздникѣ и въ которой главная роль оказалась принадлежащею Ѳедору Михайловичу.

Приготовиться къ празднику было довольно времени. Открытіе памятника назначено было на 26 мая, день рожденія Пушкина; но за нѣсколько дней до этого числа скончалась Государыня и торжество было отложено на двѣ недѣли глубокаго траура. Между тѣмъ многіе участники уже собрались въ Москвѣ и ожидали тутъ, когда дано будетъ разрѣшеніе. Въ числѣ ихъ былъ и Ѳедоръ Михайловичъ, пріѣхавшій изъ Старой Руссы, гдѣ проводилъ лѣто со своею семьею. Онъ явился на праздникъ въ офиціальномъ званіи депутата отъ славянскаго благотворительнаго общества. Другимъ депутатомъ былъ И. Ѳ. Золотаревъ. Я пріѣхалъ накануне самаго открытія и только потомъ узналъ, что во время этого ожиданія въ Москвѣ почитатели Ѳедора Михайловича давали ему обѣдъ, но не имѣлъ никакого понятія о томъ, что тамъ говорилось и дѣлалось *).

*) Вотъ подробности, извлеченныя изъ писемъ Ѳедора Михайловича къ Аннѣ Григорьевнѣ. Ѳедоръ Михайловичъ пріѣхалъ въ Москву 23 мая въ 10 ч. вечера и дорогой узналъ о смерти Государыни. Въ вокзалѣ ждали его: Юрьевъ, Лавровъ, Н. Аксаковъ, Барсовъ и человекъ 10 другихъ сотрудниковъ „Русской Мысли“. Звали на ужинъ, онъ отказался; остановился въ „Лоскутной гостинницѣ“, гдѣ, какъ потомъ оказалось, назначено было бесплатное помѣщеніе для депутатовъ. 25-го мая Ѳедора Михайловича пригласили обѣдать въ „Эрмитажъ“. На обѣдѣ было 22 человекъ, именно С. А. Юрьевъ, В. М. Лавровъ, И. С. Аксаковъ, Н. Аксаковъ, Н. А. Рубинштейнъ, директоръ гимназій Поливановъ, нѣсколько человекъ профессоровъ и т. д. Гостю было сказано шесть рѣчей, нѣкоторые довольно длинныя. Говорили— С. А. Юрьевъ, оба Аксаковы, три профессора, Н. Рубинштейнъ. Тема была—ве-

Собираясь на праздникъ, откровенно признаюсь, я не ожидалъ ничего особенно хорошаго. Мнѣ живо представлялось, что долженъ произойти большой шумъ и восторгъ, то явленіе, которое Ѳеодоръ Михайловичъ такъ хорошо называлъ — „увизжаться отъ восторга“. Но легко могло случиться, что изъ этого воодушевленія ничего не выйдетъ. Мы чрезвычайно легко приходимъ въ энтузіазмъ, и нельзя не любить всею душою этой благородной способности, въ основѣ которой, можетъ быть, у насъ лежатъ очень высокіе задатки. Но этотъ энтузіазмъ, иногда вспыхивающій такимъ чистымъ пламенемъ, обыкновенно гаснетъ безъ слѣда; въ большинствѣ случаевъ это энтузіазмъ бесплодный, самъ собою питающійся и удовлетворяющійся, не поражающій ни твердыхъ и опредѣленныхъ убѣжденій, ни усердной и опредѣленной дѣятельности. Я предполагалъ, что, можетъ быть, мнѣ предстоитъ и теперь видѣть подобное зрѣлище. Но на этотъ разъ, къ счастью, я обманулся; рѣчь Ѳеодора Михайловича дала празднику нѣкоторое существенное содержаніе, и осталась послѣ него, какъ твердое и блестящее украшеніе, не улетѣвшее вмѣстѣ съ дымомъ и пламенемъ этого фейерверка.

6-го іюня всѣ мы съ 10 часовъ утра собрались въ Страстной монастырь слушать обѣдню и панихиду. Церковь наполнилась литераторами и вообще отборною интеллигенціею, которая сдержанно разговаривала подъ звуки сладкаго пѣнія. Служилъ митрополитъ Макарій; въ концѣ службы онъ говорилъ проповѣдь на ту простую тему, что нужно благодарить Бога, пославшаго намъ Пушкина, и нужно молиться Богу, чтобы онъ даровалъ намъ для всякихъ другихъ поприщъ подобныхъ сильныхъ дѣятелей. Проповѣдь показалась мнѣ нѣсколько холодною, и не было замѣтно, чтобы она произвела особенное впечатлѣніе. Первая минута восторга наступила, какъ мнѣ кажется, когда мы вышли на площадь, когда былъ сдернутъ холстъ со статуи и мы, при звукахъ музыки, пошли класть свои вѣнки къ подножію памятника. Церемонія у памятника имѣла совершенно свѣтскій характеръ и состояла изъ этого положенія вѣнковъ и изъ чтенія бумаги, которою коммисія, сооружавшая памятникъ, передавала его въ собственность городу Москвѣ. Бумагу читалъ съ высокой эстрады Ѳ. П.

ликое значеніе гостя, какъ художника „всемірно-отзывчиваго“, какъ публициста и русскаго человѣка. Ѳеодоръ Михайловичъ отвѣчалъ рѣчью, которая была восторженно принята и въ которой онъ свелъ дѣло на Пушкина. За обѣдомъ получены были двѣ привѣтственные телеграммы, одна отъ профессора, выѣхавшаго внезапно изъ Москвы.

26-го мая Ѳеодоръ Михайловичъ былъ на званомъ вечерѣ и ужинѣ у В. М. Лаврова, который оказался страстнымъ поклонникомъ Ѳеодора Михайловича, многіе годы питающимся его сочиненіями.

Корниловъ. Почему-то нельзя было совершить окропленія памятника святою водою, какъ это принято при всякихъ сооруже́ніяхъ.

Начиная съ этой короткой церемоніи, всеѣмъ овладѣло радостное, праздничное настроеніе, непрерывавшееся цѣлыхъ три дня и ненарушенное никакимъ печальнымъ или досаднымъ случаемъ. Того, что называется скандаломъ, легко можно было ожидать; во первыхъ, легко могла обнаружиться вражда, которой всегда не мало бываетъ между литераторами; во вторыхъ, кто нибудь могъ соблазниться случаемъ и сказать рѣзкое слово противъ дѣлъ и лицъ, стоящихъ внѣ литературы. Литературныя несогласія, правда, успѣли таки сказаться и на этомъ праздникѣ. Въ самой Москвѣ обнаружилось у нѣкоторыхъ лицъ враждебное настроеніе къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ и заявило себя настолько, что редакция этой газеты положила не присутствовать на праздникѣ. Участіе ея, поэтому, ограничилось только рѣчью М. Н. Каткова на обѣдѣ, данномъ думою, рѣчью, послѣ которой, какъ рассказываютъ, одинъ изъ присутствовавшихъ тоже сдѣлалъ молчаливую попытку заявить свою вражду къ говорившему. Слѣдствіемъ такихъ отношеній было, что въ то время, какъ петербургскія газеты печатали множество телеграммъ и писемъ обо всемъ, что происходило на праздникѣ, „Московскія Вѣдомости“ не только не описывали его и не разсуждали объ немъ, но даже вовсе не помѣщали никакихъ объ немъ извѣстій.

Кромѣ этого прискорбнаго факта, нѣкоторыя другія разногласія заявили себя развѣ тѣмъ, что на общее торжество литературы не явились иные писатели; затѣмъ все остальное прошло совершенно благополучно. Могу свидѣтельствовать, что въ продолженіи трехъ дней, когда я слушалъ съ утра до вечера, не было сказано ни одного слова дѣйствительно враждебнаго; напротивъ были примѣры дружескихъ отношеній, завязавшихся между враждовавшими. Вотъ одно изъ чудесъ, которыя совершило воспоминаніе о Пушкинѣ. Общее впечатлѣніе праздника было чрезвычайно увлекающее и радостное. Многіе говорили мнѣ, что были минуты, когда они едва удерживали, или даже не успѣвали удержать слезы. Эта радость все росла и росла, не возмущаемая ни единымъ печальнымъ или досаднымъ обстоятельствомъ, и только на третій день достигла наибольшаго напряженія, совершеннаго восторга.

„Ну, что-то будетъ сказано объ Пушкинѣ?“ думалъ я, когда ѣхалъ на праздникъ; и праздникъ самъ собою все больше и больше направлялся на этотъ вопросъ, все сильнѣе устремлялся къ единой мысли—воздать нашему великому поэту самую высокую и самую справедливую похвалу. Это была цѣль мирнаго состязанія и соперники, наконецъ, дѣйствительно

все забыли, кромѣ этой цѣли. Участниками были люди самыхъ различныхъ направленій и кружковъ; тутъ были не только ученые и писатели, но и депутаты отъ всякаго рода нашихъ государственныхъ и частныхъ учрежденій; присланъ былъ депутатъ отъ французскаго министерства просвѣщенія; тутъ читались телеграммы и письма отъ иностранныхъ учреждений и писателей; особенно важны были телеграммы и привѣтствія отъ чеховъ, поляковъ и отъ другихъ славянскихъ земель, привѣтствія, искренность и теплота которыхъ была невольна замѣчена. Но все это была только обстановка; главная роль, существенное значеніе, очевидно, принадлежали нашимъ ученымъ и литераторамъ; имъ предстояла трудная и важная задача — растолковать духъ и величіе Пушкина.

Первый день состоялъ изъ торжественнаго засѣданія въ университетѣ и изъ обѣда, который московская дума давала депутатамъ. Отъ памятника всѣ отправились въ университетъ. Здѣсь академики и профессора читали свои статьи; въ этихъ статьяхъ были интересные факты, точныя подробности и вѣрные замѣчанія, но вопросъ о Пушкинѣ не былъ поднимаемъ во всемъ своемъ объемѣ. Самою оживленною минутою засѣданія, конечно, была та, когда ректоръ провозгласилъ, что Тургеневъ избранъ почетнымъ членомъ университета. Тутъ раздались потрясающія, восторженные рукоплесканія, въ которыхъ всего больше усердствовали студенты. Сейчасъ-же почувствовалось, что большинство выбрало именно Тургенева тѣмъ пунктомъ, на который можно устремлять и изливать весь накопляющійся энтузіазмъ. Каждый разъ, когда и потомъ въ теченіе праздника произносилось это знаменитое имя, пли упоминалось объ его произведеніяхъ, толпа откликалась рукоплесканіями. Тургенева вообще чествовали, какъ-бы признавая его главнымъ представителемъ нашей литературы, даже какъ-бы прямымъ и достойнымъ наслѣдникомъ Пушкина. И такъ какъ Тургеневъ былъ на праздникѣ самымъ виднымъ представителемъ западничества, то можно было думать, что этому литературному направленію достанется главная роль и побѣда въ предстоявшемъ умственномъ турнирѣ. Извѣстно было, что Тургеневъ приготовилъ рѣчь, и, какъ рассказывали, нарочно ѣздилъ въ свое помѣстье, чтобы на свободѣ обдумать и написать ее.

За университетскимъ засѣданіемъ слѣдовалъ думскій обѣдъ въ залахъ Дворянскаго Собранія, тѣхъ залахъ, которыя съ этой минуты и до конца, были мѣстомъ праздника, такъ какъ въ нихъ происходили и публичныя засѣданія Общества Любителей Русской Словесности (утромъ 7 и 8 іюня) и литературно-драматическіе вечера. Никакого уличнаго торжества нельзя было устроить вслѣдствіе траура по императрицѣ, и потому среди

будничной Москвы празднованіе шло только въ этихъ залахъ, гдѣ три дня съ утра до вечера толпился народъ и раздавались взрывы рукоплесканій. Думскій обѣдъ былъ по всему истинно великолѣпенъ; а особенно пріятно вспомнить, что самъ Н. Г. Рубинштейнъ дирижировалъ оркестромъ, такъ что увертюра изъ „Руслана“ была исполнена вполне художественно (дѣло рѣдкое). За обѣдомъ были произнесены небольшія рѣчи преосвященнымъ Амвросіемъ, М. Н. Катковымъ, И. С. Аксаковымъ и читалъ свои стихи А. Н. Майковъ. Все было къ мѣсту и содержало прекрасныя мысли, но еще не захватывало всего предмета, т. е. значенія Пушкина. Больше всего мое вниманіе было поражено рѣчью Аксакова. Какъ представитель славянофильства, онъ сдѣлалъ, какъ мнѣ казалось, важный шагъ, признавъ, въ короткихъ, но ясныхъ и торжественныхъ словахъ, за Пушкинымъ значеніе „перваго истинно-русского, истинно-великаго народнаго поэта“. Мнѣ припомнились знаки нѣкоторой холодности, обнаруженной къ Пушкину прежними славянофилами; извѣстно, что они истинно-народнаго поэта готовы были видѣть лишь въ Гоголѣ, съ такою рѣзкостью показавшемъ полную оригинальность въ творчествѣ. Теперь-же, какъ то и указывалъ самъ Аксаковъ, этимъ торжествомъ, принявшимъ неожиданно огромныя размѣры, „всевластно объявилось дѣйствительное, доселѣ, можетъ быть, многимъ сокрытое значеніе Пушкина для русской земли“. Эти мысли очень занимали меня, и я чувствовалъ большое любопытство къ рѣчи, которую Аксаковъ долженъ былъ говорить на другой день. Не могу однако-же сказать, чтобы краткое заявленіе Аксакова многихъ поразило. Послѣ обѣда тольки шли больше объ выходѣхъ противъ Каткова, о рѣчи преосвященнаго Амвросія и т. д. Эту рѣчь по-немногу такъ переиначили, что, наконецъ, кто-то рассказывалъ, будто преосвященный назвалъ Тургенева *первымъ нигилистомъ*.

Прошу читателя извинить мнѣ эти подробности. Едва-ли удастся мнѣ, но очень хотѣлось-бы изобразить то необыкновенное возбужденіе, которое овладѣло всѣми дѣятельными участниками торжества. Они волновались и напрягались, какъ борцы, которымъ предстоить побѣда или пораженіе. Рукоплесканія публики, смотрѣвшей на нихъ съ уваженіемъ и постоянно готовой къ восторгу, поддерживали ихъ оживленіе и силы. Мнѣ встрѣтились двѣ дамы, пріѣхавшія изъ Петербурга, большія поклонницы просвѣщенія и литературы; онѣ горько жаловались, что просто не узнаютъ знакомыхъ имъ литераторовъ: такъ они стали надменны и заняты лишь собою, своимъ участіемъ въ праздникѣ.

Настоящее состязаніе и дѣйствительная литературная оцѣнка Пушкина должна была начаться 7 іюня, въ первомъ публичномъ засѣданіи нашего

„Общества“. Въ этотъ день, среди другихъ рѣчей, долженъ былъ читать свою рѣчь Тургеневъ, а потомъ Аксаковъ, т. е. оба представителя противоположныхъ направленій. Но такъ какъ засѣданіе затянулось за множествомъ рѣчей, стиховъ, вызывовъ и т. д., то успѣлъ читать одинъ Тургеневъ. Его рѣчь, разумѣется, была встрѣчена и провожена громкими, восторженными рукоплесканіями. Но между литераторами поднялись оживленные толки о мысляхъ, высказанныхъ въ этой рѣчи, и обнаружилось даже прямое желаніе какъ нибудь возразить на нее и дополнить ее. Иначе и не могло быть въ „Обществѣ“, заключавшемъ въ себѣ такъ много славянофильствующихъ писателей. Главный пунктъ, на которомъ остановилось общее вниманіе, состоялъ въ опредѣленіи той *ступени*, на которую Тургеневъ ставилъ Пушкина. Онъ признавалъ его вполне-народнымъ, т. е. самостоятельнымъ поэтомъ. Но онъ ставилъ еще другой вопросъ: есть-ли Пушкинъ поэтъ *національный*? Національнымъ, по мнѣнію оратора, можетъ быть названъ только поэтъ великій и всемірный; потому что, если поэтъ вполне выражаетъ духъ своей націи, то онъ тѣмъ самымъ есть великій поэтъ, а потому вмѣстѣ и всемірный поэтъ, вносящій свой вкладъ въ сокровищницу человѣчества. Такъ поставилъ ораторъ вопросъ, но поставилъ только затѣмъ, чтобы отказаться отвѣчать на него. „Я не утверждаю“, сказалъ онъ, „такого значенія Пушкина, но и не осмѣливаюсь отрицать его“. Эти слова возбудили большіе толки; нѣкоторые изъ сочленовъ собирались даже обратиться къ Тургеневу съ вопросомъ о причинахъ его нерѣшительности; потому что въ своей рѣчи онъ ничего не сказалъ ни о томъ, почему не рѣшается утверждать, ни о томъ, почему не осмѣливается отрицать національное значеніе Пушкина. Много говорили такъ же о тѣхъ разсужденіяхъ Тургенева, въ которыхъ онъ старался показать историческую необходимость порицаній и глумленій надъ Пушкинымъ, долго происходившихъ въ нашей литературѣ и едва недавно затихшихъ. Ораторъ упоминалъ также, что *муза мести и печали* имѣла свои права на вниманіе и естественно отвлекла умы отъ великаго поэта.

Все это, и другое подобное, было инымъ не совсѣмъ по душѣ. Въ группѣ дѣятельныхъ участниковъ торжества пронеслось чувство нѣкой-рой неудовлетворенности, неясной досады. Одни критически разбирали слова Тургенева; другіе, которымъ самимъ приходилось читать на слѣдующій день, надѣялись выразить мысли, испровергающія тургеневскіе взгляды; кто-то успѣлъ написать даже насмѣшливые стихи—конечно, не для публичнаго чтенія. Но то, что случилось на другой день, превзошло всѣ ожиданія и расчеты. По порядку слѣдовало-бы читать сперва Аксакову и потомъ Достоевскому; но, не знаю по какой причинѣ, рѣшено было, что

Достоевскій будетъ читать въ первую половину засѣданія, а Аксаковъ во вторую (эти половины раздѣлялись маленькимъ антрактомъ); эта перемѣна порядка оказалась важнѣе, чѣмъ сперва думали сами ораторы. Какъ только началъ говорить Феодоръ Михайловичъ, зала встрепенулась и затихла. Хотя онъ читалъ по писанному, но это было не чтеніе, а живая рѣчь, прямо, искренно выходящая изъ души. Всѣ стали слушать такъ, какъ будто до тѣхъ поръ никто и ничего не говорилъ о Пушкинѣ. То одушевленіе и естественность, которыми отличается слогъ Феодора Михайловича, вполнѣ передавались и его мастерскимъ чтеніемъ. Не говорю ничего о содержаніи рѣчи, но, разумѣется, оно давало главную силу этому чтенію. До сихъ поръ слышу, какъ надъ огромною притихшею толпою раздается напряженный и полный чувства голосъ: „Смирись, гордый человѣкъ, потрудись, праздный человѣкъ!“

Восторгъ, который разразился въ залѣ по окончаніи рѣчи, былъ неизобразимый, непостижимый ни для кого, кто не былъ его свидѣтелемъ. Толпа, давно зарядившаяся энтузіазмомъ и изливавшая его на все, что казалось для того удобнымъ, на каждую громкую фразу, на каждый звонко произнесенный стихъ, эта толпа вдругъ увидѣла человѣка, который самъ былъ весь полонъ энтузіазма, вдругъ услышала слово, уже несомнѣнно достойное восторга, и она захлебнулась отъ волненія, она ринулась всю душою въ восхищеніе и трепетъ. Мы тутъ же всѣ принялись цѣловать Феодора Михайловича; нѣсколько человѣкъ, вопреки правиламъ, стали пробираться изъ залы на эстраду; какой-то юноша, какъ говорятъ, когда добрался до Феодора Михайловича, упалъ въ обморокъ.

Восторгъ толпы заразителенъ. И на эстрадѣ и въ „комнатѣ для артистовъ“, куда мы ушли съ эстрады въ перерывъ засѣданія, всѣ были въ радостномъ волненіи и предавались похваламъ и восклицаніямъ. „Вы сказали рѣчь“, обратился Аксаковъ къ Достоевскому, „послѣ которой И. С. Тургеневъ, представитель западниковъ, и я, котораго считаютъ представителемъ славянофиловъ, одинаково должны выразить вамъ величайшее сочувствіе и благодарность“. Не помню другихъ подобныхъ заявленій; но живо осталось въ моей памяти, какъ П. В. Анненковъ, подошедши ко мнѣ, съ одушевленіемъ сказалъ: „вотъ что значить гениальная, художественная характеристика! Она разомъ порѣшила дѣло!“

Кстати, замѣчу здѣсь одинъ маленькій случай, очень характерный. Въ первой половинѣ своей рѣчи, говоря о Пушкинской Татьянѣ, Феодоръ Михайловичъ, сказалъ: „такой красоты положительный типъ русской женщины почти уже и не повторялся въ нашей художественной литературѣ—кромѣ развѣ образа Лизы въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“ Тургенева...“ При

имени Тургенева, зала, какъ всегда, загрохотала отъ рукоплесканій и заглушила голосъ Ѳедора Михайловича. Мы слышали, какъ онъ продолжалъ: „...и Наташи въ „Войнѣ и Мирѣ“ Толстаго“. Но никто въ залѣ не могъ этого слышать, и онъ долженъ былъ остановиться, чтобъ переждать, пока утихнетъ вновь и вновь подымавшійся шумъ. Когда онъ сталъ продолжать рѣчь, онъ не повторилъ этихъ заглушенныхъ словъ, и потомъ выпустилъ ихъ въ печати, такъ какъ они дѣйствительно не были произнесены во всеуслышаніе. Такова была горячка этого засѣданія и такъ горячо шла внутренняя борьба въ публикѣ и въ представителяхъ литературы.

Приходилось затѣмъ еще говорить передъ публикой И. С. Аксакову. Его рѣчью должна была открыться вторая половина засѣданія. Онъ вышелъ и, какъ давнишній любимецъ Москвы, былъ встрѣченъ жаркими и долгими рукоплесканіями. Но вмѣсто того, чтобы начать рѣчь, онъ вдругъ объявилъ съ кафедры, что не будетъ говорить. „Я не могу говорить“, сказалъ онъ, „послѣ рѣчи Ѳедора Михайловича Достоевскаго; все, что я написалъ, есть только слабая варіація на нѣкоторыя темы этой *гениальной* рѣчи“. Слова эти вызвали громъ рукоплесканій. „Я считаю“, продолжалъ Аксаковъ, „рѣчь Ѳедора Михайловича Достоевскаго *событіемъ* въ нашей литературѣ. Вчера еще можно было толковать о томъ, великій-ли всемірный поэтъ Пушкинъ, или нѣтъ; сегодня этотъ вопросъ упраздненъ; истинное значеніе Пушкина показано, и нечего больше толковать!“ И Аксаковъ сошелъ съ кафедры. Восторгъ опять овладѣлъ заломъ, восторгъ, относившійся и къ благородной горячности Аксакова и еще болѣе къ той рѣчи, которою была она вызвана и которую публика слышала часъ тому назадъ. Аксаковъ высказалъ приговоръ, составившійся въ массѣ читавшихъ и слушавшихъ, объявилъ, что словесный турниръ кончился и что первый вѣнокъ принадлежитъ Достоевскому, что его состязатели явно превзойдены.

Когда шумъ затихъ, Аксакова стали, однако, просить и понуждать прочесть свою рѣчь. Онъ уступилъ и прочелъ бѣольшую часть того, что написалъ. Прекрасное чтеніе часто вызывало рукоплесканія. Напримѣръ, когда прочитавъ стихи:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Аксаковъ воскликнулъ: „какой-же пользы еще нужно? Да вѣдь такіе стихи—*благодѣяніе!*“

Рѣчь его, по содержанію, конечно не повторяла рѣчи Достоевскаго, но вполне согласовалась съ нею, содержала даже канву нѣкоторыхъ ея мыслей.

Въ концѣ засѣданія, на эстрадѣ вдругъ появилась группа дамъ; онѣ принесли огромный вѣнокъ Достоевскому. Его упросили взойти на кафедру, сзади его, какъ рамку для головы, держали вѣнокъ, и долго не смолкали рукоплесканія всей залы.

Такимъ образомъ Достоевскій былъ чествуемъ какъ герой этого дня. Всѣ чувствовали себя довольнѣе, всѣ, очевидно, были благодарны ему за то, что онъ разрѣшилъ, наконецъ, томительныя ожиданія, дать всему празднику содержаніе и цвѣтъ. Поэтому публика уже не упускала его изъ виду и осыпала его наиболѣе громкими знаками одобренія. День этотъ, послѣдній день торжества, кончился литературно-музыкальнымъ вечеромъ, на которомъ и Достоевскій читалъ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина. Всего значительнѣе было чтеніе стихотворенія „Пророкъ“. Достоевскій дважды читалъ его, и каждый разъ съ такой напряженной восторженностію, что жутко было слушать. Зная его, я не могъ безъ невольной жалости и умиленія видѣть его истощенное маленькое тѣло, охваченное этимъ напряженіемъ. Правая рука, судорожно вытянутая внизъ, очевидно удерживалась отъ напрашивающагося жеста; голосъ былъ усиливается до крика. Чтеніе выходило слишкомъ рѣзкимъ, хотя произношеніе стиховъ было прекрасное. Въ этомъ отношеніи я вполне раздѣлялъ вкусъ Федора Михайловича, любившаго напирать на музыкальность, на ритмъ стиховъ, — разумѣется, безъ нарушенія естественности. При концѣ жизни онъ достигъ въ такомъ чтеніи удивительнаго мастерства и любилъ читать и передъ публикою и въ частныхъ кружкахъ.

Этотъ второй и послѣдній вечеръ заключился, какъ и первый, увѣнчаніемъ бюста Пушкина на сценѣ, на которую выходили для этого всѣ исполнители. Въ первый вечеръ вѣнокъ былъ возложенъ Тургеневымъ, въ послѣдній — Достоевскимъ, котораго при всѣхъ пригласилъ къ тому самъ-же Тургеневъ.

Такъ кончилось это торжество. Замолкли послѣднія восторженныя рукоплесканія, и мы разошлись, утомленные и довольные. Впечатлѣніе было для меня не только сильное, но и совершенно ясное. Мнѣ живо вспомнилось все литературное движеніе, въ которомъ когда-то я такъ близко участвовалъ. Прежде всего вспомнилось то постоянное поклоненіе Пушкину, которое исповѣдывалъ Достоевскій. Онъ, еще въ „Бѣдныхъ Людяхъ“, указалъ на Пушкина, какъ на образецъ и руководство (въ сужденіяхъ о „Станціонномъ Смотрителѣ“) и потомъ всю жизнь питалъ и

заявлялъ безграничный восторгъ къ главному герою нашей литературы. Побѣда, думалъ я, досталась Ѳедору Михайловичу по всей справедливости, потому что во всей этой толпѣ онъ, конечно, больше всѣхъ любилъ Пушкина.

Потомъ мнѣ вспомнился весь нашъ литературный кружокъ, „Русское Слово“ (1859), „Время“, „Эпоха“, „Заря“, „Гражданинъ“... Это были полосы и бучки людей, всегда придававшихъ литературному художеству высокое значеніе и потому видѣвшихъ въ Пушкинѣ свое главное свѣтило. Никто лучше Аполлона Григорьева не писалъ о Пушкинѣ, и никакіе другіе кружки не были больше преданы литературѣ. Къ этимъ кружкамъ примыкалъ Ѳедоръ Михайловичъ, въ иныхъ изъ нихъ былъ руководителемъ и когда-то далъ этому направленію особое названіе *почвенниковъ*... Вотъ какое направленіе, думалось мнѣ, одержало верхъ на пушкинскомъ праздникѣ. Если тутъ Ѳедоръ Михайловичъ побѣдилъ западниковъ и превзошелъ славянофиловъ, то, конечно, только въ силу того широкаго взгляда, который избѣгаетъ нѣкоторыхъ крайностей тѣхъ и другихъ, который, хотя отвергаетъ безусловное преклоненіе передъ Западомъ, но не столько чуждается его духовной жизни, какъ исключительное славянофильство, и видитъ и въ современной нашей умственной жизни больше здороваго содержанія, чѣмъ успѣвали находить славянофилы. Итакъ, то, что случилось, было естественно и неизбѣжно. На пушкинскомъ торжествѣ должна была одержать верхъ та партія, которая во все продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ питала и исповѣдывала поклоненіе Пушкину, и Достоевскій, самый важный и дѣятельный представитель этой партіи, долженъ былъ получить вѣнокъ первенства, какъ то, что ему принадлежало по всѣмъ правамъ и заслугамъ.

И, наконецъ, живо представилось мнѣ, какъ въ этомъ случаѣ выступили и засіяли передъ всѣми личныя свойства ума и сердца Ѳедора Михайловича, его широкая способность всему симпатизировать, его умѣнье примирять въ себѣ, повидимому, несогласимыя настроенія, его стремленіе ничего не отвергать, ничего не исключать безусловно и оставаться вѣрнымъ въ любви къ тому, что разъ онъ полюбилъ.

Онъ представляетъ намъ великій примѣръ въ двухъ отношеніяхъ: онъ образецъ истиннаго консерватора и образецъ того, какъ слѣдуетъ намъ держать себя въ отношеніи къ тому, съ чѣмъ мы враждуемъ, что считаемъ ложнымъ и гибельнымъ. По направленію, по духу, онъ самый широкій изъ современныхъ писателей и потому естественна его любовь къ самому широкому изъ нашихъ геніевъ, къ Пушкину.

Консерватизмъ, патріотизмъ часто понимаются, какъ нѣчто узкое,

тупое, глупое. Такъ оно, конечно, нерѣдко и бываетъ, потому что это душевное настроеніе свойственно огромнымъ массамъ людей, а умы людскіе вообще слабы и ограничены. Но это не относится къ существу дѣла, точно такъ, какъ, напримѣръ, глупые ученые или глупыя книги, встрѣчающіеся такъ часто, не составляютъ возраженія противъ учености и книгъ вообще. По сущности-же, чтò можетъ быть естественнѣе и правильнѣе, чѣмъ любовь къ тому, чтò насъ окружаетъ, и желаніе сохранить то, чтò мы любимъ? Мы и любить учимся на людяхъ близкихъ къ намъ, и понимать на томъ умственномъ содержаніи, которое сообщается намъ сначала. Сердце чуткое, умъ чуткій постепенно открываетъ и усваиваетъ положительную сторону окружающей жизни, то добро, тотъ свѣтъ ума, ту красоту, которыя составляютъ главный нервъ всякаго человѣческаго существованія, безъ которыхъ это существованіе невозможно. А разъ что нибудь полюбивши, разъ что нибудь понявши, глубокая натура уже не забываетъ этого потомъ, уже не можетъ этого выкинуть изъ себя, какъ ненужный соръ. Такимъ образомъ процессъ самый простой и обыкновенный можетъ достигать въ одаренныхъ людяхъ самаго высокаго значенія. Люди мало способные къ консерватизму, легко и безъ слѣда отвергающіе тѣ чувства и мысли, которыя нѣкогда въ нихъ жили, очевидно, свидѣлствуютъ этимъ о малой своей чуткости, о слабости своей сердечной памяти. Они обыкновенно увлекаются своею энергіею, и въ ней заключается ихъ оправданіе; но зло непониманія, презрѣнія, насилія неизбѣжно примѣшивается къ ихъ дѣятельности и часто искажаетъ дѣла, совершаемыя во имя благороднѣйшихъ цѣлей.

Достоевскій былъ консерваторомъ по натурѣ. Въ немъ сильно, но быстро совершился тотъ процессъ, которымъ почти неизмѣнно характеризуется развитіе всѣхъ значительныхъ русскихъ писателей: сперва они увлекаются отвлеченными мыслями, идеалами, заимствованными съ Запада, потомъ возникаетъ внутренняя борьба и разочарованіе и, наконецъ, пробуждаются—лишь на время подавленные чувства, любовь къ родной святынѣ, къ тому, чѣмъ жива и крѣпка русская земля. У каждаго бываетъ минута возрожденія, когда онъ говоритъ вѣстѣ съ Пушкинымъ:

Такъ исчезаютъ заблужденія
Съ измученной души моей
И возникаютъ въ ней видѣнія
Первоначальныхъ чистыхъ дней.

Но, отказавшись отъ исканія на Западѣ высшихъ руководительныхъ началъ, Достоевскій сохранилъ любовь и уваженіе къ духовной жизни Европы. Да и у насъ, среди разлива того крайняго западничества, кото-

рое называется нигилизмомъ, онъ умѣлъ видѣть корень и этихъ извращенныхъ стремленій, умѣлъ понимать и жалѣть и эти заблудшія души. Этотъ взглядъ, находящій возможность выхода и примиренія, эта тонкая и широкая симпатія, обнимающая оба полюса нашей умственной жизни и ищущая соединенія ихъ въ нѣкоторомъ высшемъ началѣ и дѣлѣ,— есть прекрасная и характерная черта Достоевскаго. Его вражда, такая горячая и волнующаяся, никогда не была безъусловнымъ отверженіемъ. *Покававшійся нигилистъ*, вотъ тема, которую онъ любилъ, на которую написано „Преступленіе и Наказаніе“ и которая отзывается во всѣхъ послѣдующихъ его произведеніяхъ. Понятно, почему онъ имѣлъ такую привлекательность для молодыхъ людей, почему на многихъ изъ нихъ онъ успѣвалъ производить самое благотворное дѣйствіе. Та-же самая черта примиряющей симпатіи обнаружилась и на Пушкинскомъ праздникѣ. Онъ нашелъ формулу, которая объединяла стремленія западниковъ и славянофиловъ, направляя ихъ къ общей высшей цѣли; естественно, что восторгъ овладѣлъ въ эту минуту давнишними противниками, и они искренно подали другъ другу руки.

XXI.

Послѣдніе дни.—Впечатлительность.—Герой литературы.

Послѣ торжества на Пушкинскомъ праздникѣ, конечно, бывшего одною изъ лучшихъ минутъ жизни Федора Михайловича, самымъ блестящимъ изъ тѣхъ литературныхъ успѣховъ, которыми онъ такъ дорожилъ, ему уже не много оставалось жить на свѣтѣ. Между тѣмъ онъ находился въ полномъ развитіи силъ и въ самомъ разгарѣ своей дѣятельности. Во вторую половину 1880 года онъ кончилъ „Братьевъ Карамазовыхъ“ и составилъ: „Дневникъ Писателя, единственный выпускъ за 1880 годъ, Августъ“. Въ этомъ выпускѣ онъ помѣстилъ свою рѣчь о Пушкинѣ, обставилъ ее разными поясненіями и отвѣчалъ на поднявшіяся противъ нея возраженія. Въ то время, когда въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ еще не было кончено печатаніе „Карамазовыхъ“, было уже объявлено, что на слѣдующій 1881 годъ будетъ выходить „Дневникъ“. Январскій номеръ уже печатался и былъ почти готовъ къ выходу, когда, ни для кого неожиданно, явилась смерть и прекратила эту кипучую дѣятельность.

Эта смерть, наступившая такъ быстро, имѣла характеръ довольно ясный для тѣхъ, кто зналъ Федора Михайловича въ послѣднее его время.

Онъ былъ необыкновенно худъ и истощенъ, легко утомлялся, онъ страдалъ отъ своей эмфиземы. Онъ жилъ, очевидно, одними нервами, и все остальное его тѣло дошло до такой степени хрупкости, при которой его могъ разрушить первый, даже небольшой толчекъ. Всего поразительнѣе была при этомъ неутомимость его умственной работы. Онъ былъ чрезвычайно занятъ. Онъ писалъ 25 или 30 печатныхъ листовъ въ годъ, а работа, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ, стала ему труднѣе. „Теперь мнѣ нужно вдвое, втрое больше времени, чтобы написать столько же, какъ прежде“. Жизнь, спокойная и правильная съ внѣшней стороны, безъ переѣздовъ и помѣхъ, давала ему больше времени, но тѣмъ усерднѣе онъ отдавалъ это время своему призванію. Потомъ, въ послѣдніе годы, особенно съ начала „Дневника Писателя“, онъ былъ заваленъ перепиской и замученъ посѣтителеми. Къ нему писали и шли люди совершенно незнакомые, со всѣхъ концовъ Петербурга и краевъ Россіи. Приходили съ просьбами о помощи, такъ какъ онъ усердно помогалъ бѣднымъ и принималъ участіе въ чужихъ затрудненіяхъ и несчастіяхъ; по также безпрерывно приходили съ выраженіями своего поклоненія, съ вопросами, съ жалобами на другихъ и съ возраженіями противъ него. Такого же рода были и письма. Нужно было разговаривать, спрашивать, отписываться, объяснять. Популярность его радовала; много онъ встрѣтилъ заявленій, которыя показывали, что слова его не пропали даромъ; много узналъ людей, принесшихъ ему отраду своими душевными качествами. Эти сношенія онъ считалъ прямымъ долгомъ поддерживать и направлять въ хорошую сторону. Особенно онъ былъ внимателенъ къ молодымъ людямъ, къ студентамъ, къ курсиеткамъ.

Затѣмъ—сыпались приглашенія на засѣданія всякихъ обществъ, на обѣды по разнымъ случаямъ, на литературныя чтенія съ благотворительной цѣлью. Нужно было сговариваться о времени, выбирать чтѣ прочесть, готовиться и читать. Но нельзя было вовсе забросить и знакомыхъ и хоть изрѣдка да не побывать у нихъ въ заведенныя среды или субботы. И все это помимо домашнихъ, и семейныхъ, и родственныхъ дѣлъ и заботъ, тоже бравшихъ время и силы. А когда-же было думать и читать? То-есть, когда было совершать дѣло, требующее очень много времени и неподдающееся никакому сокращенію? Понятно, что онъ жилъ въ постоянномъ напряженіи, что внутри его кипѣла непрерывная работа, о которой не имѣютъ понятія люди, не занимавшіеся писательствомъ. Писателю нельзя, какъ профессору, изъ году въ годъ повторять одно и то же; а писателю творческому приходится напрягать всѣ силы своей души, отдаваться вдохновенію до высшаго полета, къ какому оно способно. Вотъ почему писатель,

погружающійся въ свою работу, часто бываетъ совершенно другимъ человекомъ, чѣмъ въ то время, когда не занимается писаніемъ. Напряженіе отзывается во всемъ, и въ подъемѣ самолюбія, и въ повышенной чуткости ко всѣмъ впечатлѣніямъ. „Нельзя писать хорошія вещи“, говорилъ мнѣ одинъ первостепенный и знаменитый своею искренностію писатель, „не будучи убѣжденнымъ въ это время, что дѣлаешь самое важное дѣло, какое есть на свѣтѣ“. Такова причина того глубокаго обращенія внутрь себя, той щекотливости и даже раздражительности, которыя были замѣтны въ Ѳедорѣ Михайловичѣ, особенно въ послѣдніе годы. Въ эти годы онъ почти уже не приходилъ въ расположеніе духа, свойственное людямъ спокойно и просто идущимъ по житейской дорогѣ. Внутреннее напряженіе почти не оставляло его. Это одно изъ тѣхъ бѣдствій, которыми сопровождается литературная карьера, бѣдствіе иногда очень тяжелое и составляющее тѣневую сторону радостей творчества.

Мнѣ хотѣлось объяснить здѣсь нормальную сторону той чрезвычайной впечатлительности, которую обнаруживалъ Ѳедоръ Михайловичъ. Но вѣдь онъ сверхъ того былъ человекъ больной; припадки „священной болѣзни“, такъ часто совмѣщающейся съ высокими нервными организаціями, отнимали у него память, приводили его въ мрачное настроеніе и удваивали его мнительность и щекотливость. Здѣсь было-бы у мѣста привести анекдоты о его забывчивости, неожиданныхъ вспышкахъ и рѣзкостяхъ, тѣ анекдоты, изъ которыхъ иные, конечно, сохранились въ памяти множества людей, приходившихъ въ соприкосновеніе съ замѣчательнымъ человекомъ. Не останавливаясь на этихъ случаяхъ, замѣчу только, что соль подобныхъ анекдотовъ состоитъ не только въ противорѣчій между тѣми признаками раздраженія, которые иногда обнаруживалъ Ѳедоръ Михайловичъ, и тѣмъ большимъ и всеобщимъ уваженіемъ, которое его окружало въ послѣднее время, но также въ умѣ и мѣткости, которые пробивались и въ этихъ, вовсе ненужныхъ и странныхъ выходахъ.

Я самъ очень обижался на Ѳедора Михайловича, тѣмъ болѣе обижался, чѣмъ ближе мы когда-то были. Непобѣдимая мнительность иногда заставляла его смотрѣть и на меня, какъ на человека, имѣющаго къ нему что-то враждебное, недостаточно къ нему расположеннаго, и это очень огорчало меня. „Онъ несправедливъ“, думалъ я, „онъ могъ бы знать мои чувства и вѣрить въ нихъ“. Я старался побѣдить въ себѣ раздраженіе, вѣроятно, черезчуръ самолюбивое, дѣлалъ нѣкоторые приступы къ большому сближенію и до послѣдняго времени все мечталъ, какъ о большомъ благополучіи, о возможности возстановить вполне наше прежнее взаимное расположеніе. Охотно признаю себя виновнымъ, что не вполне

сбужѣлъ и успѣлъ въ этомъ; съ его стороны, я увѣренъ, было такое-же желаніе.

Дѣло въ томъ, что вся эта внѣшность, вся сила этихъ наружныхъ мелочей и слабостей почти вовсе не имѣли вліянія на его поступки, на его образъ чувствъ и дѣйствій, всегда сохранявшій благородство и высоту. Онъ былъ строгъ къ себѣ и даже щепетилень; его великодушіе не могло помириться не только съ темнымъ или недобрымъ поступкомъ, но и съ темнымъ или недобрымъ чувствомъ. Онъ трудился и жилъ, постоянно воспитывая въ себѣ наилучшія чувства и дѣйствуя не только безукоризненно и безкорыстно, а часто самоотверженно.

Но тяжесть его положенія и той дѣятельности, которой онъ предавался всѣми силами, была такъ велика, что онъ невольно сгибался подъ нею. Онъ умеръ въ самый разгаръ своей дѣятельности, какъ будто эта тяжесть вдругъ и неожиданно сломила его, когда онъ стоялъ на своемъ посту, когда боролся и напрягался, какъ того требовало его призваніе. И нельзя отказать ему въ нашемъ умиленіи и удивленіи, если мы вспомнимъ, сколько этотъ человекъ вынесъ труда и горя и сколько онъ сдѣлалъ.

Съ низменной, пошлой точки зрѣнія, на Достоевскаго можно смотрѣть, какъ на зауряднаго литератора. Иные пожалуй скажутъ такъ: „Онъ шелъ самымъ обыкновеннымъ путемъ, торною дорогою этого поприща. Еще въ школѣ онъ почувствовалъ страсть писать,—очень обыкновенное явленіе въ порѣ самолюбивой молодости. По выходѣ изъ школы, онъ бросаетъ профессію, къ которой готовился, не продолжаетъ своего образованія, а весь отдается литературѣ. Онъ скоро увлекается противуправительственными мнѣніями и подвергается ссылкѣ въ казачью каторгу. По возвращеніи онъ получаетъ, въ силу этого, особенный вѣсъ въ либеральной публикѣ и пользуется этимъ. Онъ пишетъ какъ можно больше и эффектиѣ, берется за различныя литературныя предпріятія, обыкновенно неудачныя, но усиленно и постоянно хлопочетъ объ успѣхѣ. Онъ очень высокаго мнѣнія о себѣ, безпорядоченъ въ дѣлахъ, вѣчно въ долгахъ и нуждается, и вѣчно погруженъ въ литературныя дразги. Критики, газетные отзывы, соперники по ремеслу, полемика — вотъ чѣмъ онъ занятъ постоянно и усердно. Нападки на него его раздражаютъ, какъ-будто онъ только-что начинающій фельетонистъ. Пишетъ онъ, вѣчно торопясь, не успѣвая ни вполне обдумать, ни вполне обдѣлать свои произведенія, потому что онъ живетъ одною только литературою. Такъ онъ достигаетъ шестидесяти лѣтъ, написавши очень много; понятно, что его вещи далеко не равнаго достоинства, и лишь нѣкоторыя дѣйствительно замѣчательны“.

Такъ могутъ сказать иные. Но вспомнимъ, что литература имѣть двѣ стороны, и что мы ничего не поймемъ въ ней, если станемъ смотрѣть не съ того конца. Писаніе, конечно, есть дѣло пустое и даже презрѣнное, когда оно дѣлается изъ попугайства, по глупости, по самолюбію или изъ разчета. Но оно есть очень высокое дѣло, когда человѣкъ видитъ въ немъ свое дѣйствительное призваніе. Ѳедоръ Михайловичъ не только всегда былъ, что называется завзятымъ литераторомъ, но былъ, можно сказать, *урожденнымъ* литераторомъ. Можетъ быть еще мальчикомъ, но лѣтъ съ пятнадцати навѣрное, онъ сталъ питать въ себѣ и горячую вѣру въ себя, какъ писателя, и горячую вѣру въ литературу, какъ великое и прекрасное поприще. И онъ до конца не измѣнилъ своей вѣрѣ, и она оправдалась блистательнымъ образомъ. Онъ былъ очень высокаго мнѣнія о своихъ дарахъ, но вѣдь онъ-же имѣлъ на это и не малые права, да и безъ увѣренности въ себѣ нельзя было выступать на поприще проповѣдничества, къ которому онъ чувствовалъ такое влеченіе. По праву поэта

Стрѣла тогда летитъ далеко,
Когда здорова тетива.

Онъ долженъ былъ сознавать свои силы. Но, хотя онъ и считалъ себя богато одареннымъ, хотя готовъ былъ въ минуту вдохновенія видѣть въ своихъ мысляхъ и чувствахъ нѣчто высшее, почти пророческое, онъ, при этомъ, съ самаго начала и до конца признавалъ своимъ поприщемъ только одну литературу, не литературу вообще, а именно нашу текущую литературу; онъ никогда не желалъ и не искалъ никакихъ другихъ успѣховъ, кромѣ успѣховъ въ нашей читающей публикѣ и среди нашей пишущей братіи. Онъ принималъ литературу какъ она есть, со всѣми ея условіями, никогда не становился отъ нея въ сторонѣ и не бросалъ на нее взглядовъ свысока. Это отсутствіе малѣйшаго *литературнаго аристократизма* есть въ немъ черта прекрасная и даже трогательная. Русская литература была, какъ будто, тоже *почвою*, на которой выросъ Ѳедоръ Михайловичъ, отъ которой онъ никогда не отрывался, къ которой питалъ кровную любовь и преданность. Мы уже приходилось въ началѣ указывать, что онъ былъ даже прямымъ питомцемъ петербургской литературы, раздѣлялъ ея вкусы и употреблялъ ея приемы. Всѣ литературныя формы, отъ фельетоннаго дурачества до высшаго художественнаго творчества имѣли въ его глазахъ свою законность, свое мѣсто, и онъ готовъ былъ упражняться во всякихъ родахъ. Всѣ чисто-литературныя способы дѣйствовать на публику, возбуждать ея вниманіе и имѣть въ ней успѣхъ онъ считалъ дѣломъ хорошимъ, такъ какъ это были условія его ремесла,

и уже одно распространёніе чтенія было въ его глазахъ великою пользою. Журналъ, который-бы вѣчно блестѣлъ новизною, который-бы и смѣшилъ, и развлекалъ, и серьезно наставлялъ читателя, былъ его постоянною мечтою. Онъ хорошо зналъ, что, выступая въ публику и въ литературную сферу, онъ выходитъ на базаръ, на площадь, и ни мало не думалъ стыдиться ни своего ремесла, ни своихъ собратій по ремеслу. Напротивъ, онъ гордился этимъ дѣломъ, считалъ его великимъ, священнымъ, — и вотъ гдѣ истинный смыслъ всего его поведенія, всѣхъ его стараній и пріемовъ.

Дѣло въ томъ, что онъ несъ на площадь свою мысль, свою душу. Онъ съ самаго начала выступилъ какъ *новый* писатель, глядящій на вещи съ своей, съ особенной стороны. Это тотчасъ поняли и признали Бѣлинскій и Некрасовъ, хотя и не вся глубина и ширина этой *новости* была имъ доступна. Самъ Достоевскій всю жизнь рвался выразить тотъ рой мыслей и чувствъ, которымъ полна была его голова, и все не успѣвалъ вполне высказаться, все оставался недоволенъ тѣмъ, что писалъ. И такъ, не изъ подражанія или разсчета онъ писалъ, а, напротивъ, онъ былъ отъ начала твердо увѣренъ, что другіе должны ему подражать, и что драгоценности, которыя онъ предлагаетъ читателямъ, несравненно выше всякихъ денегъ, всякой цѣны. Успѣхъ его былъ, однакоже, медленный и очень трудный, отчасти потому, что талантъ его хотя и значительно обнаружился съ перваго-же раза, но продолжалъ медленно зрѣть до полной силы, отчасти потому, что онъ не умѣлъ вести своихъ дѣлъ, а между тѣмъ брался за разныя литературныя предпріятія, воображая, что можетъ соперничать съ иными изъ самыхъ практичныхъ своихъ собратій по профессіи. Но наконецъ онъ всетаки достигъ своего; послѣ долгой и тяжелой борьбы онъ достигъ огромной извѣстности, достигъ распространенія въ публикѣ своихъ чувствъ и мыслей и наконецъ, достатка, если не богатства, котораго, конечно, стоилъ, хоть и не желалъ.

Если, такимъ образомъ, взять въ цѣломъ эту жизнь и эту карьеру, то нельзя не быть пораженнымъ. Ему досталась на долю тяжкая кара со стороны власти, которая не безъ причины подозрительно смотритъ на иные кружки интеллигенціи, но на этотъ разъ была чересчуръ строга, да и потомъ ошибалась по отношенію къ нему. Ему досталось на долю разореніе, то есть не только потеря всякаго имущества, но еще большіе долги и обязанность поддерживать большую семью покойнаго брата. Ему, наконецъ, досталось на долю все неустройство литературной жизни, десятки лѣтъ невѣрнаго, непостояннаго заработка, забирающаго денегъ впередъ, выжиданья, выпрашиванья, неразсчитливыхъ тратъ и сидѣнья безъ копѣйки. Все онъ перенесъ, все побѣдилъ, не измѣняя своей цѣли, не

покидая своего поприща, не теряя ни бодрости, ни пламеннаго желанія высказаться, оставаясь себѣ вѣрнымъ отъ „Бѣдныхъ людей“ и до „Братьевъ Карамазовыхъ“. Это не простой литераторъ, а настоящій герой литературнаго поприща. Въ его сочиненіяхъ много мыслей, приводящихъ въ умиленіе; но и самъ онъ, какъ человѣкъ, съ такимъ трудомъ создавшій свою судьбу, бодро вынесшій столько тягостей и волненій, достоинъ умиленія.

XXII.

Послѣднія минуты *).

Дней за десять до той кратковременной болѣзни, которая свела Ѳеодора Михайловича въ могилу, зашелъ къ нему О. Ѳ. Миллеръ напомнить ему о данномъ имъ обѣщаніи участвовать въ Пушкинскомъ вечерѣ 29-го января (въ день смерти поэта). Незванный гость, какъ это и часто случалось съ Ѳеодоромъ Михайловичемъ, оказался для него хуже татарина. О. Ѳ. Миллеръ не сообразилъ, что Ѳеодоръ Михайловичъ какъ разъ дописывалъ тогда январскій номеръ возобновляемаго имъ „Дневника Писателя“. Онъ выбѣжалъ къ посѣтителю въ прихожую съ перомъ въ рукѣ, страшно взволнованный — отчасти, какъ самъ тутъ и высказалъ, опасеніемъ, пропустить ли ему цензура нѣсколько такихъ строкъ, содержаніе которыхъ должно развиваться въ дальнѣйшихъ номерахъ „Дневника“, — въ теченіи всего года. „Не пропустятъ этого“, говорилъ онъ, — „и все пропало“ (извѣстно, что не имѣя средствъ для внесенія залога, онъ долженъ былъ издавать свой „Дневникъ“ подъ предварительною цензурою). Строки, такъ его безпокоившія, надо думать, тѣ, которыми открывается 5-й отдѣлъ 1-й главы „Дневника“ (подъ заглавіемъ: „пусть первые скажутъ, а мы пока постоимъ въ сторонкѣ, единственно чтобъ уму разуму поучиться“): „На это есть одно магическое слово, именно: „Оказать довѣріе“. Да, нашему народу можно оказать довѣріе, ибо онъ достоинъ его. Позовите сѣрые зипуны и спросите ихъ самихъ объ ихъ нуждахъ, о томъ, чего имъ надо, и они скажутъ вамъ правду, и мы все въ первый разъ, можетъ быть, услышимъ настоящую правду“.

Если въ дальнѣйшихъ номерахъ „Дневника“ Ѳеодоръ Михайловичъ предполагалъ развивать эту мысль — подробно говорить о томъ, что называлось у Посошкова „народосовѣтіемъ“, и что, такъ сказать, прошло

*) Глава эта составлена общими силами очевидцевъ.
МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЖИЗНЬОПИСАНІЯ.

мимо ушей у нашей интеллигенціи, то къ самому Федору Михайловичу смѣло могутъ быть отнесены послѣднія слова его рѣчи о Пушкинѣ: „жилъ-бы онъ долѣе, такъ и между нами, было-бы, можетъ быть, менѣе недоразумѣній и споровъ, чѣмъ видимъ теперь. Но Богъ судилъ иначе. Онъ умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и безспорно унесъ съ собою въ гробъ нѣкоторую великую тайну. И вотъ мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ“.

Какъ ни понятно было то возбужденное состояніе, при которомъ Федоръ Михайловичъ не принялъ тогда для переговоровъ о литературномъ вечерѣ Ореста Федоровича Миллера, изъ письма къ послѣднему Анны Григорьевны, написаннаго день или два спустя, видно, что Федоръ Михайловичъ беспокоился, не обидѣлъ-ли онъ неласковымъ приѣмомъ своего знакомаго. „Вотъ и еще, пожалуй, человѣка потеряю“, говорилъ онъ Аннѣ Григорьевнѣ, поручая ей извиниться за себя въ письмѣ и сказать, что онъ непременно будетъ участвовать въ Пушкинскомъ вечерѣ. Въ воскресенье, 25-го января, разсчитавъ, что „Дневникъ“ уже долженъ быть дописанъ, О. О. Миллеръ отправился къ Федору Михайловичу и засталъ у него А. Н. Майкова и Н. Н. Страхова. Сдавъ работу, такъ его беспокоившую, и обнадеженный стоявшимъ тогда во главѣ управленія по дѣламъ печати г. Абазой, что у цензуры рука не поднимется ни на одну его мысль, Федоръ Михайловичъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Но когда рѣчь зашла о чтеніи, онъ вдругъ настоятельно заявилъ, что желаетъ прочесть на вечерѣ нѣкоторые любимыя имъ небольшія стихотворенія Пушкина. О. О. Миллеръ замѣтилъ ему, что онъ заранѣе указалъ на отрывокъ изъ „Евгенія Онегина“, какъ уже и значится въ афишѣ вечера, и что выборъ Федоромъ Михайловичемъ другаго предмета для чтенія заставитъ опять хлопотать у попечителя учебнаго округа и у градоначальника. Федоръ Михайловичъ нѣсколько раздражился и сказалъ, что кромѣ указываемыхъ имъ теперь небольшихъ стихотвореній онъ ничего другаго читать не будетъ. О. О. Миллеръ, въ свою очередь раздражившись, неосторожно попрекнулъ Федора Михайловича недостаточнымъ вниманіемъ къ его, Миллера, не легкому положенію въ качествѣ устроителя вечера. Тогда Федоръ Михайловичъ уже не раздражился, а огорчился. „И не грѣхъ вамъ“, сказалъ онъ, „говорить это; сколько разъ я по вашей просьбѣ читалъ для студентовъ“. Небольшая размолвка окончилась миролюбиво. О. О. Миллеръ далъ слово выхлопотать разрѣшеніе на замѣну прежняго отрывка другими стихотвореніями, только бы Федоръ Михайловичъ участвовалъ въ вечерѣ. Когда онъ уходилъ, хозяинъ, совершенно уже успокоенный, проводилъ до дверей О. О. Миллера, которому такъ и

не пришлось уже болѣе увидать живымъ Ѳедора Михайловича. На другой же день узналъ онъ о внезапной его болѣзни (разрывъ легочной артеріи) и поспѣшилъ къ Аннѣ Григорьевнѣ въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ о томъ, не вчерашнія-ли объясненія повредили Ѳедору Михайловичу. Къ успокоенію своему, О. Ѳ. Миллеръ узналъ, что, вслѣдъ затѣмъ, Ѳедоръ Михайловичъ былъ дѣйствительно сильно взволнованъ другимъ совѣмъ посѣщеніемъ. Вызвавшись съѣздить сейчасъ-же за проф. Кашлаковымъ, О. Ѳ. Миллеръ, отправился къ нему снова въ среду узнать его мнѣніе о болѣзни Ѳедора Михайловича. Проф. Кашлаковъ далеко не терялъ надежду на выздоровленіе больного, но когда нѣсколько часовъ спустя О. Ѳ. Миллеръ отправился на квартиру къ Ѳедору Михайловичу, то къ ужасу своему узналъ, что его только что не стало. Сильный припадокъ обыкновенной его болѣзни сразу сокрушилъ давно надломленный организмъ.

Послѣднія 9 лѣтъ своей жизни Ѳедоръ Михайловичъ страдалъ эмфиземой, вслѣдствіе катарра дыхательныхъ путей. Смертельный исходъ болѣзни произошелъ отъ разрыва легочной артеріи и былъ случайностію, которой никто изъ докторовъ не предвидѣлъ. Предсмертная болѣзнь началась въ ночь съ 25 на 26 января небольшимъ кровотеченіемъ изъ носа, на которое Ѳедоръ Михайловичъ не обратилъ никакого вниманія. 26 января онъ былъ, новидимому, совершенно здоровъ, но хотѣлъ посоветоваться съ докторами на счетъ кровотеченія. Въ 4 часа пополудни сдѣлалось первое кровотеченіе горломъ. Тотчасъ привезли всегдшняго доктора Ѳедора Михайловича, Якова Богдановича Фонъ-Бретцеля. Уже при немъ, часа черезъ полтора послѣ перваго кровотеченія, произошло второе, болѣе сильное, при чемъ больной потерялъ сознаніе. Когда онъ пришелъ въ себя, то тотчасъ пожелалъ исповѣдаться и причаститься. До прихода священника, онъ простился съ женой и дѣтьми и благословилъ ихъ. Послѣ причащенія почувствовалъ себя гораздо лучше.

Кромѣ фонъ-Бретцеля былъ приглашенъ еще докторъ, А. А. Пфейферъ и потомъ, какъ уже сказано, профессоръ Кошлаковъ, который былъ трижды, 26, 27 и 28 января.

Весь день 27 января кровотеченіе не повторялось и Ѳедоръ Михайловичъ чувствовалъ себя сравнительно хорошо. Очень заботился онъ о томъ, чтобы „Дневникъ Писателя“ вышелъ непременно 31 января. Просилъ Анну Григорьевну прочесть принесенныя корректуры и поправить ихъ. Потомъ просилъ читать ему газеты.

28 января до 12 часовъ все шло благополучно, но затѣмъ опять пошла кровь и Ѳедоръ Михайловичъ очень ослабѣлъ.

Въ это время къ нему заѣхалъ А. Н. Майковъ и провелъ у него все

предобѣденное время, наблюдая и ухаживая за нимъ вмѣстѣ съ домашними. Разговоры не было, потому что больному было строго запрещено говорить.

Около двухъ часовъ, ему было, повидимому, лучше. Часу въ пятомъ А. Н. Майковъ уѣхалъ домой обѣдать.

Во всю свою жизнь въ рѣшительныя минуты Феодоръ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе, по словамъ Анны Григорьевны, раскрывать на удачу то самое евангеліе, которое было съ нимъ въ каторгѣ, и читать верхнія строки открывшейся страницы. Такъ поступилъ онъ и тутъ и далъ прочесть женѣ. Это было: Матѣ. гл. III, ст. 11: „Іоаннъ-же удерживалъ его и говорилъ: мнѣ надобно креститься отъ тебя и ты-ли приходишь ко мнѣ? Но Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: не удерживай, ибо такъ надлежитъ намъ исполнить великую правду“. Когда Анна Григорьевна прочла это, Феодоръ Михайловичъ сказалъ: „ты слышишь— „не удерживай“, —значить я умру“, и закрылъ книгу. Предчувствіе скорѣ оправдалось. За два часа до кончины, Феодоръ Михайловичъ просилъ, чтобы Евангеліе было передано его сыну, Федѣ.

Послѣ обѣда А. Н. Майковъ вернулся къ больному уже не одинъ, а съ женою, и при нихъ, въ 6^{1/2} часовъ вечера, случилось послѣднее кровотеченіе, за которымъ слѣдовало безпамятство и агонія. Анна Ивановна Майкова сейчасъ пустилась отыскивать еще доктора и привезла съ собою Н. П. Черепнина, котораго нашла у одного изъ его знакомыхъ. Но когда они пріѣхали, уже наступалъ конецъ, и Н. П. Черепнину довелось только услышать послѣднія біенія сердца Феодора Михайловича.

Нѣсколько ранѣ пріѣхалъ Б. М. Маркевичъ, описавшій потомъ печальную минуту смерти. (См. „Русскій Вѣстникъ“, 1881 г. февраль).

Феодоръ Михайловичъ скончался въ 8 часовъ 38 минутъ вечера.

XXIII.

Похороны.

Похороны Достоевскаго представляли явленіе, которое всѣхъ поразило. Такого огромнаго стеченія народа, такихъ многочисленныхъ и усердныхъ заявленій уваженія и сожалѣнія не могли ожидать самые горячіе поклонники покойнаго писателя. Можно смѣло сказать, что до того времени никогда еще не бывало на Руси такихъ похоронъ.

Всего яснѣе покажутъ дѣло цифры: въ погребальной процессіи, при выносѣ тѣла изъ квартиры (Кузнечный переулокъ, № 5) въ церковь Св. Духа, въ Невской лаврѣ, было несено 67 вѣнковъ и цѣли 15 хо-

ровъ иѣвчихъ. 67 вѣнковъ—это значитъ 67 различныхъ депутацій, 67 различныхъ обществъ и учреждений, пожелавшихъ оказать почести умершему. 15 хоровъ иѣвчихъ—значитъ 15 различныхъ кружковъ и вѣдомствъ, имѣвшихъ возможность для этого снарядить иѣвчихъ. Какимъ образомъ составилаь такая громадная манифестація—это составляетъ не малую загадку. Очевидно, она составилаь вдругъ, безъ всякой предварительной агитаціи, безъ всякихъ подготовленій, уговоровъ и распоряженій, потому что никто не ожидалъ смерти Достоевскаго, и время между неожиданнымъ извѣстіемъ о ней и похоронами (три дня) было слишкомъ коротко для какихъ нибудь обширныхъ приготовленій. Слѣдовательно, почти каждая изъ 67 депутацій имѣетъ свою особую исторію, независимую отъ другихъ. Свойство и смыслъ тѣхъ побужденій, по которымъ шли эти депутаціи—вотъ что важно въ высшей степени и о чемъ трудно говорить съ опредѣленностію, для чего требовалось-бы больше свѣдѣній, чѣмъ мы имѣемъ.

Извѣстно, однако, что въ разныхъ мѣстахъ города, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ церквахъ—служились по Достоевскомъ панихиды по собственному желанію преподавателей и духовныхъ лицъ. Извѣстно, что лица иныхъ официальныхъ вѣдомствъ едва успѣвали по краткости времени получить надлежащее разрѣшеніе для участія въ церемоніи, и были случаи, что даже обходились безъ разрѣшенія. Наканунѣ выноса, Аннѣ Григорьевнѣ было извѣстно о 8-ми депутаціяхъ, желавшихъ нести вѣнки, и она съ радостію думала о такомъ великомъ почетѣ, оказываемомъ покойному мужу. Между тѣмъ, въ минутѣ похоронъ оказалось на лицо 72 депутаціи. Главная масса провожавшихъ состояла изъ разнообразнѣйшихъ классовъ публики, и очень было замѣтно множество молодыхъ людей, мужчинъ и женщинъ. Характеръ самой процессіи былъ удивительно ясенъ. Она была нѣсколько безпорядочна, вслѣдствіе поспѣшности, съ которою собралась, но безъ всякой тѣни волненія, безъ признаковъ того возбужденія, которое обнаруживается, когда толпа дѣлаетъ демонстрацію. Это была настоящая похоронная процессія. И такой-же спокойный, чистый, грустный характеръ имѣли всѣ обряды погребенія и тѣ рѣчи, которыя были сказаны въ церкви и на могилѣ. Церковь Св. Духа была удивительно красива во время заупокойной обѣдни. Не только гробъ, стоявшій на высокомъ катафалкѣ, былъ покрытъ цвѣтами и вѣнками, но огромные вѣнки подымались еще со всѣхъ сторонъ по сторонамъ и даже по стѣнамъ и давали всему храму особенный видъ, необыкновенно прекрасный. Тѣснота была большая, но, несмотря на то, тишина была вполне благоговѣйная.

Такъ просто, спокойно и прилично дѣлу совершились эти похороны, несмотря на то, что по своимъ размѣрамъ они были истиннымъ событіемъ, не меньшимъ, а даже несравненно большимъ, чѣмъ событіе рѣчи о Пушкинѣ. Почести, которыя отдавались покойному писателю, вдругъ обнаружили, что онъ имѣлъ необычайно широкій кругъ искреннихъ поклонниковъ и были изумительны для всѣхъ, и для его близкихъ, и для литературной сферы, и даже для самихъ поклонниковъ, неожиданно увидѣвшихъ другъ друга въ такомъ множествѣ. Въ городѣ поднялись горячіе толки и пересуды о значеніи и причинахъ этого событія. Изъ людей подозрительныхъ и равнодушныхъ къ литературѣ иные говорили, что публику привлекло больше всего желаніе почтить бывшаго каторжника и такимъ образомъ выразить извѣстнаго рода протестъ; по пзъ людей, ближе знакомыхъ съ движеніемъ литературы и болѣе преданныхъ прогрессивнымъ идеямъ, нѣкоторые судили правильнѣе. Они огорчались этими знаками сочувствія писателю патріотическому и, по ихъ мнѣнію, ретроградному. Была, наконецъ, и третья странная категорія судей, нашедшая выходъ изъ дилеммы въ томъ, что Достоевскій есть будто-бы изобразитель всего мрака и ужаса русской жизни, что онъ уже не смѣялся надъ нею, какъ Гоголь, а плакалъ.

Разумѣется, въ огромной толпѣ, провожавшей покойника, попадались люди, которые могли подать поводъ къ каждому изъ этихъ толкованій. Но главная масса, составлявшая ядро толпы и менѣе другихъ расположенная ораторствовать, конечно, руководилась другими чувствами. Она очевидно хоронила въ Достоевскомъ наставника, нравственнаго учителя, того, кто ей говорилъ: „смирись, гордый человѣкъ! Потрудиись, праздный человѣкъ!“ Проповѣдь любви и мира, съ которою онъ выступилъ отъ начала и которая составила его особое направленіе среди литературы, не всегда отказывавшейся отъ распространенія вражды и отъ возбужденія всякаго рода страстей, — вотъ главная причина сочувствія къ нему. Общество, утомленное пустымъ и ненавистнымъ броженіемъ, измученное господствующею смутю умовъ и сердецъ и жаждущее твердой нравственной опоры, видѣло въ немъ одного изъ руководителей, указывавшаго на тѣ пути, гдѣ можно и должно искать спасенія. Дѣйствительно, поклонники читли въ немъ человѣка пострадавшаго, но не такого, который въ силу этого пыталъ-бы какую нибудь мысль о враждѣ или мести. Дѣйствительно, въ немъ читли патріота и консерватора; но онъ былъ для многихъ отраднымъ явленіемъ не потому, что какъ нибудь бичевалъ и поражалъ революціонныя стремленія, грозящія нарушить порядокъ и наше спокойствіе, а потому, что умѣлъ сочувствовать самымъ высокимъ, чисто духовнымъ инте-

ресамъ русскихъ людей; въ его словахъ обнаруживалось религіозное настроеніе, преданность ученію Христа и православію; онъ благоговѣлъ передъ нравственными силами и идеалами народа, не только вѣрилъ въ народъ, а любилъ его, какъ родную почву, какъ родныхъ людей; наконецъ, ему дорого было наше государственное могущество, наше единство и его политическія задачи, ради которыхъ издавна и всегда русскіе люди такъ много жертвовали и готовы жертвовать. Вотъ чтò дѣлало его дорогимъ для людей, видѣвшихъ и слышавшихъ каждый день, какъ оскорбляются словомъ и дѣломъ самые святыя для нихъ предметы. Но всею меньше можно принять Достоевскаго за обличителя, толковать его писанія въ смыслѣ обличеній, — т. е. употреблять излюбленный маневръ, къ которому прибѣгаетъ наша критика въ затруднительныхъ случаяхъ. Такое толкованіе было-бы прямымъ извращеніемъ дѣла. Съ самаго начала, съ „Бѣдныхъ Людей“, онъ выступилъ съ мыслью, которая несравненно выше обличенія и отвергаетъ обличеніе, какъ слишкомъ узкую точку зрѣнія. Онъ сталъ доказывать, что всякимъ несчастнымъ, всякимъ „униженнымъ и оскорбленнымъ“ нужно сочувствовать не потому лишь, что они терпятъ страданія, что судьба искажаетъ ихъ, ломаетъ, уродуетъ, а напротивъ потому, что они бываютъ прекрасны, что въ ихъ душахъ иногда проявляются лучшія человѣческія черты, что искра Божія въ нихъ не гаснетъ; слѣдовательно, что нужно не только сожалѣть и горевать объ нихъ, а нужно ихъ *любить*. На эту тему онъ писалъ отъ начала до конца; весь мракъ и ужасъ, который онъ захватилъ въ свои картины, служить ему для того, чтобы показать тотъ свѣтъ, который горитъ въ этомъ мракѣ. Обличенія въ обыкновенномъ смыслѣ, то есть, обличенія среды, обстоятельствъ, строя общества и т. п., тутъ никакъ не выйдеть; скорѣе выйдеть иногда старинная мысль, что страданіе очищаетъ душу, а счастье ее портить. Но во всякомъ случаѣ выйдеть постоянная проповѣдь любви, постоянный призывъ къ тому, чтобы мы въ забытыхъ, искаженныхъ существахъ умѣли видѣть и любить своихъ братьевъ.

Не нужно забывать притомъ, что Достоевскій умеръ неожиданно, умеръ тогда, когда его голосъ сталъ раздаваться всего чаще и всего громче. Это была не смерть заслуженнаго литератора, на покой доживающаго свои дни, а смерть журналиста, застигшая его наканунѣ выпуска горячаго номера. Популярность его росла въ послѣдніе годы съ удивительною быстротою, и онъ умеръ въ минуту этого быстрого настанія. Поэтому пробѣлъ, образовавшійся въ литературѣ, былъ живо всѣми почувствованъ, утрата была явная, поразительная. Его „Дневникъ“ и по своему внутреннему вѣсу и по вѣшнему вліянію на читателей, конечно, равнялся цѣлому

толстому журналу, самому популярному и живому. Въ послѣдніе годы Достоевскій пріобрѣлъ стариковскую увѣренность и твердость въ писаніи, выступалъ съ настоящимъ авторитетнымъ тономъ, простымъ и живымъ, и поэтому производилъ могущественное впечатлѣніе. Точно такъ и его романы всегда стояли въ первомъ ряду художественныхъ произведеній текущей литературы, были выдающимися ея явленіями. Размѣры-же всей этой дѣятельности были необыкновенные; никто еще изъ нашихъ крупныхъ писателей не писалъ такъ много. Поэтому понятно, что для многихъ читателей со смертью Достоевскаго сошла въ могилу огромная доля, чуть не половина наличной литературы.

Подумайте сверхъ того, сколько было людей, для которыхъ эта утрата была незамѣнима. Достоевскій не былъ просто *частью* петербургской литературы; скорѣе онъ былъ ея *противоположностью*, контрастомъ этой литературы. Онъ и вообще не былъ поклонникомъ минуты, не плылъ по вѣтру, а всегда былъ писателемъ независимымъ, слѣдовалъ своимъ собственнымъ мыслямъ. Но меньше всего онъ потворствовалъ какому нибудь моднымъ направленіямъ, ходячему литературному настроенію; напротивъ, онъ объявилъ себя ихъ врагомъ, онъ открыто преклонялся передъ началами, которыя для нашей интеллигенціи только „соблазнъ и безуміе“. Свою преданность искусству, свою любовь къ народнымъ началамъ, свое отвращеніе къ язвамъ Европы, свою вѣру въ безсмертіе души, свою религіозность, все это онъ смѣло и настойчиво проповѣдывалъ, и всего смѣлѣе и настойчивѣе въ ту минуту, когда его настигла смерть. И такъ не мода, не заднія мысли собрали ту огромную толпу, которая шла за его гробомъ.

Въ этой толпѣ особенно важно и полно смысла появленіе множества молодыхъ людей. Проповѣдникъ любви и прощенія сдѣлался имъ дорогъ потому, что онъ, жарко нападая на ихъ заблужденія, жалѣлъ самихъ заблуждающихся, умѣлъ понимать ихъ и указывать имъ выходъ на другую дорогу. Тутъ были вѣроятно и нераскаленные, но непремѣнно были и *кающіеся* нигилисты, то есть люди, дающіе намъ надежду на исцѣленіе отъ этого великаго зла. Что касается до самого покойника, то въ немъ эта надежда горѣла постоянно. Онъ вѣрилъ, что трудился для началъ спасительныхъ, животворныхъ и радовался своимъ успѣхамъ, и трудился неутомимо. Мнѣ радостно вспомнить, что въ послѣдніе годы и даже передъ самою его смертью я выражалъ ему свое удивленіе передъ его дѣятельностію, говорилъ ему, что онъ дѣлаетъ чудеса и что нельзя не восхищаться огромными успѣхами такой прекрасной проповѣди. Зная настроеніе петербургской публики и литературы, я не могъ не придавать великаго значенія той жадности, съ которою расхватывался „Дневникъ Писателя“. Поэтому

похороны хотя очень удивили и меня, но все же не такъ, какъ многихъ другихъ. И я думаю, смыслъ ихъ болѣе или менѣе понятенъ былъ только тому, кто сохранилъ въ себѣ слѣды патріотическаго и религіознаго духа. Этотъ духъ еще силенъ неизмѣримо; онъ еще проявляется при каждомъ удобномъ случаѣ, хотя большею частію чувствомъ, а не мыслію, дѣломъ, а не словомъ. Если-же окажется надобность въ полномъ его напряженіи, то тѣ, кто не чужды этого духа, хорошо знаютъ, что передъ нимъ ничто не устоитъ и разлетится, какъ пустая шелуха, всѣ труды и созиданія его противниковъ.

Н. Страховъ.

Вотъ нѣсколько телеграммъ, полученныхъ Анною Григорьевною:

Сергіевскій посадъ, 31 января 5 час. дня.

Глубокоуважаемая Анна Григорьевна!

Жгучею болью отозвалась въ сердцахъ нашихъ вѣсть о смерти глубоко уважаемаго нами супруга вашего. Позвольте-же намъ раздѣлить съ вами великое горе свое. Прискорбно и больно видѣть намъ смерть эту, отнявшую у Россіи труженика, печальника и доброй души человѣка. Жалка потеря дѣятеля, который радовался радостями русскаго народа и страдалъ его страданіями, который носилъ въ сердцѣ своемъ тяготы алчущихъ, жаждущихъ, униженныхъ и оскорбленныхъ, который любилъ свою родину истинною любовію. Онъ любилъ не идеализированную Русь, а Русь со всѣми ея слабостями и недостатками. Будучи далекимъ отъ того, чтобы восторгаться идеальными совершенствами русской жизни и русскаго народа, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ далекъ былъ и отъ намѣренія бросать грязью въ эту жизнь и въ этотъ народъ. Въ самыхъ невылазныхъ болотахъ русской жизни и русскаго быта онъ старался находить драгоценную жемчужину широкой доброй русской души и дѣйствительно находилъ ее. Самая даже маленькая черточка образа Божія въ человѣкѣ дорога была ему, потому что она являлась для него залогомъ лучшаго будущаго, возможныхъ лучшихъ отношеній между людьми. Жалка намъ потеря общаго друга, который имѣлъ столь всеобъемлющее и любвеобильное сердце, что способенъ былъ примирить съ собою самыхъ разномыслящихъ людей, что почти всѣхъ ихъ заставлялъ подать ему руку. Больно и горько намъ видѣть смерть истинно-русскаго человѣка, который всѣхъ больше понималъ

душу и сердце своего народа, и уже поэтому болѣе другихъ способенъ былъ указать ему его истинный идеаль.

Почившій о Бозѣ любимецъ нашъ! Ты самъ совѣтовалъ намъ повторять всегда: упокой, Господи, всѣхъ усопшихъ. Въ этотъ день съ великою скорбію мы примѣняемъ теперь эти слова твои къ тебѣ-же самому. Миръ праху твоему, честный труженикъ на русской нивѣ! Да будетъ тебѣ, добрый человѣкъ, любовь Божія на небесахъ наградою за любовь твою къ братьямъ о Христѣ!

Отъ лица всѣхъ студентовъ Московской Духовной Академіи

Иванъ Яхонтовъ.

Харьковъ, 31 января 1881 г.

Харьковцы глубоко поражены смертію незабвеннаго Оедора Михайловича. Завтра въ университетской церкви соберемся почитать его память

Сыхра.

Тверь, 1 февраля 12 ч. 10 м. дня.

Почитатели таланта усопшаго супруга вашего, служащіе тверской гимназіи и реального училища, помолившись за упокой души его, шлютъ вамъ глубокое сочувствіе къ поразившему васъ горю и выражаютъ сожалѣніе объ утратѣ, постигшей васъ и всю Россію, лишившуюся въ лицѣ Оедора Михайловича глубокаго русскаго мыслителя и истиннаго патріота.

Протоіерей Первухинъ, Геречанъ, Оедоровъ, Львовъ, Кирсикъ, Голейшовскій, Шмелевъ, Крыловъ, Крупаръ, Горнманъ, Одинцовъ, Кизиминъ, Розовъ, Некрасовъ.

Харьковъ, 1 февраля 2 ч. 59 м. дня.

Позвольте выразить вамъ сочувствіе къ вашему личному горю, близкому также всѣмъ намъ. Мы, учительницы женской воскресной школы въ Харьковѣ, со всѣми нашими ученицами возвратились сейчасъ съ панихиды, на которой молились о незабвенномъ Оедорѣ Михайловичѣ. Панихида происходила въ университетской церкви при огромномъ стеченіи народа. Уважаемымъ профессоромъ Бекетовымъ была произнесена прочувствованная рѣчь, вызвавшая слезы.

Алевская.

Старая Русса, 2 февраля 1881 г.

Старорусское городское общество, считая въ числѣ своихъ согражданъ великаго писателя и человѣка, супруга вашего, Ѳедора Михайловича Достоевскаго, сегодня въ общемъ составѣ въ городскомъ соборѣ молилось о немъ и скорбь свою о потерѣ его считаетъ долгомъ выразить предъ вами искреннимъ своимъ сочувствіемъ.

Городской голова Иванъ Дьячковъ.

Кронштадтъ, 3 февраля 1881 г.

Анна Григорьевна! Ученики старшихъ классовъ Кронштадтской классической гимназіи, возвратившись только что съ панихиды по незабвенномъ супругѣ вашему, Ѳедорѣ Михайловичѣ, единогласно рѣшили выразить вамъ свое искреннее душевное сочувствіе въ понесенной вами утратѣ. Вѣримъ, что утрата эта самую жгучею болью отозвалась въ вашемъ сердцѣ, но повѣрьте и вы, Анна Григорьевна, что смерть того, кто цѣлую жизнь ратовалъ за человѣческія права „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“, смерть того не можетъ не сжать болѣзненно сердца всякаго русскаго человѣка, не испорченнаго, не искалѣченнаго и умѣющаго еще молодо и горячо сочувствовать всему честному, всему искреннему. Память о томъ человѣкѣ, который еще нѣсколько дней до смерти такъ горячо вѣрилъ въ подрастающее молодое поколѣніе, кто умѣлъ прощать его увлеченія и сочувствовать его стремленіямъ, кто предсказывалъ ему свѣтлую дорогу труда и чести, кто осѣнялъ эту дорогу примѣромъ своей безукоризненной жизни, память о томъ человѣкѣ не умретъ въ сердцахъ русской молодежи, въ сердцахъ нашихъ. А кончая нашъ жизненный путь, мы научимъ дѣтей нашихъ уважать и любить того, кончину кого мы сами такъ горько и безутѣшно оплакиваемъ. И мы вѣримъ, что наши дѣти поймутъ насъ.

Отъ лица трехъ старшихъ классовъ, воспитанникъ *М. Кольцовъ.*

Саратовъ, 7 февраля 1881 г.

Кружокъ саратовскихъ литераторовъ виѣстѣ съ издателями и редакторами газетъ: „Саратовскій Листокъ“, „Волга“, „Дневникъ“ и „Губернскія Вѣдомости“, чтя память великаго нашего писателя Ѳедора Ми-

хайловича Достоевскаго, шлеть вамъ выраженіе глубокаго сожалѣнія о потерѣ вашей и всей мыслящей Россіи.

Ѳ. М. Достоевскій, Илья Саловъ, Михаилъ Поповъ, Петръ Лебедевъ, Леонидъ Блюммеръ, Иванъ Ларіоновъ, Ананій Куцъ, Иванъ Горизонтовъ, Сергій Гусевъ, Ѳедоръ Соколовъ, Александръ Кулаковъ, Юреневъ, Редакторъ „Воли“ Дмитрій Авксентьевъ.

Одесса, 8 февраля 1881 г.

Просимъ передать вдовѣ Ѳедора Михайловича Достоевскаго. Одесское Славянское Общество въ сегодняшнемъ торжественномъ собраніи постановило высказать телеграммою сочувствіе ея горю и свою скорбь о потерѣ милаго, добраго, хорошаго русскаго мыслителя.

Предсѣдатель Бухтеевъ.

Казань, 9 февраля 1881 г.

Лювеобильное сердце усопшаго Ѳедора Михайловича чистой и горячей любовью билось и къ бѣднымъ дѣтямъ. Совѣтъ Казанскаго общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ, принявшій на себя тяжелую, но святую заботу нравственнаго перевоспитанія и исправленія несчастныхъ дѣтей, не можетъ не чтить его свѣтлой памяти и вмѣстѣ съ вами и всей Россіей не оплакивать тяжелой потери. Примите выраженіе и нашей скорби къ постигшему всѣхъ горю.

Предсѣдатель Молоствовъ. Члены совѣта: Профессоръ Осокинъ, Николай, Юшковъ, Петръ Купріяновъ, Сергій Ивановъ, Моисей Струзеръ, Петръ Месетниковъ, смотритель Злобинъ.